Лариса Михайлова Колин Уилсон Дин Уитлок Стив Перри Джозеф Ши Ву Ян Ю Юнксионг Татьяна Лаврова Алексис де Токвнль

Сверхновая американская фантастика, 1995 № 2

Сверхновая американская фантастика (журнал) – 008

FineReader 12
««Сверхновая американская фантастика» №2, 1995»: Издательство

«Ладомир»; Москва; 1995
ISBN ISSN 1029-2675

Аннотация

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantazy and Science Fiction». Выходит с июля 1994 г.

Номер 8

КИТАЙ В ФАНТАСТИКЕ

FB2 книгу сделал mefysto

СВЕРХНОВАЯ

американская фантастика

№ 8

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ЗА КИТАЙСКОЙ СТЕНОЙ

«Жить вам во времена перемен» — желали древние китайцы своим недругам. Мы сейчас на своей шкуре испытываем всю недобрую силу такого проклятия. Хотя представление о благотворности перемен глубоко сидит в основании европейской цивилизации, и отойти от стойкой уверенности в необходимости прогресса вовсе непросто. «Прогрессивный», движущийся вперед, для человека к западу от Крыши мира значит — хороший, со знаком плюс. Но тысячелетия существования Китая, прокатывавшиеся по нему волнами истребительных завоеваний, а потом растекавшиеся по его лессовым равнинам столетиями стабильного существования в условиях самоизоляции, раскачали многие представления о сути бытия. Буддизм, даосизм, конфуцианство и по сей день являют собой противовес абсурдным дерганьям подгонятелей прогресса и мелкому тщеславию тиранов. Воздушная, неизъяснимая красота и непередаваемая жестокость сталкиваются на страницах многих произведений китайской литературы: фантастическая живучесть стремления человека к красоте воплощается в произведениях китайской фантастики на протяжении вот уже четырех тысячелетий. Кому не верится — предлагаем заглянуть в библиографию китайской фантастики, помещаемую в этом номере, которая позволяет немного представить вехи на пути из века XXI до нашей эры в XXI век эры нашей.(Кстати, некоторые из перечисленных книг выпускают или уже выпустили издательства «Ладомир» и «Поларис» — см. последние страницы журнала.)

Из истории также известно множество фактов о том, что было изобретено в Китае: бумага и порох, чай, фарфор и шелк, компас и ракеты, да много чего еще. А говорят — нет прогресса, все стабильно... Выходит, противоречат сами себе? Мы решили поместить краткое изложение мнения китайских исследователей фантастики Ву Яна и Ю Юнксионга на этот счет.

Американские фантасты проявляют в последние двадцать лет всевозрастающий интерес к Китаю. Один из последних Всемирных конгрессов любителей фантастики и писателей-фантастов был специально устроен в Пекине, дабы стимулировать там перевод и издание современной фантастики.

Отгородившись некогда от всего остального мира «китайской стеной», китайцы являют собой олицетворенную метафору эксперимента, неодолимо привлекательную для фантастов. Экзотика, нечто неведомое большинству? Да, но не только. Магия больших чисел (миллиард населения, тысячелетия культурной традиции, бескрайние просторы)? Несомненно, но и она опять же лишь отчасти объясняет этот растущий интерес. Мне кажется, причина здесь в особой фантастичности,

питающей сознание китайцев: изображения летающих китайцев, драконов, что парят в облаках и населяют моря, объединяющих земной и небесный планы бытия, как бы извечны для Китая, именовавшегося долгое время Поднебесной империей. И мир духов, череда человеческих перевоплощений всегда считались в Китае неотъемлемой частью повседневности.

Как писал безымянный китайский поэт на заре I века н. э.:

«Меж нами лежат
бессчетные тысячи ли,
II каждый из нас
у самого края небес».

Конечно, в некотором смысле, «Запад есть Запад, Восток есть Восток», но фантастов, как западных, так и китайских, всегда интересовало, где они все-таки сходятся. Причем, если судить по «Путешествию на Запад» У Чэнъэня, то достаточно давно, с XVI века. А как могут убедиться читатели этого номера «Сверхновой» на примере рассказов Дина Уитлока «Человек, любивший воздушных змеев» и «Мастер Чен-чжэн» Стива Перри, волнует и по сей день. И ведь становится очевидно, настолько относительна тут грань: для У Чэнъэня Индия — Запад, а для нас самый что ни на есть Восток. Мы говорим о непонятном «китайская грамота», а американская идиома, вполне этому соответствующая, — «будто по-русски заговорили» (в чем документально можно убедиться в рассказе Брэдли Дентона «Грехоед с Кау-ривер» на страницах нашего журнала N 1 за 1995 год).

На мудрый китайский Восток поглядывают Брайан Олдисс и Филип Дик (вспомним его гадания по «Книге Перемен» в «Человеке в Высоком Замке»). «Кжи» и «джи» из «Часа Быка» И.А Ефремова на планете Ян-Ях — также порождение социальных экспериментов в Китае. Из даосской мудрости не устает черпать Урсула Ле Гуин. Закончим и мы словами поэта XII века Синь Ци-цзи:

«Помню, в юные годы, когда не знал,
что такое печалей горечь,
Я, бывало, любил
на башню взойти.
Я, бывало, любил
на башню взойти
И стихи сочинить, в которых себе
пел о выдуманных печалях...
Вот теперь, когда я познал до конца,
что такое печалей горечь,
Рассказать бы о них,
но о них молчу.
Рассказать бы о них,
но о них молчу,
А про то говорю, как прохладен день,
до чего приятная осень!»[1]

1 Стихи в переводе Л. Эйдлина и И. Смирнова.

Лариса Михайлова

Колин Уилсон

ПАРАЗИТЫ СОЗНАНИЯ

Завершаем публикацию романа английского писателя Колина Уилсона, родственного по своей манере и подходу к изображаемому Стивену Кингу, но гораздо меньше известного у нас.

© Colin Wilson. Mind Parasites. 1968.

Окончание.

Начало в № 5,6 за 1994 год и в № 1 за 1995 год.

Перевёл Сергей Фролов

Партия Хэзарда намеревалась сформировать правительство Германии, а новой своей резиденцией Хэзард избрал Рейхстаг — вместо дворца в Бонне. Членов «правительства изменников» народ призвал публично расстрелять. (Впрочем, это было излишним: социал-демократы поспешили согласиться с отставкой и выразили свою поддержку Хэзарду.) Своей главной задачей Хэзард объявил борьбу за возвышение белой расы. Как только «низшие расы» будут покорены, их надлежит выслать в полном составе на Венеру — а это почти миллиард «цветных»! Тем не менее идея тут же нашла отклик во всем мире, включая Британию и Америку (причем никто не задумался над тем, что для начала Венеру надо сделать пригодной для жизни, а на строительство кораблей, способных перебросить миллиард человек за 30 миллионов миль, понадобится денег чуть больше, чем их есть на всей планете Земля).

К семи вечера мы должны были покрыть половину расстояния до Луны, а значит, прекращался телевизионный контакт с Землей, хотя отдельные радиосигналы мы еще могли принимать. Что же делать? Не пора ли разворачивать корабль в обратную сторону? Если на Земле вспыхнет мировая война, то надо возвращаться и активно сражаться с паразитами сознания. По крайней мере, мы бы смогли уберечь оборонную систему США от захвата ее этими тварями. Для этого надо, чтобы в каждом американском оборонительном подразделении было по одному нашему человеку, тогда они не пропустят туда паразитов, а одному из нас необходимо постоянно находиться в Пентагоне, чтобы предупредить предательство среди высших чинов.

Этот вариант выглядел вполне разумным, поэтому мы искренне удивились, когда Холкрофт выступил против него. Он не мог вразумительно объяснить, почему ему не нравится наш план, сказав лишь, что его «озарило». А поскольку его «озарение» уже однажды спасло нам жизнь, пришлось прислушаться к его мнению. Потом я поговорил с ним и попробовал разобраться в истоках его предчувствия. Он долго отнекивался и в конце концов объяснил: ему кажется, что чем больше мы отдалимся от Земли, тем лучше для нас. Я был не в восторге от

этого предложения, но мы его все-таки приняли и продолжали двигаться к Луне.

Десять членов нашей команды — в основном «тертые калачи» — решили отвлечься от нависшей угрозы и занялись изучением феноменологических проблем. Остальные места себе не находили: у многих на Земле остались семьи. Пришлось надавить, чтобы заставить их по десять часов в день работать над проблемами дисциплины сознания. Нелегко нам это далось, но все же на второй день мы победили. Их скрытая напряженность начала работать на общее дело, и обучение сразу дало значительные результаты. Теперь уже не возникало трудностей, которые мы испытывали с Меррилом, Филипсом, Лифом и Эбнером.

И все же меня не покидало беспокойство. После сорока часов полета до Луны оставалось еще 40 тысяч миль, но мне казалось, что паразиты стали ближе к нам, чем когда-либо.

После занятий я поделился своей тревогой с Райхом, Флейшманом и братьями Грау. Кое-что в поведении паразитов для нас оставалось неясным. Теоретически, разницы между тем, в космосе мы или на Земле, не было — они пребывали в нашем мозге, и, значит, убежать от них было невозможно. Однако после той ночи, когда они уничтожили большинство наших, они не наступали в открытую. До них дошло: погубить нас можно и косвенным путем — к примеру, при помощи мировой войны.

Вместе с тем они существовали и в пространстве — помнится, когда я вошел тогда в свою квартиру на Перси-стрит, где они охраняли записки Карела Вайсмана, я сразу почувствовал их присутствие. Как объяснить этот парадокс? Выходит, если они могут обитать и в пространстве, и вне его, то и наше сознание тоже может находиться как в пространстве, так и за его пределами. Но сознание невозможно локализовать, оно не может находиться «где-то»: оно ведь не занимает места. Но в то же время оно движется в пространстве вместе с нашими телами.

И вновь мне показалось, что ключ к разгадке утерян. Мы сидели и шаг за шагом пытались подобраться к решению проблемы. Я рассуждал так: «Паразиты обитают в пространстве — в том смысле, что они сейчас находятся на Земле, куда прибыли с целью уничтожить человечество. Теперь мы понимаем, что каждый человек обладает «отдельным» сознанием, потому что, когда любой из нас погружается в глубины собственного «Я», он теряет прямой контакт с окружающими. Но мы также знаем, что в каком-то глубинном смысле люди пользуются общим разумом, можно сказать, родовым сознанием. Мы похожи на тысячи городских водопроводных кранов, которые отделены друг от друга, но черпают воду общего резервуара…»

Тут Райх прервал мои размышления (цитирую по магнитофонной записи):

— Но ты же сказал, что нанес им поражение благодаря какому-то мощному глубинному источнику энергии. Может быть, это и есть тот изначальный резервуар?

— Вполне может быть, — согласился я.

— Но тогда в нем обитают и эти твари. И, значит, для них эта энергия тоже доступна. Согласен?

Ага, вот оно! Теперь кое-что стало проясняться. Конечно, те глубины сознания, где обитают они и тот источник жизненной энергии, которым пользовался я, — совершенно разные вещи. Может, резервуар и находится в глубине сознания, но это не означает, что он сам и является

этими глубинами.

— Прекрасно, — заметил Флейшман. — И что же в этом случае получается?

— Мне кажется, я знаю, что происходит, — неторопливо начал Генри Грау. — Мы рассуждаем о некоем могучем первозданном источнике энергии, который Бернард Шоу назвал Жизненной Силой. Вот это-то первобытное жизненное начало и движет нами всеми…

Его брат Луис возбужденно воскликнул:

— Но тогда какого дьявола паразиты охотятся за людьми, если они могли бы красть энергию прямо из источника? Это же так очевидно…

— Очевидно, они не могут, — сказал Генрих. — Им приходится вклиниваться между источником и человеческим существом.

Мы не совсем поняли, что они имели в виду.

— И это значит… — начал я.

— Это значит, что основной источник для них недоступен и даже наверняка враждебен им. Другими словами, если мы сможем добраться до этого источника, то обретем такую энергию, что паразитам придет конец.

Я сказал, что подобная мысль мне и раньше приходила, хотя тогда я не проанализировал все аспекты ее приложения. Дело в том, что мне никак не удавалось достигнуть этого источника — всякий раз, когда я пытался это сделать, мне недоставало силы воли.

А Райх добавил:

— Конечно, если паразиты находятся между тобой и источником, они, наверняка, как-то «сдерживают» тебя.

Только теперь мы увидели всю реальность этого предположения — паразиты уже использовали свои «сдерживающие» методы против человечества, они умышленно сбивали с толку сознание, когда оно пыталось постичь собственные секреты. К счастью, мы научились с этим бороться: для этого пришлось изучить те глубины сознания, откуда обычно наступали паразиты. Однако они отступили туда, где мы не могли их достать, и снова использовали свои прежние методы против нас.

Итак, я пришел к выводу, что удерживает меня от погружения на определенную глубину сознания некая «естественная» причина. Так водолаз может погрузиться лишь на такую глубину, где вес вытесненной воды равен весу тела. Если он хочет нырнуть глубже, ему приходится брать с собой больший груз. Но я не знал, чем можно утяжелить свое сознание, чтобы проникнуть еще глужбе, вот почему я не мог изучить себя до самого донышка. Впрочем, верно ли это объяснение? Когда я думаю об этом сейчас, то прихожу к выводу: удерживало меня ощущение нецелесообразности такого погружения. Казалось, сознание меркнет, а ощущение собственной индивидуальности становится все более зыбким. Одним словом, весьма возможно, что некто меня удерживал на определенной границе.

Я решил проверить еще раз — остальные меня поддержали. Закрыл глаза и начал привычное погружение сквозь слои памяти. Однако сквозь воспоминания не так-то просто было пройти. В них все клокотало и бурлило, словно я плыл рядом с только что взорвавшейся глубинной бомбой. Прошлой ночью мне снились точно такие же дикие, полные насилия сны.

Но почему? Паразитов, похоже, поблизости не было. Что же так раздражало меня?

Я еще раз напрягся; с огромным усилием удалось опуститься на уровень «детской». Но там было еще хуже: первозданная энергия невинного детства превратилась в нервирующую силу. Обычно эту энергию сопровождали безмятежная ясность и покой, словно нежное покачивание на тихих морских волнах. Но сейчас это море бурлило.

Я понял, что подошел к границе — и быстро выплыл на поверхность. Райх уже поджидал меня — с ним произошло то же самое. Ожидая остальных, мы принялись обсуждать эту проблему. Итак, мы только что испытали какое-то мощное психическое раздражение, которым поражена вся человеческая раса или?…

Беспомощный и разочарованный, я подошел к иллюминатору и взглянул вниз, на огромную светящуюся поверхность Луны. Оставалось лететь каких-нибудь восемь часов. Я мельком взглянул на приборы, проверив, работает ли гравитационный компенсатор лунного притяжения. И вдруг меня озарило: гравитация… Луна… Я резко повернулся к Райху:

— Может быть, это абсурдное предположение, но… как ты думаешь, не могут ли они пользоваться Луной как базой?

— Базой? — не понял он. — Каким образом? Людей здесь нет, а в необитаемых местах они, как известно, не водятся.

Я пожал плечами:

— Да нет, это же просто гипотеза… Я пытаюсь понять, почему наше сознание так перевозбуждено.

Тут подошел Холкрофт, и я ему вкратце поведал о наших открытиях. Он закрыл глаза, присел на кровать и тут же удостоверился, что нижние слои сознания находятся в непривычно беспокойном состоянии. И хотя Холкрофт не слышал моего предположения, он повернулся и показал пальцем в иллюминатор:

— Это там. Она влияет на нас так же, как влияет на приливы и отливы.

— Как ты узнал? — спросил я.

— Не знаю. Просто чувствую ее притяжение.

Это было уже ближе к истине. Вспомним лунатиков — людей, чье сознание подвержено притяжению Луны… Но почему? Как Луна может влиять на сознание?

— Ты считаешь, там обитают паразиты? — спросил я.

Он покачал головой:

— Не представляю, как это может быть. Но все же… она как-то связана с паразитами.

Мы решили привлечь остальных к обсуждению. В такой ситуации лучше иметь несколько мнений — глядишь, кого-то и осенит.

Выслушав меня, единственно дельное предложение высказал физик-ядерщик Бергер:

— Вы читали книги Гурджиева? Он всегда утверждал, что мы являемся пищей для Луны. Человечество по Гурджиеву — это стадо овец, нагуливающее жир для Луны…

— Считаешь, в этом есть смысл? — спросил я Холкрофта. И тот вполне серьезно ответил:

— Смысл есть. Каким-то образом Луна действительно притягивает человеческий разум. Но это притяжение не имеет ничего общего с гравитацией. Мои коллеги считают, что Луна никогда не была частью Земли или Солнца — у нее совсем другая природа. Может быть, это

бывшая комета, которая попала в сферу притяжения Земли. Кстати, ее химический состав совершенно не похож на земной. Вполне вероятно, что Луна похищает у человека энергию… Либо воздействует еще каким-то образом.

— Другими словами, она могла бы служить базой для паразитов? — спросил Райх.

— Не думаю. Но мне кажется, паразиты вполне могут как-нибудь ее использовать. Я чувствую, как Луна излучает некую возбуждающую энергию. Она словно гигантский передатчик, а Земля — гигантский приемник…

Тут заговорили все разом — начались разные истории, байки и легенды, которых я прежде не слышал. Рассказали о культе, созданном Хербигером[2] (одним из адептов этого культа был, между прочим, Гитлер). По теории Хербигера, каждые десять тысяч лет Земля берет в плен очередную Луну. Нынешний наш спутник — седьмой по счету. Предыдущие шесть лун падали на Землю и приводили к гигантским катаклизмам и гибели человечества. Библейский потоп был вызван гибелью шестой Луны.

Говорилось и о других авторах лунных теорий — Великовском[3], Беллами[4], Сора[5], — их гипотезы отражали представление о Луне как о враждебной силе. Странно, что эта мысль приходила многим, весьма далеким друг от друга ученым.

Многие из этих теорий казались абсурдными, но факт оставался фактом — Луна безусловно влияла возбуждающе на мое подсознание. Райх тоже замечал, что паразиты обретали по ночам особую мощь. Я-то считал, что этому виной усталость мозга в конце дня. Хотя, даже когда я случайно выспался днем и бодрствовал всю ночь, меня до утра не покидало чувство беззащитности.

— Как ты думаешь, — обратился я к Холкрофту, — могут ли паразиты каким-то образом использовать энергию Луны, чтобы вмешиваться в наше сознание?

Но Холкрофт знал об этом не больше остальных.

И все же одно оставалось очевидным: необходимо выяснить, можем ли мы вырваться за пределы их навязчивого влияния. Если Холкрофт прав и Луна действительно служит передатчиком для приемника-Земли, то нам надо уйти из зоны влияния их обеих. Значит, мы должны изменить курс и отклониться от Луны примерно на десять тысяч миль.

Я радировал полковнику Мэйси в Аннаполис и объяснил, что мы собираемся изменить маршрут в сторону открытого космоса и попробуем занять позицию между Юпитером и Сатурном. Мэйси согласился:

2 Ганс Хербигер (1860–1931) — австрийский инженер.

3 Иммануил Великовский — ученый, выдвинувший теорию, по которой комета, оторвавшаяся от Юпитера и пролетевшая вблизи Земли, вызвала на нашей планете катастрофы, описанные в Библии.

4 Ганс Шиндлер Беллами — ученик Хербигера, автор книги «Луна, мифы и человек», 1936.

5 Денис Сора — автор книг «Атланты и правление гигантов», 1954 и «Религия гигантов и цивилизация насекомых», 1955.

топлива у нас было еще на две недели, а, значит, мы можем рискнуть пройти еще три четверти миллиона миль, пока надо будет поворачивать обратно. Знай он о нашем плане заранее, мог бы загрузить топлива столько, что хватит на полпути до Марса. На это полезное замечание я ответил, что полмиллиона миль от Земли нам вполне хватит — это вдвое больше расстояния от Луны до Земли.

Следуя инструкции Мэйси, я перепрограммировал бортовых роботов и вместе с остальными отправился ужинать.

Мы оставляли Луну в стороне и входили в пространство, где ни разу не появлялись люди, за исключением злополучной команды корабля «Проклис». Земные тревоги Постепенно отступали — так улетучиваются деловые заботы в первый день отпуска.

В ту ночь впервые за несколько недель я заснул безмятежным сном.

Я проснулся и взглянул на часы: половина восьмого. Попытался вспомнить, откуда пришло это чувство радости. Может, сон приснился приятный? Но я обычно не запоминаю снов. Я встал, подошел к иллюминатору — Луна превратилась в огромный полумесяц, на котором хорошо просматривались горы. А там, за Луной, виднелся зеленовато-голубой серп Земли, который напоминал огромное солнце. До нее теперь почти четверть миллиона миль. Солнце казалось ослепительно белым, словно готовое взорваться, а звезды стали в несколько раз крупнее, чем мы видим их с Земли.

Я закрыл глаза и начал погружение в себя. Хотя подсознание все еще было возбуждено, по сравнению со вчерашним днем там стало поспокойней. Конечно же, всему виной была Луна, и теперь ее власть ослабевала. Я ощутил чувство тишины и свободы, словно оправился после долгой болезни.

Разбудив Райха и Холкрофта, я заметил, что они тоже выглядели такими отдохнувшими и счастливыми, какими их не приходилось видеть уже давно. Они ощущали ту же внутреннюю свободу. Мы почти не говорили друг с другом, но нас объединяла надежда.

В тот день ничего особенного не произошло. Мы просто сидели, разглядывали уменьшавшуюся Луну и наслаждались новыми ощущениями. Наверное, это был самый насыщенный день в моей жизни, но я почти ничего не могу рассказать о нем.

И тогда возникла проблема речевой коммуникации. Слова потеряли способность передавать неизведанные ощущения. Можно лишь передать это чувство в сравнении: представьте себе страну карликов, которые пользуются разными словами для описания размера, — крупный, большой, огромный, гигантский и так далее. А когда они хотят рассказать о чем-то невообразимо большем, то говорят: «огромный, словно человек». Интересно, что произойдет, если одного из них подхватит орел и поднимется над Эверестом? Какими словами опишет карлик гору, против которой человек выглядит козявкой?

Так было и со мной. Нельзя сказать, что слов у меня не было вообще. Если постараться и потратить время, описать можно все, что угодно. Просто надо расширять границы своего словарного запаса.

Но тогда это было нереально. Чтобы дать адекватное описание того, что с нами произошло в последующие десять дней, пришлось бы писать длинную-предлинную книгу, состоящую из одних сравнений. Попробую сделать все возможное при помощи доступных мне слов и образов.

Итак, в первый же день стало ясно, что с нами произошло: мы вышли

из зоны влияния паразитов.

Конечно, они все еще находились в моем сознании — достаточно было закрыть глаза, погрузиться в себя, и я их чувствовал ниже уровня «детской». Там я по-прежнему не мог их настигнуть, зато я чувствовал их панику. Им совсем не доставляло удовольствия оказаться за полмиллиона миль от Земли, и чем больше увеличивалось это расстояние, тем сильнее росла их паника. Тогда-то я понял, что сообразительностью эти существа похвастать не могут. Будь у них мало-мальская логика, они бы догадались, что мы непременно вернемся на Землю в течение двух недель, и запросто могли бы продержаться это время. Но их полностью охватил иррациональный ужас, какой испытывают дети, когда покидают дом. Они слишком долго находились на Земле и привыкли там купаться в плотной субстанции человеческой энергии жизни, легко перескакивая от одного «донора» к другому, — для них всегда существовал широкий выбор жертв. Теперь же ментальная пуповина, связывающая их с Землей, растягивалась и слабела. И это их по-настоящему испугало.

Это облегчение испытали не все из нас. Мы ведь слишком долго боялись паразитов, чувствуя, как поднимается смутный страх со дна первичных инстинктов сознания. Самым опытным из нас приходилось быть всегда начеку и следить, чтобы новички не поддавались панике. Теперь мы понимали природу «космической лихорадки», которая нападала на человека всякий раз, когда он пытался углубиться внутрь космоса.

Но вот прошло несколько дней, и нам стало ясно: паразиты побеждены, еще немного — и они окончательно впадут в панику. Каждый день расстояние между кораблем и Землей увеличивалось на 120 тысяч миль. Теперь сокрушение паразитов было лишь вопросом времени.

Я обратил внимание, как непривычно легко мне удавалось погружаться в себя — без малейших усилий, даже глаза не надо закрывать. До меня стал доходить смысл слов Тейяра де Шардена о том, что истинное жилище человека — это его разум. Я мог переноситься по просторам своего сознания так же легко, как человек разъезжает по своей стране на автомобиле. Мне удалось проникнуть сквозь слой «детской» и опуститься до слоя «небытия». Правда, теперь я понимал, насколько далека эта область от понятия «небытие». Там действительно ощущались элементы пустого пространства — тишина, никакого напряжения, однако это была тишина океанского дна, где давление настолько сильно, что не позволяет обитать живым существам. «Небытие» — это энергия жизни в чистом виде. Впрочем, слова в этом случае теряют точность и смысл.

Десять дней мы продолжали лететь в сторону от Земли. Топлива пока еще хватало, чтобы в случае чего вернуться на ближайший искусственный спутник. Паразиты сознания почти достигли точки своей гибели — стоит ли двигаться дальше в космос, где у нас, наверняка, могут возникнуть проблемы? Мы решили отключить все электрооборудование, чтобы сэкономить энергию. Наш корабль был оборудован огромными фотонными парусами, которые развернулись сразу после того, как мы вышли из земной атмосферы, так что энергия Солнца помогала экономить топливо. Но, разумеется, фотонные паруса не помогут при возвращении на Землю — на космическом корабле «поменять галс» будет посложнее, чем на яхте. Двигаясь от Земли, мы буквально «катились», будто колесо под горку, и главным препятствием служило притяжение планет и

метеориты, которые прошмыгивали мимо нас, словно крысы, — в среднем, три метеорита в час.

И мы решили рискнуть. Почему-то даже думать не хотелось о разных мрачных перспективах обратной дороги. Мы продолжали двигаться дальше и ждать, когда паразиты окончательно оторвутся от нас.

Это случилось на четырнадцатый день — никто даже представить не мог, как это произойдет. Все утро я чувствовал, как нарастают их страх и ненависть. Мое сознание становилось все более смутным и беспокойным — так я себя ни разу не чувствовал после того, как мы изменили курс. Райх и я сидели у заднего иллюминатора и смотрели в сторону Земли. Вдруг лицо его исказилось от ужаса, и волна паники захлестнула меня. Я заглянул в иллюминатор: что могло так напугать его? Обернувшись, я увидел его лицо, серое как у тяжелобольного. Райх вздрогнул, на секунду закрыл глаза — и преобразился. Он захохотал, но это был здоровый смех довольного собой человека. И в этот момент я почувствовал внутри себя жгучую боль — казалось, кто-то прогрызает мне внутренности насквозь. Причем эта агония была одновременно физической и ментальной. Я думал, что не переживу, но тут услышал, как Райх кричит мне в ухо:

— Ура! Мы доканали их, они удирают!

Ощущение было омерзительным: что-то злое и скользкое рвалось из меня. На мгновение показалось, что я ошибался, когда принимал паразитов за множество существ, — в ту минуту они были единым организмом, они — это «нечто», похожее на огромного желеобразного осьминога, у которого щупальца двигаются независимо от тела, словно каждое является отдельным существом. Невероятное чувство гадливости — как будто в моем теле долгое время обитал мерзкий плотоядный слизняк, а теперь он убирается восвояси. Я ощущал его ненависть ко мне, мощную маниакальную ненависть, которой нет названия в нашем языке.

А потом — невыразимое облегчение от того, что эта тварь наконец исчезла. Мое сердце, казалось, разорвется от счастья и радости, слезы заволокли глаза, и сквозь них лучи солнца заиграли ослепительными бликами, — как в детстве, когда я плавал под водой. Когда все прошло, я почувствовал себя выздоравливающим пациентом, которому доктор только что показал удаленную раковую опухоль.

Все наши в это время обедали в соседней комнате. Мы ворвались туда и наперебой принялись рассказывать о том, что случилось. Нас тут же забросали вопросами. Оказывается, кроме нас больше никто не испытывал никаких болей. Наверное, это случилось потому, что мы с Райхом в тот момент смотрели на Землю. Мы посоветовали всем перебраться в другую комнату, предупредив о том, что им придется перенести, а сами отправились в дальний отсек корабля, где не было освещения. Здесь мы решили совершить свое первое путешествие в новую, свободную страну сознания.

И вот с этого момента я понял, что всякое произнесенное слово становится ложью. Я приложу все усилия, чтобы рассказать обо всем на языке, абсолютно для этого не приспособленном.

Самое главное переживание в жизни человека — это чувство свободы. В обычной жизни подобный опыт возникает неожиданно, в момент опасности наши силы мобилизуются и человек преодолевает любую преграду. В это время наше сознание превращается в парящего орла, которого не сковывает сиюминутность.

Самая главная проблема человека в том, что все мы прикованы к

нуждам сегодняшнего дня. Мы действуем подобно машинам, свобода нашей воли минимальна. Тело наше — такой же хорошо продуманный механизм, как и автомобиль. Еще точнее можно сравнить его с теми «управляемыми» протезами, которые используют инвалиды без рук и ног. Такие конечности с совершенными двигательными приспособлениями работают не хуже настоящих рук и ног. Говорят, один человек после нескольких лет жизни с этими протезами полностью забыл об их искусственном происхождении. Но стоит им сломаться, как человек тут же вспоминает, что это всего лишь механизм и что его собственная сила воли играет в его движениях лишь очень скромную роль.

То же можно сказать о всех людях. У нас куда меньше силы воли, чем мы себе представляем. А это значит, что настоящей свободы мы не знаем. Впрочем, так ли важна для нас эта свобода, если «машина» — тело и мозг — и без того выполняет наши желания: она ест, пьет, испражняется, спит, занимается любовью и так далее.

Однако в жизни поэтов и мистиков возникают моменты свободы, когда им внезапно хочется, чтобы «машина» выдала что-нибудь необычное. Они хотят оторвать свой разум от окружающего мира и воспарить над ним. Обычно наше внимание включено в сиюминутную реальность, словно включенная передача в коробке скоростей. Затем в какой-то момент рукоятка передачи оказывается на «нейтралке» — мозг старается освободиться от сиюминутности и чувствует эту свободу, он свободен выбирать ту реальность, которую предпочитает созерцать. Включенный «на скорость» мозг может вспоминать события прошедшего дня, воображать себе ландшафт какой-нибудь местности по ту сторону земного шара, но картина в этом случае получится тусклой, будто горящая свеча при солнечном свете. Это даже не картина, а смутные очертания. А в моменты «поэтического озарения», в миг истиной свободы вчерашний день становится таким же реальным, как и сегодняшний.

Если мы овладеем секретом того, как включать мозг «на скорость» и как выключаться обратно, то человек постигнет божественную мудрость. Однако в мире нет большей тайны, чем эта. Нами правит привычка. Наше тело, подобно роботу, выполняет то же, что делало вчера и весь последний миллион лет: еда, питье, испражнение, продление рода плюс забота о дне текущем.

Мое первое открытие — обнаружение факта существования паразитов — дало мне возможность порвать с миром «привычки», которую паразиты заботливо поощряли и укрепляли. Неожиданно я понял: короткие мгновения свободы — «проблески бессмертия» — можно испытывать значительно чаще, чем это обычно случается. Почему бы нам не наслаждаться этими моментами по десять часов в день, если понравится? (Больше, наверное, не стоит — надо же хоть иногда побеспокоиться и о хлебе насущном.)

С начала августа — когда я впервые прочел «Исторические размышления» Карела — я постоянно стремился познать возможности моей свободы, а значит — мне удалось разорвать цепи, в которые заковано большинство людей. Главная опора паразитов — привычка и незнание, и с их помощью им удавалось удерживать род людской в цепях. При этом они обосновались в глубинах человеческой психики и там «посасывали» энергию, поступающую к людям из источников жизненной силы.

Здесь стоит объясниться. Если бы человек не был

«эволюционирующим животным», то паразиты превратились бы в вечного гостя нашего разума, и при этом мы никогда бы не узнали об их существовании. Целую вечность они бы спокойно существовали за счет «подключения» к «силовому кабелю» человека, а тот, в свою очередь, никогда бы не поумнел. Лишь небольшое количество людей — примерно пять процентов — можно назвать эволюционирующими животными, у которых развито стремление стать по-настоящему свободными. На таких людей паразитам приходится «давить», для этого они поднимаются к самой поверхности человеческого сознания и манипулируют теми, кто еще не стал в полной мере их марионетками. А для этого им приходится проявлять себя.

Я уже рассказывал о том, как человек черпает свою силу из тайного источника жизни в глубинах своего существа. Этот источник — центр человеческой гравитации, средоточие его истинной сущности. Сокрушить его невозможно, и паразиты просто не могут к нему подступиться. Все, на что они способны — это «поворовывать» из «энергопровода», который протянулся со дна сознания к его поверхности.

А теперь, пожалуй, я смогу объяснить кое-что из пережитого во время попыток проникнуть вглубь себя.

Сначала я почувствовал неожиданное спокойствие сознания. Теперь тут не было ни бурь, ни вихрей. Это от того, что сознание наконец-то стало моим — и никаких незваных гостей. Вот я и обрел свое царство.

Ничего такого я прежде не испытывал ни в снах, ни в воспоминаниях. Помните, когда пытаешься заснуть после изнурительной мозговой работы или во время приступа лихорадки, ваши мысли доставляют неприятное ощущение — мечутся, словно юркие рыбы в воде, а главное — кажутся чужими. Голова, которая призвана быть «славным владением человека», напоминает полную зевак ярмарочную площадь. А ведь раньше я и не догадывался, что зеваки эти — паразиты. И вот теперь она полностью опустела и погрузилась в тишину. Все мысли выстроились боевыми порядками, словно королевские гвардейцы на параде, и в моих силах заставить их рассчитаться и сделать шаг вперед. Теперь я был согласен с теми, кто считает, что все произошедшее с нами аккуратно хранится в памяти. Даже детские воспоминания стали такими же доступными, как и вчерашние события. Более того — в эту цепь воспоминаний неразрывно входили переживания прошлых жизней. Сознание превратилось в абсолютно спокойное море, в котором, словно в зеркале, отражается солнце, а вода настолько прозрачна, что сквозь нее просматривается дно. Мне стал ясен смысл выражения Якоба Беме: «священный день отдохновения души». Впервые в жизни я ощутил связь с реальностью. Исчезла лихорадка, сгинули кошмары, нет больше заблуждений. Больше всего меня поразила безмерная сила человеческих существ, которые смогли выжить, несмотря на ужасную завесу безумия, которая скрывала их от реальности. Выходит, человек — один из самых могучих обитателей Вселенной.

Я бродил по собственному сознанию, словно по залам замка. Наконец-то мне стало понятно, кто я такой: я — это мое «Я». Нет, это был не мой мозг, поскольку определение «мой» относится лишь к сиюминутной части моей сущности. На самом деле я был всем.

Я прошел через слои «детской», где струятся светлые потоки энергии, поддерживающей моральный баланс, — своего рода полиция нравов. Когда человек впадает в заблуждение и считает, что мир — это

зло, эти потоки устремляются вверх, подобно белым кровяным тельцам, спешащим в инфицированные участки организма.

Ниже «детской» начиналось безбрежное море неподвижности. Теперь оно уже не было морем мрака и пустоты — я опускался в его глубины, наслаждаясь теплом и мерцающим светом. В нем не было препятствий, и никакая слепая злобная сила не выталкивала меня обратно.

А потом я начал постигать нечто, почти невыразимое в словах. Я понял, что дальше продвигаться нет смысла. На этой глубине находилась жизнь в чистом виде, но в то же время здесь обитала и смерть, смерть тела и разума. То, что мы называем «земной жизнью», является комбинацией чистых жизненных сил и плоти, это связка между одушевленным и неодушевленным. Я умышленно говорю «неодушевленное», потому что слово «материя» было бы неточным. Если материя существует, значит она — живая, поэтому ключевым словом должно быть «экзистенция» — существование. Никто из живых существ не в состоянии понять этого слова, потому что все мы находимся в нем. Но «существовать» не означает пассивного бытия, существовать — значит «вырваться» из небытия. Это словно крик, подтверждающий наше присутствие в мире, существовать — означает бросать вызов небытию.

Ну вот, видите — опять проблемы языка. Приходится обходиться одним-двумя словами, когда их нужно по меньшей мере пятьдесят. Я бы не стал сравнивать свое объяснение с попыткой рассказать слепому о красках, потому что никто из людей не «ослеп» до конца — у каждого случаются озарения свободы. Однако у свободы столько красок, сколько их наберется в цветовом спектре[6].

Иными словами, погружаясь к «источнику» жизни, я пересек область экзистенции, ибо этот источник не существу-е т, то есть, он не возникает из небытия.

Вокруг меня была только свобода, прекрасное, невыразимое опьянение свободой. Я управляю своим разумом, я первый из людей, на самом деле ставший сверхчеловеком. Но рассматривать заманчивые перспективы не время: пора вспомнить о том, что нас привело в космос: судьба Земли и паразиты сознания. И я с неохотой поднялся на поверхность.

Я посмотрел на Райха как на незнакомца, он ответил мне тем же. Мы улыбнулись друг другу, словно два актера, только что окончившие репетицию сцены, в которой они изобразили врагов.

— Ну что теперь? — поинтересовался я.

— Ты далеко забрался? — ответил вопросом он.

— Не слишком: нет смысла.

— Что полезного там можно почерпнуть?

— Я еще не уверен, надо бы посоветоваться с остальными.

Мы вернулись в отсек. Пятнадцать человек уже успели очистить свое сознание от паразитов и помогали оставшимся. Некоторые новички в агонии освобождения едва не покалечили себя. Они катались по полу, словно роженица при трудных родах. Успокоить их было непросто,

6 Этот абзац взят из рукописи, написанной в 2005 году (М.Ф. — ВХА-3271). Мы включили его для сохранения связанности текста. Полностью эта проблема освещена в монументальном труде Остина «Жизнь. Бытие и язык» (2025–2041), том 8, главы 7–9. (Примеч. авт.)

применение силы только подстегнуло бы их ужас. Один из них вопил: «Поверните корабль, поверните, иначе мы все погибнем!» Похоже, паразиты через него пытались отыграться. Двадцатью минутами позже он наконец успокоился и, обессилев, провалился в сон.

К восьми вечера все было кончено. Новички едва шевелили языками от перенесенного шока. Здорово им досталось из-за эффекта «двойной экспозиции» — слишком отнюдь не подлинным, а настоящее «Я» хранилось где-то в далеких и загадочных пластах сознания. Впрочем, объяснять это не было смысла: им предстояло во всем разобраться самим.

В конце концов десять человек из нашей команды очистились полностью, а затем мы поняли, как решать проблему топлива для ракеты. Стоит нам объединить наши ПК-возможности, как корабль помчится в тысячу раз быстрее — и хоть до самого Плутона. Хотя это нам было ни к чему. Пора было возвращаться на Землю и решать, что делать с паразитами. Уничтожить Гвамбе и Хэзарда не так уж сложно, но это лишь полдела: паразиты могут создать сколько угодно новых диктаторов, а уничтожать или последовательно «перепрограммировать» их нам будет не под силу. Придется играть по правилам, которые навязывают нам паразиты — это будет шахматная партия, где вместо пешек будут действовать люди.

До поздней ночи мы обсуждали наши планы, так и не придя к единому мнению. Наверное, мы пошли не по тому пути: все думали только о том, как перехитрить паразитов. Но должен существовать иной способ…

В три утра меня разбудил Райх, вернее, разбудил мысленный сигнал Райха — потому что сам оставался в соседней комнате. Мы лежали в темноте и болтали телепатически. Всю ночь Райх не спал, медленно и скрупулезно обдумывая каждую деталь.

Вот, что он мне сообщил:

— Я попробовал систематизировать все, что мы знаем об этих тварях. И знаешь, что меня озадачило: почему они так боятся покинуть Землю? Если они обитают в сознании, то какая им разница, где находиться?

— Наверное, потому что они существуют на общем для всех людей уровне — вспомни родовое бессознательное у Юнга, — предположил я.

— Это не ответ. Расстояние не играет роли для мысли. Я же могу телепатически связаться с любым землянином — как с тобой сейчас. Значит, мы по-прежнему часть общечеловеческого подсознания, и потому им должно быть так же комфортно тут на корабле, как и на Земле.

— Тогда в чем дело? — спросил я.

— Я пока не уверен, но тут что-то связано с Луной.

— То есть, они используют ее как базу?

— Нет, все гораздо сложнее. Выслушай меня и скажи, что ты думаешь на этот счет. Попробую начать с тех наших кадатских приключений. Мы же знаем, что вся эта чушь про «Великих Древних» — бабушкины сказки. Поэтому никакой связи между Кадатом и паразитами сознания не могло быть, просто для человека это было своего рода гигантской ловушкой, лишь бы искать исключительно внешних врагов. Может, это и к лучшему. Но даже в этом случае, разве Кадат не предлагал нам ключ к разгадке? Во-первых, не остается ни тени сомнения в том, что человечество допустило огромную ошибку в расстановке исторических дат. Геология установила, что человек существует на Земле около миллиона лет, то есть более ранние останки нам не попадались.

— Да, но эти останки свидетельствуют, что тогда, более миллиона лет

назад, человек был на уровне обезьяны, — напомнил я ему.

— Кто? Синантроп? Австралопитек? Да откуда мы знаем, что существовал только один тип человека? Не забывай: римляне стояли на высокой ступени цивилизации, а британцы в это время походили на стадо дикарей. А хетги были цивилизованными еще тогда, когда греки и римляне пребывали в состоянии первобытной дикости. Все в мире относительно. Цивилизации развиваются обычно в местах компактного расселения. Об эволюционном процессе мы знаем только одно: он благоприятствует развитию интеллекта. Так почему же мы успокаиваемся на том, что человек появился миллион лет назад? Мы знаем, что за миллион лет до этого события уже существовали динозавры, мамонты, гигантские медведи и даже лошади. Возможно, у человека были какие-нибудь обезьяноподобные предки еще в юрском периоде[7]. Он же не мог появиться из ниоткуда.

— Тогда существование Кадата подтверждает эту теорию. В противном случае — его обитатели прибыли с другой планеты.

— Да, мы вынуждены подтвердить: возраст человечества куда больше, чем миллион лет. В таком случае возникает вопрос: а почему бы цивилизации не появиться гораздо раньше? И снова я обращаю ваше внимание на всевозможные мифы о гибели мира — Великий Потоп и так далее. Предположим, все эти лунные маньяки правы и Потоп мог быть вызван падением Луны на Землю.

Я не разделял этих воззрений Райха. И никак не мог понять, каким образом все эти рассуждения соотносятся с проблемой паразитов сознания?

— Сейчас ты все поймешь. Если собрать все мифы о потопе, то получится, что произошел он не так давно — где-то в пятом тысячелетии до нашей эры. Предположим, он произошел из-за того, что Луна действительно подошла слишком близко к Земле, как утверждает Хербигер. Значит ли это, что наша нынешняя Луна вращается вокруг нас лишь около семи тысяч лет?

— Вполне возможно.

— Ты как археолог можешь это доказать, или это всего лишь гипотеза?

— Доказательств хватает — двадцать лет назад я привел множество их в своей книге. Но я по-прежнему не вижу никакой связи с паразитами.

— Сейчас увидишь. Для того я и затеял этот разговор. Вайсман сказал, что они высадились на нашей планете лет двести назад. Но они же не переносят открытого космоса. Тогда откуда они взялись?

— С Луны?

— Почему бы и нет? Однако это наводит на мысль, что они могут существовать и вне человеческого сознания.

Наконец-то я понял, что он имел в виду. Ну конечно! Теперь в наших руках ключ к тайне происхождения паразитов: им не нравится обитать вдали от человечества. Но почему?

Ответ до невозможности прост. Они не могут существовать без человечества, потому что они — тоже человечество. Ключ находился в самой первой фразе «Исторических размышлений»: «Я убедился… что человеческая раса стала жертвой своеобразного рака мозга». Итак, это

7 190 — 195 тысяч лет назад.

рак. А рак не может существовать вне тела своего хозяина.

Но что вызывает рак организма? Для любого, кто пытался погружаться в свое сознание, ответ очевиден. По аналогии этот процесс можно сравнить с «раздвоением личности». Представим себе человека в виде гигантского континента. В этом случае его самосознание будет занимать на этом континенте не более чем палисадник. Беда в том, что человек почти полностью состоит из нереализованных возможностей. Те, кому хватает мужества реализовать хотя бы незначительную часть своего потенциала, сразу попадают у нас в разряд великих людей. А так называемый «средний человек» слишком робок и даже не пытается как-то себя проявить. Для него милее безопасный уют палисадничка.

И тогда наши скрытые возможности начинают мстить за бездействие, происходит «раздвоение личности». В результате застенчивый, но обладающий мощным сексуальным потенциалом мужчина в один прекрасный день совершает зверское изнасилование — такова расплата за подавление своих страстей. После этого он пытается оправдать себя, клянется, что, дескать, «бес попутал». Однако этот «бес» и есть его истинная сущность — та часть его личности, которую он слишком долго боялся признавать.

Рак тоже вызван местью задавленных возможностей: еще первые исследователи этой болезни отмечали, что она возникает у стариков или у людей, разочаровавшихся в себе. Тот, кто находит в себе силы для самореализации, от рака не погибает. А пациентами онкологических клиник становятся люди талантливые, но не нашедшие сил для реализации своего дара. Их души отравлены ядом сомнения в собственных силах.

Но стоит человеку начать постижение своего внутреннего бытия — и ему не страшен ни рак, ни раздвоение личности.

В этом смысле Карел Вайсман был прав: паразиты действительно появились на нашей планете двести лет назад. До этого человек был настолько в полном ладу с телом и душой, что на разочарование у него просто не было времени. Тогдашний человек был «цельным» и больше доверял своим инстинктам. А затем наступил водораздел эволюции: мы стали более сознательными, более разумными и самокритичными. Разрыв между уровнем сознания и инстинктами рос день ото дня. И вдруг рак и шизофрения перестали быть редкостными болезнями, став достоянием миллионов. Но какова в этом во всем роль Луны?

Вернемся снова к раковым заболеваниям. Итак, рак возникает из-за общего падения жизнестойкости, разочарования, старения. Но этого для начала болезни недостаточно — нужен особый возбудитель, например ушиб. Если представить жизнь в виде особой электрической силы, то можно сказать, что в районе ушиба тело не проводит электромагнитных волн. В этом участке тела жизнь, конечно, продолжается, но, так сказать, уже на более низком уровне, чем во всем организме, — ну чем не «раздвоение личности»?

Если бы устрицы были высокоорганизованными существами, то жемчужины сделались бы для них возбудителями рака.

Вот как примерно выглядела райховская теория паразитов сознания.

Около десяти тысяч лет назад Луну стало притягивать к Земле за счет земной гравитации. Это было во времена третьей или четвертой луны. Примерно через две тысячи лет она окончательно рухнула на Землю, разлетевшись на мелкие кусочки. Теперь вся вода, которую Луна

удерживала в районе экватора, могла хлынуть обратно на континенты, и гигантская волна захлестнула все тогдашние цивилизации (кроме кадатской — та погибла от более ранней луны).

Почти тысячу лет Земля существовала вообще без луны, жизнь на планете едва теплилась. Затем в зону земного притяжения попало очередное «бесхозное» космическое тело — гигантский метеорит, ставший нашей нынешней Луной. Правда, на этот раз нам достался крайне опасный спутник: эта новая Луна излучала загадочные силы, которые могли разрушающе влиять на человеческий рассудок.

Любые теории о происхождении этих сил остаются лишь догадками. Гипотеза Райха — не лучше и не хуже любых других — состояла в следующем: некогда Луна была частью огромного космического тела, возможно даже Солнца, и обитали там «бестелесные» существа. Эта идея не так абсурдна, как кажется, ведь обычно ученые объявляют планеты необитаемыми лишь потому, что в тамошних условиях жизнь в ее «земном» понимании невозможна. Но та жизнь, которая зародилась на этом гипотетическом «солнце», и не могла быть жизнью в «телесном» смысле, как мы ее понимаем.

Пролетавшая мимо комета вырвала из этого солнца гигантский пылающий кусок, затем на нем начали осаждаться раскаленные газы, постепенно уничтожавшие тамошних обитателей. Однако у них ведь не было физических тел, значит и погибнуть они должны были по-особенному. Они попытались приспособиться к остывшей материи их нового мира и стали частью молекулярной структуры твердого тела, как когда-то были частью структуры раскаленных газов.

Так что Луна остается «радиоактивной», излучающей эманации чуждой нам формы жизни.

Если бы Земля не захватила в плен Луну, те «чужаки» давно бы вымерли, поскольку существование любых форм жизни возможно лишь там, где действует второй закон термодинамики, то есть, где энергия поступает с высшего уровня на низший. Но лунные «обитатели» уцелели лишь благодаря близости к Земле — планете, пышущей энергией и жизнью. Это присутствие сравнимо с запахом горячего обеда для голодающего. И покуда человечество медленно осваивалось у себя на планете, люди инстинктивно и смутно начинали догадываться о влиянии Луны на их жизнь.

Вот мы и подошли к ответу на вопрос о происхождении паразитов, ставших возбудителями рака разума. Низшие биологические формы — рыбы и млекопитающие — не обращают внимания на лунных «соглядатаев», они живут инстинктами, и присутствие чужой формы жизни для них, в общем, в порядке вещей. Но человек постепенно становится хозяином планеты благодаря развитию интеллекта. Поэтому он «раздваивается», отделяясь от своего инстинктивного существования. Отсюда неудовлетворенность, которая превращается в очаги подавленной энергии. И тут лунный «возбудитель» начинает свое наступление. И это постоянное психическое давление «полузамороженной» формы жизни начинает продуцировать вполне предсказуемый эффект. Так возникает рак сознания.

Какой бы шаткой ни была эта гипотеза, в основе ее есть логика. Начать хотя бы с трудного вопроса: почему паразиты боятся открытого космоса? Ответ появляется сам собой. Как только человек утрачивает

связь с миром инстинктов, то есть со своей «внутренней сущностью», он тут же попадает в ловушку мира «сознательного», другими словами — мира других людей. Каждый поэт знает: когда наступает усталость от окружающего мира, достаточно обратиться к скрытым ресурсам своей внутренней энергии, и все окружающие теряют значение — становятся лишь «бледными тенями». Однако эти тени привязаны друг к другу. Как-то Аристотель сказал: «Человек — животное политическое», — что стало величайшей ложью за всю историю человечества. Ибо каждый живущий на Земле имеет куда больше общего со звездами и горами, чем с ближними своими.

Поэты — натуры цельные, они не теряют связи с источником внутренних сил. Все остальные, так называемые «тени», представляют собой прекрасный материал для рака сознания. Их тревожат лишь собственные мелочные ценности, они корыстны и эгоистичны. А поскольку паразиты — всего лишь проекция таких людей, то не стоит удивляться их прилипчивости к человечеству. А на нашем корабле, где каждый знает, что он не одинок и напрямую связан с универсальной «электростанцией», паразитам просто негде существовать.

Одним словом, даже если бы мы не улетели в открытый космос, в наших умах паразитам все равно не найти пристанища. Мы представляли не слишком аппетитное блюдо для рака сознания, и он в нас медленно сдыхал от голода. А путешествие в космос лишь ускорило этот процесс. Оторвавшись от остального человечества, мы поначалу чувствовали страх и одиночество, словно дети, впервые оторванные от матери. В тот момент каждый столкнулся со сложной проблемой: действительно ли человек — это существо социальное, которое не в силах жить изолированно от других людей? Если так, то все наши «общечеловеческие» ценности — добро, истина, любовь, религия и все остальное являются ложными, поскольку эти ценности по определению абсолютны и куда важнее, чем сами по себе представители рода человеческого.

И этот страх заставил обратиться за помощью к внутреннему миру, к «источнику силы, смысла и цели». Отныне фальшивые телефонные провода, связывавшие нас с остальным человечеством, были оборваны. Из этого не следует, что люди на Земле перестали для нас что-либо значить, наоборот — они стали даже более значимы, поскольку, в определенном смысле, их можно считать бессмертными. Но нам открылась другая истина: все так называемые «общечеловеческие» ценности являются на самом деле ложными — это химеры, основанные на том, что человек недооценивает самого себя.

Вот почему паразитам пришлось оставить нас в покое. Чем глубже мы уходили в космос, тем яснее становилось: оставшиеся на Земле люди нашими ценностями не обладают. Для них не имели смысла вещи, в которые верили мы. Человек не одиночка. Даже последний из оставшихся во Вселенной людей не будет одиноким.

Мы проболтали с Райхом остаток ночи. А когда пришел рассвет, точнее настал час земного рассвета, с нами обоими что-то произошло. За последние несколько часов мы здорово изменились: куколка превратилась в бабочку.

Больше мы не принадлежали Земле. Эта пустота вокруг стала нашим домом, таким же, как и тот абсурдный зеленый шарик, крутившийся в двух миллионах миль позади.

Это даже слегка напугало нас — словно побирушке вдруг привалило

огромное наследство. Бывший бродяга смотрит на замерших в ожидании слуг и прикидывает, что бы такого сделать с этой уймой денег; он осматривает гигантское имение, отныне принадлежащее ему… и голова его идет кругом: он приходит в ужас от внезапно открывшейся свободы.

Да, сколько нам еще предстоит сделать открытий… Но для начала мы должны выполнить главную задачу: донести наши знания до тех, кто остался на Земле.

И хотя Земля перестала быть нашим домом, у нас не было ни малейшего сомнения относительно того, что мы теперь должны делать. Мы стали полицейскими Вселенной.

Я подошел к автопилоту. Неделю назад мне бы пришлось выслушивать на этот счет изнурительные инструкции полковника. Теперь же управление казалось простым, словно игрушечное. Я быстро провел необходимую настройку и запустил режим перепрограммирования. Фотонные паруса свернулись, войдя в корпус корабля, и с борта стартовала небольшая ракета, при помощи которой производился поворот. Мы медленно разворачивались, описывая огромную дугу. Все тут же проснулись и выбежали посмотреть, в чем дело.

— Мы возвращаемся на Землю, — объявил я. — Помогите-ка мне разогнать корабль.

Соединившись в единую ментальную параллельную цепь, мы начали продуцировать едва ощутимые разряды переменного тока, созданного силой нашей объединенной воли, и затем медленно направили эти разряды вокруг задней части корабля. Словно гигантская рука стиснула огромную рыбину — и этой рыбой был наш корабль. Мы ощутили рывок ускорения — и повторили разряд. Корабль снова откликнулся на приложенное усилие. Мы удвоили напряжение — корабль дрожал, но поддавался. Дело это тонкое и опасное. Нам вполне было под силу приложить энергию, равную мощности дюжины водородных бомб, но эта энергия должна трансформироваться в постепенно нарастающую скорость. Любая неосторожность — и корабль разлетится в атомную пыль. Мы с Райхом — после нашего преображения — могли выжить даже в этом случае, но остальные — вряд ли.

Было нечто забавное в космическом путешествии за два миллиона миль от Земли на этой нелепой жестянке, которую, казалось, могли спроектировать полные имбецилы. Я и Райх решили, что первым делом на Земле мы научим людей, как строить настоящие космические корабли.

С членами команды легче и быстрее всего было общаться телепатически. Для этого все взялись за руки и образовали кольцо, как в спиритическом сеансе. Через пять секунд мы уже чувствовали друг друга — такие вещи не были для них полной неожиданностью. Когда-то для получения этих знаний нам приходилось блуждать в потемках, наши ученики двигались вперед при дневном свете.

Это было само по себе интересным опытом. Ночью я не видел Райха — мы находились в разных комнатах. И на самого себя не потрудился взглянуть в зеркало. Но как только мы передали наше знание остальным, с нами произошли значительные перемены. Этого, конечно, следовало ожидать, но все же видеть эти изменения на стольких лицах сразу было, пожалуй, немного странно. Обычные прилагательные здесь не помогут. Я мог бы сказать, что лица их стали «достойнее» или величественнее, но это в малой степени отражает истину. Более точным было бы сказать, что они обрели некую «детскость». Но смысл этого определения должен быть

истолкован правильно. Когда вы заглядываете в лицо младенца — скажем, шести месяцев от роду, — а потом переводите взгляд на старика, вы внезапно постигаете глубинный смысл того, что называют жизнью, радостью, волшебством. Неважно, насколько мудр и добр старик, ему недостает этой сияющей полноты жизни, которую мы находим у счастливого и умного ребенка. Смотреть на такое дитя глазам почти больно, потому что оно с очевидностью принадлежит иной, более яркой, Вселенной. Это дитя — все еще наполовину ангел. Взрослые, даже величайшие из них, обесценивают жизнь. Младенец же доверяет жизни и утверждает ее всем своим существом.

И вот это-то ощущение настоящей жизни внезапно снизошло на столовую нашей жестяной ракеты, и не будет преувеличением сказать, что это выглядело подобно заре творенья. Созерцание этого в других углубляло силу и твердость в каждом из нас.

И это вывело нас на новый уровень познания. Когда я говорил нм: «Человек не одинок», — то понимал, что именно я имел в виду, но все частности еще не были прояснены. Я говорил об источнике силы, о ее значении и ее цели. Теперь я осознал, что мы не одиноки в гораздо более очевидном и простом смысле. Мы присоединились к полиции Вселенной, мы действуем вместе с Другими. Наши сознания теперь мгновенно вступают в контакт с этими Другими. Как если бы послали сигнал, мгновенно пойманный сотней приемников, которые немедленно дали знать нам о своем присутствии. Ближайшие из этих приемников были расположены всего в четырех миллиардах миль, на корабле, совершающем путешествие из планетной системы Проксимы Центавра.

Я не стану больше об этом распространяться, поскольку дальнейшее развитие этих событий уже не имеет отношения к нашей истории.

Мы мчались со скоростью около ста тысяч миль в час. До Земли, этого забавного зеленого шарика, оставалось два миллиона миль или двадцать часов полета. Луна, которая вращается на расстоянии двухсот пятидесяти тысяч миль от Земли, все еще оставалась между нами и этим шариком, а, значит, через семнадцать с половиной часов мы поравняемся с нашим старым добрым спутником. И там нас ожидало кое-какое дельце.

В тот момент нам и в голову не приходило, что Луну можно сдвинуть с орбиты. Ее вес — примерно десять в пятнадцатой степени или пять тысяч миллиардов тонн, а мы еще не представляли, какая масса подвластна нашей общей ПК-энергни, хотя, скорее всего, эта задача нам под силу. С другой стороны, что произойдет, если мы сможем вытолкнуть Луну в открытый космос? В этом случае исчезнет постоянный раздражитель человеческой психики, хотя она уже выполнила свое предназначение. В любом случае, паразиты сознания уцелеют.

Но что-то подсказывало нам, что в Луне таится разгадка всего происходящего. И этой разгадкой следовало заняться немедленно.

Приблизившись на расстояние пятидесяти тысяч миль, мы вновь почувствовали притяжение Луны. Райх и я переглянулись. Кажется, Луна каким-то образом нас «почуяла». Когда мы стартовали с Земли, Луна «знала» о нас все, и ее «интерес» продолжал фокусироваться на корабле даже после того, как мы ушли в сторону от нее. Теперь же мы приближались с другой стороны, и она нас «не замечала», пока мы не подошли на расстояние пятидесяти тысяч миль.

Наши способности и чувства уже не так «тускнели», как это было на

пути от Земли. Теперь-то мы понимали, в чем дело: за нами с надеждой следили те «чужаки», которые попались в лунную ловушку. «Помутнение» способностей было вызвано стрессом. Но, узнав его природу, сражаться с ним было гораздо легче.

Мы начали торможение и через полчаса аккуратно прилунились, взметнув тучи серебристой пыли.

Мне приходилось бывать на Луне раньше, и ее поверхность всегда казалась мертвым камнем. Но сейчас планета не была мертвой — это был живой ландшафт, измученный тысячелетней пыткой, невыносимо остро здесь ощущалась горечь утраты; словно смотришь на остов сгоревшего дома, в котором погибли тысячи людей.

Не теряя времени, мы приступили к эксперименту, который привел нас сюда. Оставаясь на борту корабля (скафандры, так же как и сама посадка, не были предусмотрены программой полета), мы направили луч волевой энергии на огромную пористую скалу, напоминавшую гигантский муравейник. Двенадцать из нас мысленно соединились в параллельную цепь а затем произвели такой выброс энергии, который мог бы разнести лунный кратер диаметром в десять миль.

«Муравейник» — гора в милю высотой — разлетелся в мельчайшую пыль, которая окутала корабль серебристым туманом. В течение десяти минут мы чувствовали себя неуютно, ощущая мощный выброс тепловой энергии. И все же, в миг, когда скала рассыпалась, все ощутили мгновенную вспышку чистой радости, подобную слабому разряду тока. Несомненно, это был момент освобождения заточенных в скале жизненных сил. Но поскольку у них не было «телесной оболочки», они тут же растворились в пространстве.

Луна всегда внушала загадочный ужас. Похоже, Шелли продемонстрировал шестое чувство, когда в своем стихотворении «Ода Луне» спрашивал у нашей космической спутницы, не от великой ли усталости ее мертвенная бледность. Пугающую проницательность обнаружил и Йетс, сравнивший Луну с идиотом, который бесцельно шатается по небу. Мы тоже чувствовали себя на Луне, словно приехали в психиатрическую лечебницу навестить скорбящего.

Через полчаса Луна осталась далеко позади, а прямо по курсу увеличивался туманный, зелено-голубой шарик нашей планеты. Это всегда волнующий момент, когда видишь Луну позади, а Землю — впереди, но обе планеты еще одного размера. Но нам еще надо было до конца разобраться с Луной.

Решено было испытать, насколько далеко действует психокинетическая энергия. И особенно интересно было взглянуть на это, находясь на полпути между Землей и Луной, — мы решили напрячь все силы и… «притянуться к Земле. Конечно, находясь в космическом корабле, мы не могли как следует поднапрячься — слишком велика масса Луны по сравнению с массой нашей жестянки, а, значит, вдохновительница поэтов и влюбленных может отразить нашу же энергию и попросту уничтожить всех нас. Геометрически корабль был как бы третьей вершиной сплющенного треугольника.

Непростая задачка. Для начала нам впервые предстояло объединить все силы — создать ментальную параллельную цепь из пятидесяти человек. Большинство с трудом себе представляло, что такое энергия психокинеза, а тут предлагают не только напрячь свои неразвитые силы, но и сделать это в унисон с другими. Флейшман, Райх и я взяли на себя

общее руководство. Да, мы занялись чертовски опасным делом. Корабль наш был далек от совершенства: стоит кому-то на миг ослабить контроль — и нам всем конец. Для страховки мы трое должны были отслеживать возможность аварии, а Холкрофт и Эбнер координировали образование вибрационной волны. Затем настало время «пробить» телепатический канал к Земле. Эффект оказался потрясающим: казалось, мы снова очутились в Вашингтоне. С Земли мощным потоком пошла «жизненная энергия» — она напоминала ту, что мы чувствовали на поверхности Луны. Правда, там это была энергия изможденных плененных сил, а с нашей планеты шли волны страха и неврозов. Вот оно, подтверждение райховской теории паразитов сознания. На Земле люди производили волны паники таким же образом, каким мы создавали психическую энергию; страх все больше отделял их от их истинного «Я» и превращал в зараженные раком тени; и эти альтер эго немедленно становились частью странной «самостоятельной» реальности — как будто ваше отражение в зеркале вдруг начинало жить своей независимой жизнью.

Контакт с Землей позволял нам нажать на Луну двойным рычагом, состоявшим из нашего собственного прямого луча ПК-энергии и отраженного луча, исходившего от Земли.

Целью этого эксперимента не было «поразить» Луну тем или иным способом, но лишь оценить степень нашей зависимости от нее, подобно тому, как игрок в крикет взвешивает мяч на ладони. Я бы сказал, что использование ПК-энергии не более сенсационно, чем обыкновенное прикосновение к чему бы то ни было. Единственное отличие в том, что спектр возможностей «ПК-прикосновения» гораздо обширнее. В данном случае, сфокусировав отраженный луч с Земли, мы могли на деле испробовать сопротивление Луны. И означало это на данном этапе следующее: просто-напросто увеличивать мощность и ждать, что будет. Все, что мы с Райхом и Флейшманом могли сделать, так это постараться, чтобы вибрация не разнесла наш корабль. По нарастающим колебаниям мы чувствовали, как усиливается мощность потока. Не выдержав, я приказал остановиться — слишком рискованно было продолжать дальше.

Я поинтересовался у Холкрофта, откуда идет сопротивление.

— Мне кажется, мы натолкнулись на ответную реакцию. Сдавить Луну несложно, но непонятно, какую силу она может отразить. Лучше продолжить этот эксперимент с Земли.

Я понимал его: ПК-луч позволяет изменить форму Луны, но это еще не значит, что таким образом Луну можно сдвинуть с орбиты.

Все порядком устали, и многие решили до приземления поспать часок.

В девять утра были запущены ракеты торможения, скорость упала до тысячи миль в час. В девять семнадцать мы вошли в земную атмосферу и прекратили подачу энергии. Теперь нас вел только контрольный луч Мэйси. Когда мы приземлились, было без нескольких минут десять.

Казалось, мы отсутствовали целое тысячелетие. Наша внутренняя сущность изменилась настолько, что и Земля выглядела другой. Теперь все на планете казалось бесконечно прекраснее, чем мы представляли. Когда мы были на Луне, ее искажающее влияние было слишком велико, чтобы мы могли заметить и оценить эту перемену.

Однако те, кто пришел нас приветствовать, казались чужаками и выглядели отталкивающе, чуть получше обезьян. Боже мой, неужели эти идиоты могли жить в бесконечно прекрасном мире и оставаться при этом

слепыми недоумками? Мы были вынуждены вновь и вновь напоминать себе, что людская слепота — это всего лишь определенный этап в эволюционном процессе.

Инстинктивно мы все тщательно скрывали перемены, которые с нами произошли, от любопытных взглядов земных собратьев, изо всех сил стараясь быть как все. При этом нам было стыдно, как счастливчику, оказавшемуся среди безнадежных неудачников.

Майей выглядел ужасно усталым и больным:

— Ну как, сэр, вас можно поздравить с удачен?

— Думаю, да! — ответил я.

Он тут же посветлел лицом. Я понял, что могу благотворно влиять на него. Даже если эти существа немногим лучше полных кретинов, они все же наши братья. Взяв его за руку, я передал ему часть бурлившей во мне энергии. Какое удовольствие было наблюдать за мгновенными переменами: плечи его распрямились, даже морщины на лице разгладились, и весь он засветился оптимизмом.

— Ну, рассказывайте, что тут произошло после нашего отъезда, — попросил я.

А дела обстояли очень серьезно. Безжалостный Гвамбе, не теряя времени, оккупировал Иорданию, Сирию, Турцию и Болгарию. Любое сопротивление подавлялось его многотысячной армией. Он превратил в грозное оружие аккумулятор космических лучей, над которым работали ученые Европы и Африки, добавив к нему вольфрамовый отражатель. И с этого момента сопротивление прекратилось. За час до нашей посадки сдалась Италия, предложив Гвамбе беспрепятственный проход его войск по своей территории. Немецкие войска скапливались вдоль границ Штирии и Югославии, но главная битва пока не состоялась. Немцы грозили водородной бомбой, если Гвамбе запустит свой аккумулятор космических лучей, и это означало, что начинается затяжной период войны с обычным вооружением. Американская система ПВО не смогла задержать четырнадцать ракет повышенной мощности — одна из них вызвала пожар в Лос-Анджелесе, бушевавший всю прошлую неделю. Американцы не могли нанести ответный ракетный удар, поскольку войска Гвамбе рассредоточились на огромной территории, но вчера президент объявил, что за каждый залп по Штатам в Африке будет разрушено по одному городу.

Но в целом все понимали — в этой войне на победу надежды нет ни у кого. Любой ответный удар вел только к взаимоуничтожению. Все считали Гвамбе маньяком-убийцей, который наводил страх и на свой народ, и на весь остальной мир.

Удивительно, но Хэзарда — такого же безумца и преступника — всерьез не принимали. За те две недели, пока Гвамбе захватывал средиземноморские страны, Германия и Австрия провели мобилизацию. Немецкие ракеты уже сыпались на Кейптаун, Булавайо и Ливингстоун, но согласованная война против Африки пока не началась. Когда же поползли слухи, что Хэзард вводит в Австрию установки для запуска водородных ракет, к нему обратились российский премьер и американский президент с просьбой не использовать ядерное оружие. Хэзард ответил уклончиво. Но в основном его поведение воспринималось всеми как разумное. Мы же знали о Хэзарде нечто большее. Знал это и президент Мелвилл, но предпочитал не вмешиваться.

Ракетоплан доставил нас в Вашингтон, и в тот же вечер мы уже

сидели за столом с Президентом. Он тоже выглядел неважно, но после общения с нами воспрял духом. Обслуга Белого Дома расстаралась, чтобы организовать импровизированный обед для пятидесяти гостей в большом обеденном зале. Президент сразу поинтересовался:

— Ума не приложу, как вам удается так бодро держаться?

— Просто мы знаем, как остановить эту войну.

Именно это он и ожидал услышать. Хотя в тот момент мне было все равно, уничтожат люди друг друга или нет. Оказавшись снова среди этих жалких сварливых людишек с куриными мозгами, я понял, до чего же они меня раздражают.

— И как же мы собираемся остановить войну? — поинтересовался Президент.

— Для начала вы должны выступить по национальному телевидению и объявить, что через шесть часов вы сделаете важное заявление, которое касается всего мира.

— Нельзя ли узнать, о чем будет это заявление?

— Пока точно не знаю, но речь, видимо, пойдет о Луне.

В четверть первого ночи мы вышли на лужайку перед Белым Домом. Небо затянули облака, моросил мелкий холодный дождь. Но нас это не особенно волновало — мы прекрасно знали, где сейчас находится Луна. Ее притяжение не скрыть никаким облакам.

Усталости не чувствовалось. Возвращение на Землю вызвало мощный прилив сил. А еще мы подсознательно были уверены, что остановить ату войну нам под силу. Другое дело — уничтожим ли мы при этом паразитов? Вопрос оставался открытым.

В космосе наши опыты проходили отлично. А здесь, на Земле, опираясь на всю ее мощь, мы тем более могли включить в цепь наши ментальные силы. Нам с Райхом и Флейшнером теперь было не нужно контролировать остальных; надо было только действовать аккуратнее, чтобы не разрушить походя Белый Дом.

Когда наше сознание объединилось, я почувствовал необычайный подъем и прилив неведомой раньше силы. Вот когда я понял смысл библейского высказывания: «мы члены друг друга». Мне представилось все человечество, соединившееся в телепатическом контакте. Человек перестанет быть «единичным» существом, горизонты его мощи раздвинутся до бесконечности.

Нашу волю мы сконцентрировали в «прожекторный» луч и направили его в сторону Луны. Теперь ни к чему было усиливать мощность за счет вибрации. Удивительные ощущения вызвал контакт с Луной — словно внезапно оказываешься в центре самой шумной толпы в мире. Тревожные вибрации передавались с Луны по упругому силовому кабелю, который мы как бы перебросили с одной планеты на другую.

Конечно, это не был обычный, «слышимый» шум. На несколько секунд мы потеряли контакт друг с другом — связь прервалась из-за нахлынувшей волны ментальных помех и искажений. Но затем мы снова почувствовали друг друга и объединили наши усилия против этой волны. Луч нашей воли шарил по Луне, и мы осязали ее поверхность, словно водили рукой по апельсину. Вот мы ее потихоньку сжали, затем выждали немного, и под нашим с Райхом руководством принялись продуцировать чистейшую энергию движения. Нас не волновало расстояние до Луны — по-видимому, эти четверть миллиона миль для нашей мощи были просто пустяком.

Минут двадцать мы продолжали разминку. Главное — не расходовать сил понапрасну, действовать постепенно. Связанный могучими узамн гравитации с Землей, гигантский шар весом в пять тысяч миллиардов тонн начал медленно раскручиваться. В принципе он был невесомым, поскольку вес его поддерживался за счет Земли.

И медленно, очень медленно мы принялись сжимать Луну, заставляя ее раскручиваться. Вначале ничего не происходило. Мы прибавили мощности, стараясь упираться в землю — многие даже присели на мокрую траву. По-прежнему без изменений. Усталости не было — мы продолжали осторожно давить на Луну, волны напряжения усиливались и разгонялись уже без нашего контроля. Минут через пятнадцать мы поняли, что дело сдвинулось с мертвой точки. Луна повернулась, правда очень медленно. Мы сейчас напоминали мальчишек, которые разгоняют карусель. Как только мы преодолели первоначальную инерцию, предела скорости уже не чувствовалось — она медленно, но неуклонно нарастала.

Но «карусель» крутилась в направлении, противоположном вращению Земли. Мы старались раскручивать Луну под прямым углом к осн ее вращения вокруг Земли, так сказать — в направлении с севера на юг. Продолжая давить на Луну, мы разогнали вращение до трех тысяч миль в час. Через пять минут сила инерции окончательно была преодолена, это значило, что Луна полностью проворачивалась вокруг своей оси каждые два часа — именно такая скорость нам была необходима.

Теперь можно было не мокнуть больше под дождем и выпить горячего кофе. В комнате набилось много народа: к нам присоединились пятнадцать ведущих сенаторов. Мы попросили их не шуметь, а сами присели и вновь сосредоточились на Луне — интересно, сработал ли наш маневр?

Сработало. В течение двадцати минут та половина Луны, которую мы обычно видим с Земли, отвернулась от нас в открытый космос, и нам предстала ее обратная сторона. Как мы и предполагали, возбуждающее воздействие Луны уменьшилось наполовину. Тысячелетиями лучи ее психической энергии бомбардировали Землю, а теперь они отражались в открытый космос.

Через час некогда темная сторона Луны полностью открылась для обзора. Беспокойные вибрации с поверхности Луны почти не ощущались. Мы поинтересовались у сенаторов, не заметили ли они в себе каких-либо перемен. Кто-то ничего не заметил, но несколько человек признались, что почувствовали себя «миролюбивей», чем час назад.

И только теперь мы смогли объяснить президенту, о чем он должен сказать в своем заявлении. План был прост и ясен: президент скажет народу, что американская исследовательская станция на Луне передала сообщение о появлении огромных неизвестных космических кораблей, а после этого связь со станцией якобы прервалась.

Президент весьма скептически выслушал нас, но мы заверили его, что все будет нормально, и посоветовали ему пойти лечь спать…

Исторического выступления президента я не видел — так получилось, что в это время я впервые за две недели, истекшие со дня старта корабля, заснул крепким сном. Поэтому, проснувшись в десять утра, я узнал, что первая часть нашего плана была выполнена. Весь мир переключился на канал, где выступал президент. Известие о вращении

Луны вокруг своей оси вызвало в крупных городах вспышки истерии. (Не прощу себе никогда: оказывается, мой старый друг королевский астроном, сэр Джордж Гиббс, слег с сердечным приступом, когда во время наблюдений в Гринвичской обсерватории вдруг увидел, как Луна закрутилась; через несколько часов он скончался). Заявление президента о пришельцах подтвердило самые худшие опасения. Никто не интересовался, почему они раскрутили Луну. Но вся планета в течение суток могла увидеть невооруженным взглядом вращение Луны. В те дни стояло полнолуние, поэтому видимость для большинства районов Азии и Европы была прекрасная. Сразу, конечно, движение было незаметно — вращение было не быстрее хода минутной стрелки часов, но всякий, кто смотрел больше десяти минут, мог заметить, как пятна на Луне медленно ползут с севера на юг.

Мы надеялись, что эти новости отвлекут всех от войны, но не учли влияния паразитов. К полудню поступили новости о том, что на север Югославии и Италию обрушились шесть водородных ракет, пострадало от атаки более тысячи квадратных миль площади. Хэзард решил, что нельзя прекращать войну без единого залпа. Можно было бы смириться с таким положением вещей, если бы он уничтожил этим залпом хотя бы Гвамбе, но судя по всему, диктатор остался жив: вечером он выступил по телевидению и поклялся, что кто бы там ни был — пришельцы или не пришельцы, но Хэзарду он никогда не простит гибели своих солдат. (Впрочем, во время атаки погибли в основном итальянские и югославские граждане, основные силы Гвамбе находились южнее зоны обстрела.) С этой минуты Гвамбе объявил тотальную войну до полного уничтожения белой расы.

К шести вечера поступили более оптимистические известия. Из армии Гвамбе дезертировали несколько тысяч солдат. Перспектива вторжения пришельцев с Луны заставила их вспомнить о своих семьях. Но Гвамбе по-прежнему твердил, что его воины будут биться до конца. Через несколько часов водородной ракетой был уничтожен город Грац в Штирии, там погибли полмиллиона солдат Хэзарда. Еще три ракеты упали в сельской местности между Грацем и Клагенфуртом — человеческих жертв было немного, но сотни квадратных миль плодородной почвы были погублены. Поздно вечером мы узнали, что войска Хэзарда наконец перешли границу Югославии и завязали в Мариборе бой с многочисленной армией Гвамбе. Сам город Марибор был полностью уничтожен космическими лучами, и главная битва состоялась в миле от него.

Теперь нам стало ясно, что пришла пора действовать. Мы надеялись, что лунная угроза остановит войну хотя бы на несколько дней и даст Совету Всемирной Безопасности время для действий. Чего добьются паразиты сознания, если война будет продолжаться? Если мир погибнет — а это произошло бы без сомнений, — то и они тоже погибнут. С другой стороны, если война прекратится, у них не останется шансов выжить. Теперь мы знали их секрет — связь с источником энергии в космосе они потеряли, поэтому мы можем ежедневно уничтожать их тысячами (если, конечно, они не научатся приспосабливаться к новым условиям). Возможно, они надеялись, что несколько тысяч человек переживут Армагеддон — ведь выживали же люди после предыдущих лунных катастроф. Как бы там ни было, все выглядело так, словно паразиты считали человеческую расу обреченной на самоубийство.

Главное — не терять времени. Если Гвамбе или Хэзард действительно стремились ко всеобщему уничтожению, то сделать это им было не слишком трудно. Любой, даже не слишком компетентный инженер сможет запросто превратить «чистую» водородную бомбу в кобальтовую, поместив ее в кобальтовый кожух, — для этого хватит суток. Но даже в этом случае человечество сможет спастись, лишь бы суметь потом очистить атмосферу от кобальта-60. Нашей психокинетической энергии для этого вполне достаточно, правда, на это могут уйти месяцы и даже годы. На это, скорее всего, и надеялись паразиты.

В Дуранго, штат Колорадо, группа ученых работала над новым типом космического корабля с огромными фотонными парусами. Об этом мы слышали еще на девяносто первой базе. Корабль сконструировали из особо легкого сплава лития и бериллия, размеров он был внушительных — под стать гигантским парусам.

Я спросил у президента, как далеко продвинулись работы и возможно ли использовать его сейчас? Он связался с базой в Дуранго и дал ответ: корпус уже собран, но двигатели пока на стадии испытания.

Это не страшно, заметил я. Нам нужен только корабль. Причем выкрашенный в черный цвет. С базы ответили, что это невозможно: площадь его поверхности составляет почти две квадратные мили. Президент помрачнел, накричал на того, с кем говорил, и отключил телескрин. «Когда вы будете подлетать к Дуранго, — сказал он, — корабль уже полностью выкрасят в черный цвет».

Корабль действительно поражал своими размерами. Строительство шло на дне огромного кратера, который возник после падения метеорита в 1980 году. Все работы производились в режиме особой секретности — над кратером даже возвели силовой купол, под которым просматривался корпус корабля, словно очертания гигантской пули. Самой плоской была хвостовая часть корпуса, туда же должны были убираться и фотонные паруса. Высота корабля составляла две тысячи футов.

Мы прилетели на базу в Дуранго через пять часов после разговора с президентом. Вся база пропахла нитрокраской, повсюду виднелись черные пятна — даже люди были перемазаны с ног до головы. Зато и весь корабль стал полностью черным.

Близилась полночь. Мы попросили командира базы генерал-майора Гейтса отпустить всех людей по домам и снять силовой барьер. Гейтсу было приказано выполнять любое наше распоряжение, и обычно он беспрекословно помогал нам, но в этот раз даже он изумился.

Гейтс объяснил нам, как действует механизм для разворачивания парусов. Их, кстати, не тронули — и теперь на черном фоне корпуса они сверкали в лучах прожекторов серебристым блеском, будто крылья гигантской бабочки.

Признаюсь, нам всем было не по себе, когда мы оказались в просторном серебряном зале, где стоял ледяной холод и пахло свежей краской. На корабле успели установить только приборы управления, но не более того — для монтажа остального оборудования требовался год работы.

Впрочем, как только мы принялись за работу и начали отрывать корабль от земли, чувство оцепенения покинуло нас. Сдвинуть корабль с места не представляло особого труда: его корпус был необычайно легким. С ним мог справиться даже один человек. Так мы и порешили — корабль повела небольшая группа из десяти человек под руководством Эбнера. Я

же взял на себя управление. На борту находился только один человек не из наших — штурман базы капитан Хейдон Рейнолдс. Ему явно было невдомек, чем заниматься штурману на корабле без двигателей.

В двадцать минут первого мы поднялись на высоту двадцати тысяч футов и двинулись прямо на восток. Первую четверть часа Рейнолдс был настолько изумлен, что от него невозможно было добиться какой-нибудь вразумительной инструкции. Затем он пришел в себя, и полет пошел своим чередом.

Силы американской противоракетной обороны были осведомлены, что мы вторгнемся в пределы действия внешней системы предупреждения в половине первого, поэтому проблем с ними не было. Без пятнадцати час по телевидению передали, что со стороны Луны в земную атмосферу вторгся гигантский летательный аппарат. Все шло согласно инструкции, которую мы оставили президенту.

Над Атлантикой мы увеличили скорость до тысячи миль в час. В результате корпус корабля нагрелся, внутри стало не слишком уютно. Но время было дорого. Когда мы стартовали в Дуранго, в Мариборе было уже полдевятого утра. Впереди еще пять тысяч миль, а попасть на место необходимо до заката.

Подлетая к берегам Европы, мы достигли высоты в двадцать пять тысяч футов. К этому времени должны были сработать системы противоракетной обороны Франции и Англии, и нам приходилось быть начеку.

Первую ракету по нам выпустили где-то возле Бордо. Десять человек под руководством Райха обеспечивали отражающий щит — они взорвали эту ракету на расстоянии примерно двух миль от корабля. К сожалению, Райх забыл заблокировать взрывную волну, и нас швырнуло, словно поплавки во время шторма. На несколько секунд контроль был потерян, затем мне удалось погасить взрывную волну, и мы снова двинулись вперед. После этого Райх сконцентрировал внимание на взрывных волнах, направляя их в сторону от корабля.

Экраны бортовой системы связи констатировали, что телевидение уже успело показать всей планете момент вторжения «чужаков», а после того как бесславно взорвалась та ракета, ни у кого не осталось сомнений, что мы — настоящие пришельцы с Луны и обладаем неизвестным лучевым оружием разрушительной силы.

К часу дня по европейскому времени мы находились прямо над полем боя в Мариборе. Мы снизились до нескольких тысяч футов. Поскольку наш корабль двигался бесшумно, нам были слышны разрывы снарядов.

Хорошо все-таки, что мы выбрали корабль таких размеров. Огромное поле боя раскинулось миль на десять. Большого скопления войск не наблюдалось — только группки людей с ручными пулеметами и пусковыми устройствами для ракет. Из-за размера корабля нас отлично видели обе стороны, не мешали даже клубы густого дыма, стелившегося над землей..

Теперь начиналась главная часть операции — та часть, успех которой мы не могли гарантировать. Конечно, легче всего было взять да уничтожить все живое на площади в сто квадратных миль — наверняка это положит конец сражению. Но кто из нас 4 6 пошел бы на такое? Ничего, кроме сочувствия к этим несчастным, пытавшимся истребить друг друга, мы не испытывали, и убивать их у нас не было права.

Для начала требовалось вывести из строя мобильные ракетные

установки. Минут через десять после нашего появления целая дюжина этих установок принялась нас обстреливать. Группа Райха уничтожила все выпущенные ракеты и затем разрушила пусковые установки — каждая была сплющена до неузнаваемости. Но внизу еще оставалось около тысячи ракетных и артиллеристских точек, пришлось и о них позаботиться. Главную часть операции мы старались выполнять со всей тщательностью. Около часа пришлось обшаривать затянутое дымом поле боя в поисках уцелевших пушек и ракетных установок, пока последняя из них не была уничтожена.

Сперва наше появление вызвало дикую панику. Однако, не заметив никаких смертоносных лучей, исходящих от корабля, на земле заметно успокоились. Операция по уничтожению огневых точек прошла незамеченной, поскольку ее свидетелями стали только боевые расчеты установок. И через некоторое время на нас смотрели уже скорее с любопытством, чем со страхом. Эту информацию мы получили при помощи ментальных «антенн», и через них же постарались поднять настроение воюющих.

Удивительное это было чувство. Мы сидели в полной тишине, нарушаемой лишь шумом ветра. Стрельба внизу прекратилась. Мы знали, что миллионы глаз прикованы к нам. Я чувствовал, как во многих из них роились паразиты, которые превратили людей в «зомби», поэтому и сигналы от них шли совершенно непохожие на обычную человеческую реакцию: было в этих сигналах что-то холодное, безразличное.

И тут Флейшман нажал кнопку управления за фотонными парусами — те начали медленно раскрываться. Должно быть, картинка получилась впечатляющая: из хвостовой части корабля стали выползать огромные серебристые крылья и расширяться на глазах до тех пор, пока не стали раза в четыре больше самого корабля — их площадь достигала восьми квадратных миль. Теперь мы выглядели словно чудовищное черное насекомое со сверкающими, почти прозрачными крыльями.

Надо заметить, что между нами и нашими «зрителями» возник такой тесный контакт, который возможен лишь в театре между актером и залом. Поэтому мы тут же уловили волну изумления, смешанного со страхом.

Когда мы величаво поплыли над полем боя, в настроении воюющих сторон почувствовалась перемена. Они все еще зачарованно наблюдали за огромной серебристой штуковиной в небесах, но их интеллект в этом уже не участвовал. Стоит ли удивляться, если люди уже больше часа не отрывали взгляда от одной точки, их глаза просто устали от солнечных бликов на фотонных парусах.

В общем, эффект был именно таким, какого мы добивались. По мере того, как мы медленно уплывали в сторону и шли на снижение, солдаты следили за этим перемещением, словно в гипнотическом трансе — да так оно и было. Группа Райха контролировала плавность спуска, поскольку ветер постоянно угрожал перевернуть корабль, стоило лишь на мгновение ослабить контроль.

Остальные сорок членов команды соединились в телепатическую параллель. Те, кто наблюдал за нами с земли, полностью находились в нашей власти, будто ребенок, увлеченный сказкой. Я заметил еще одну любопытную деталь — что-то подобное я всегда подозревал: наши зрители тоже были телепатически связаны друг с другом, их объединил общий интерес к нам. Теперь понятно, почему такой опасной бывает

возбужденная толпа. Собравшиеся вместе людские массы в процессе вибраций вырабатывают определенную телепатическую энергию, но делают это по-топорному, несогласованно; следствием этого являются акты насилия, необходимые толпе, чтобы разрядить напряженность.

Но эта возбужденная толпа была в нашем полном распоряжении — словно огромный единый разум, подчинившийся нашей власти. Все внимание толпы поглощал гигантский насекомоподобный объект, который на глазах медленно приземлялся. Пока люди находились под гипнозом, им можно было внушить что угодно.

Следующая часть операции была полностью на моей совести. По сути дела, сознание каждого из глазевших на нас снизу служило телеэкраном, и я для них был главным передатчиком. И на этих экранах появилась информация: с двух сторон корабля открываются огромные двери. И вот из этих дверей — высотой больше тысячи футов — выходят лунные пришельцы. Пришельцы эти высотой тоже больше тысячи футов. Напоминают они насекомых, цвета зеленого, ноги у них длинные и как у саранчи, а лица их — как лица человеческие — с огромными носами и маленькими черными глазками. Пришельцы Передвигаются рывками, будто не привыкли к земному притяжению. А еще у них на ногах когти, как у птиц.

Гигантскими прыжками пришельцы двинулись навстречу застывшим солдатам. Тут я стал транслировать волны жуткой паники и видения страшных разрушений. Одновременно я снял оцепенение, в котором эти люди беспомощно наблюдали за происходящим. И народ бросился врассыпную. Меня так неприятно обдало волной их почти животного ужаса, что пришлось прервать телепатический контакт — пусть себе бегут.

Никто даже не оглядывался — люди тысячами падали под ноги бегущим следом, их затаптывали насмерть; позже выяснилось, что в этой давке погибла чуть ли не четверть солдат. Появись в тот момент настоящие пришельцы — им не удалось бы вызвать большего хаоса.

Не дай Бог пережить такое… Позже я еще несколько недель вспоминал об этом, и всякий раз во рту появлялся омерзительный привкус. Увы, такая акция была необходима. Она раз и навсегда положила конец войне. С этого момента и Гвамбе и Хэзард перестали существовать как лидеры. На них никто больше не обращал внимания, обоих диктаторов просто забыли. Война стала лишь дурным сном, от которого все пробудились, она казалась детской игрой, а всякой игре приходит конец. В течение трех дней войска ООН, которые действовали в контакте с президентом США, смогли арестовать тысячи солдат из разбежавшихся армий — среди арестованных оказались и Гвамбе с Хэзардом. (Последнего вскоре застрелили «при попытке к бегству», а Гвамбе упрятали в приют для умалишенных в Женеве, где он и умер год спустя.)

Вы подумаете, что после такой победы мы были не прочь почивать на лаврах. На самом деле, нам ничего подобного в голову не приходило — по двум причинам. Эта победа была всего линь детской игрой. Я так долго о ней рассказывал лишь из-за исторической значимости события, но с точки зрения стратегии для описания этой битвы хватило бы двух строк. Во-вторых, самое интересное только начиналось — мы собирались полностью очистить мир и окончательно уничтожить паразитов.

Ничего особенного не происходило. Мы просто рассказали людям

правду. На следующий день после «победы» Президент Мелвилл заявил по телевидению: «Правительство США с уверенностью подтверждает, что «пришельцы с Луны» покинули Солнечную систему, и опасности для планеты больше не существует». Он добавил: «Но ввиду постоянной угрозы внеземного вторжения, Соединенные Штаты настаивают на немедленном создании Объединенного Мирового Правительства, которое должно обладать всей полнотой власти для мобилизации Всемирных Сил Обороны». ООН тут же приняла это предложение. А затем начались великие перемены, о которых подробно рассказывается в книге Вольфганга Райха «Перестройка мира».

Главной задачей по-прежнему оставалось уничтожение паразитов, хотя ее решение можно было немного отложить. Вращение Луны уменьшило активность основного раздражителя, а это подорвало власть паразитов на Земле. Была еще одна причина относиться к ним как к второстепенной проблеме. Я уже говорил, что паразиты — всего лишь «тень» человеческой пассивности и нерасторопности. Их сила возрастала лишь в атмосфере упадка и паники, они питались человеческим страхом. А значит, победить их можно только одним способом: изменить психологическую атмосферу, дав людям силы и наделив их жизнь смыслом. Вот этим-то мы и собирались заняться в течение следующего года. Для начала необходимо сделать Силы Всемирной Безопасности по-настоящему эффективными, чтобы они могли пресекать малейшую активность со стороны паразитов. Два десятка человек из нашей группы должны были заняться организацией такой обороны. Не менее важно было заставить людей осознатЪ реальность паразитов и внушить им, что все должны сохранять постоянную бдительность. А это означало, что нашу группу придется увеличить до тысячи, даже до миллиона человек. И мы отправили двадцать человек, включая Эбнера и Флейшмана, в Организацию Всемирной Безопасности. Остальные занялись просвещением.

Об этом стоит рассказать особо — ведь все действительно зависело от наших успехов в обучении людей. Конечно, кандидатов для изучения техники «контроля сознания» набрать было несложно. Казалось, достаточно объявить всем о паразитах сознания, как люди тут же всему сами обучатся. В конце концов, я-то дошел до всего сам, и Райх с Флейшманом тоже.

Но это было верно лишь отчасти. Разумеется, многие изъявили желание учиться, но лишь усложнили этим задачу. Для битвы с паразитами сознания необходим изощренный и активный интеллект, а большинство людей настолько ленивы и неизобретательны, что паразитам не составляло труда обставить их в схватке. К тому же, люди теперь пребывали в состоянии «ложной безопасности», и паразитам оставалось лишь поощрять это чувство. Поистине, это был тот случай, когда частичное знание опасней полного неведения.

Сам факт того, что три четверти населения планеты в одночасье поверили в свою способность «контролировать разум», нас здорово озадачил. Как теперь распознать, кем из них стоит заняться особо? Тут одним махом ничего не сделаешь. Пришлось нам действовать методом проб и ошибок.

Главными качествами, которые мы требовали от новых «посвященных», были мужество и жизнестойкость, но обладали ими немногие, поэтому круг учеников сузился. В него попали

интеллектуально развитые, особенно те, кто уже сам пытался «проторять дорогу к тайне». Но даже с ними мы не избегли промахов. Когда мы с Райхом только начинали побеждать паразитов, нас подстегивало ощущение ежесекундной опасности. У этих же новых кандидатов оно напрочь отсутствовало, и многие из них просто не могли пробудить в себе чувство необходимости. Сколько же «свершений» в мире обязаны лишь привычке к агрессии и трудолюбию, а вовсе не работе интеллекта. Нет, на неудачи у нас не было времени. Если мы даже «разбудим» их при помощи телепатической энергии, это лишь стимулирует их собственную лень. И мы поспешили расстаться с этими учениками и набрать новую группу.

Вскоре мы были просто потрясены, осознав, что даже люди образованные и серьезные страдают от мозговой лени, приобретенной еще в детстве. С тех пор было решено, что кандидатов надо подбирать как можно моложе. Для этого мы сформировали из своих людей отдельную группу для проверки интеллектуальных возможностей подростков и детей. И на свет появилась так называемая «Группа К-тест Бергмана», успех которой превзошел все ожидания — за два года удалось отобрать более полумиллиона «адептов» в возрасте до двадцати одного года, владеющих «контролем над разумом».

К концу года стало ясно, что мы выиграли борьбу за установление постоянного и повсеместного мира. Пора было снова заняться Луной. Теперь это стало уже насущной необходимостью. «Лунные раздражители» успели привыкнуть к необычному вращению своего носителя и потихоньку снова начали фокусироваться на Земле. Как я и предполагал, вращение Луны оказалось лишь временной мерой.

Никого не ставя в известность, наша группа (в ней было уже пятьсот человек) постановила, что Луну надо вырвать из пределов земного притяжения. Эту операцию мы начали в январе 1999 года — во время празднования последнего Нового года в уходящем веке. Проблема была чисто технической: надо в течение долгого времени оказывать на наш спутник постоянное давление, ни на миг его не ослабляя. Главное условие — проводить операцию очень медленно. По сравнению с земной, плотность Луны гораздо ниже — не планета, а кусок шлака. На протяжении всего существования Луны ее бомбили бесчисленные метеориты и кометы, причем попадались и довольно крупные, поэтому ее поверхность была иссечена вдоль и поперек, словно кусок стекла, покрытый трещинами. Вот почему мы опасались разнести ее в куски, если переберем с давлением, — в этом случае Земля окажется в кольце лунных астероидов.

Мы не только собирались защитить Землю от лунных эманаций, но также хотели освободить «чужаков», попавших в ловушку нашего спутника. Луну решено было отправить к Солнцу, где бестелесные сущности смогут вновь обрести свободу.

Четыре наших группы по сто двадцать пять человек каждая рассредоточились в районе северного полушария Земли и начали осторожно подталкивать Луну в открытый космос. Скорость ее вращения все увеличивалась, а, значит, в конце концов она должна была раскрутиться как следует и отдалиться от Земли. (Кстати, в свое время Луна была гораздо дальше от нас, чем в двадцатом столетии, но с потерей энергии неуклонно приближалась к Земле.)

За весь 1999 год мы ускорили период вращения Луны от 28 до 14 суток. Это было несложно: к тому времени я уже достаточно разбирался в

секретах сознания и его взаимосвязях с материальной Вселенной для того, чтобы быть в состоянии осуществить весь процесс в одиночку. Теперь между нами и Луной был целый миллион миль, а, значит, скорость ее движения увеличилась на порядок. По нашим расчетам, перед тем как Луна полностью «оторвется», эта скорость еще раз удвоится и составит 40 тысяч миль в час. А затем силы инерции направят ее к Солнцу. Что и случилось 22 февраля 2000 года. Земля потеряла свой спутник к великому возмущению разных сентиментальных чудиков, но мы не обращали внимания на их протесты. Мы просчитались лишь в одном: три месяца спустя, когда Луна проходила орбиту Меркурия, она попала в сферу его притяжения. Но поскольку их массы приблизительно равны, никто всерьез не рассчитывал, что Луна может стать его спутником. После этой встречи Меркурий был притянут на семь миллионов миль ближе к Солнцу, а Луна в конце концов попала на околосолнечную орбиту со средним удалением в девятнадцать миллионов миль. Такой дистанции было достаточно, чтобы скалы на лунной поверхности расплавились. По крайней мере, лунным обитателям была обеспечена определенная свобода.

Тут бы мне и остановиться, и не потому, что не о чем больше рассказывать, просто в данном контексте слишком трудно рассказывать о том, что произошло в дальнейшем.

Наш «средний» современник, наверное, считал нас, «посвященных», богоравными. Для людей двадцатого века мы, пожалуй, и были таковыми. С другой стороны, мы еще более отдалились от достижения своих целей. Да, нас больше не ограничивали ни невежество людей, ни бесцельность бытия, но в целом большая часть природы так и оставалась непознанной. Путь, который надо было пройти, все еще уходил за горизонт. И до сих пор я не мог объяснить людям суть тех проблем, с которыми мы все столкнулись. Впрочем, если бы человеческие существа были способны вместить в себя это понимание, всякая нужда в объяснениях отпала бы.

Не знаю, везение ли это или наоборот — чувствовать, что ты оказался во главе величайшего движения в человеческой эволюции и четко осознавать свое предназначение, — и в то же время ощущать, что контакт с остальным человечеством почти полностью потерян. Человек по своей природе ленив, и от лени этой надо обязательно избавляться. Выходит, что мы терпеть не можем неудобств и создаем цивилизацию, чтобы от них поскорее избавиться, — в результате лень становится важнейшим фактором эволюции. А с другой стороны, человек умышленно предпочитает, чтобы эта эволюция шла неспешно и необременительно. Благодаря борьбе с паразитами сознания я увеличил скорость собственной эволюции и теперь не в силах остановить движения. Я не могу просто довольствоваться сознанием того, что безграничные просторы разума отныне открыты для изучения: мне этого мало. Еще столько вопросов осталось без ответа. Да, конечно человек не может больше оставаться сторонним наблюдателем собственной эволюции, и скорее всего срок его жизни будет теперь измеряться веками — вместо банальной смерти от скуки и усталости в возрасте восьмидесяти лет. Но мы по-прежнему не знаем, что происходит после смерти, как бытие возникает из небытия. Мы знаем о том, что во Вселенной существует благотворный Принцип Цели, но не ведаем, является ли этот принцип замыслом библейского Создателя или же он исходит из более глубокого источника. Тайна времени по-прежнему находится за семью печатями; и

до сих пор остается без ответа фундаментальный вопрос Хайдеггера: почему Бытие, а не Небытие? Ответ может находиться в совершенно другом измерении, столь же отличном от разума, сколь разум далек от мира пространства и времени…

(На этом мы решили закончить отчет и предлагаем отрывок из неопубликованных дневников Остина, поскольку, по мнению редактора, именно эти фрагменты намекают на возможную разгадку тайны «Паллады».)

Об этой космической «Марии Челесте»[8] уже столько сказано, что сама ее история начала запутываться из-за хаотического нагромождения фактов. Следующий фрагмент из «Автобиографии» капитана Джеймса Рэмзея проясняет уже известные сведения:

«В январе 2007 года правительство Соединенных Штатов объявило, что предоставляет самый крупный из построенных космических кораблей — «Палладу» — для экспедиции, которую возглавили профессора Райх и Остин. Заявленная цель экспедиции — геологическое исследование Плутона с целью обнаружения следов исчезнувших цивилизаций. За два дня до старта в газете «Уорлд Пресс Ньюс» появилась статья Горэса Киммеля, который утверждал, что истинная цель полета — разузнать, могли ли базироваться на Плутоне гигантские космические корабли, замеченные в нижних слоях земной атмосферы… Профессор Остин категорически отверг подобную гипотезу.

«Паллада» с экипажем из двух тысяч человек, тщательно отобранных руководителями экспедиции (туда, кстати, вошли все участники предыдущего похода 1997 года за исключением семи человек) стартовала из Вашингтона 2 февраля 2007 года, и до полуночи этого же дня зафиксирован последний радиообмен с кораблем. Голос профессора Остина сообщил, что корабль прошел около миллиона миль. После этого все попытки связаться с «Палладой» оказались тщетными…

Ровно через десять лет, 10 февраля 2017 года, на поиски следов «Паллады» отправилась экспедиция под моим руководством. В нее входили три корабля: «Центавр», «Клио» и «Аейстер». 12 января 2018 года мы приблизились к Плутону. Через месяц — за это время планета сделала четыре оборота — мы уже готовились к отлету на Землю. И тогда-то радист с «Клио» поймал ясные сигналы «Паллады»… В конце концов, 2 марта 2018 года нам удалось установить местонахождение корабля — он дрейфовал в открытом космосе в двух миллионах миль от Плутона. На борту огромной ракеты горели все огни, внешних повреждений мы не обнаружили, и это дало повод надеяться, что кто-то из экипажа остался жив. Однако, не получив ответа на сигналы, я понял, что это маловероятно, и приказал лейтенанту Фирмину проникнуть внутрь корабля через аварийный люк. Затем группа, которую я возглавлял, также проникла на «Палладу». Мы никого не обнаружили. Не было ни следов насилия, ни признаков спешной эвакуации. Судовой журнал велся до 9 июня 2007 года, из него следовало, что экспедиция провела некоторое время на Плутоне и ожидала удобного момента для старта на

8 «Мария Челеста» — так называлась бригантина, команда которой полностью исчезла между Португалией и Азорскими островами в 1872 году. Одна из загадок XIX-го века.

Нептун — когда перигелий[9] Плутона войдет в соответствие с афелием[10] Нептуна. С того дня записывающие приборы продолжали нормально функционировать, но, судя по записям, корабль свободно дрейфовал в космосе. Ничто не указывало на вторжение в обшивку инородных тел крупнее, чем пятидесятифунтовый метеорит, да и тот был автоматически отражен. Аппаратура также показывала, что с момента старта на Плутоне двери «Паллады» ни разу не открывались. Главный физик с «Клио» предположил, что команда «Паллады» была мгновенно распылена на атомы каким-то космическим излучением, которое воздействовало только на органическую ткань, но эту версию опровергли показания ассимилятора Данбара.

Девятого июня в 9.30 двигатели «Паллады» были остановлены в обычном режиме, после этого корабль прекратил свое движение. Проверка показала, что двигатели в прекрасном состоянии.

Лейтенант Фирмин взял на себя управление «Палладой», и 10 декабря 2018 года доставил корабль на Землю. Последующие расследования не прояснили тайны, так же как ничего не обнаружили последующие экспедиции на Плутон и Нептун».

Как я уже объяснял, по мнению редактора нынешнего издания, исчезновение «Паллады» планировалось заранее, и в момент старта с Земли, в феврале 2007 года, каждый из членов экипажа уже знал, что никогда не вернется. Другие версии просто не вписываются в известные нам факты. У нас нет подтверждений того, что «Паллада» стала жертвой внезапного нападения, равно как и того, что кто-то перепрограммировал ее аппаратуру с целью уничтожить следы подобного нападения. Нет и доказательств, что экипаж «Паллады» собирался основать новую цивилизацию на другой планете. На борту корабля было только три женщины — если бы что-то подобное планировалось, то их бы взяли побольше.

На мой взгляд, настоящее издание «Паразитов сознания» предлагает некоторые намеки к разгадке тайны «Паллады». В неопубликованных бумагах Остина на страницах 271 и 272 упоминается о «космической полиции», и это для нас имеет огромное значение. Он пишет: «Ближайшие из этих приемников были расположены лишь в четырех миллиардах миль, на корабле, совершающем путешествие из планетной системы Проксимы Центавра». В ноябре 1997 — к этому времени относится запись — Плутон находился от Солнца на расстоянии, почти равному собственному афелию, — 4,567 миллионов миль.

Вполне возможно, что «приемник», о котором пишет Остин, находился где-то возле Плутона, хотя, безусловно, он мог быть и в другом месте. Могла ли у «космической полиции» с Проксимы Центавры быть какая-то база на Плутоне? И еще: откуда у Киммеля информация о том, что истинной целью экспедиции был поиск на Плутоне «базы» летающих тарелок, наблюдаемых столь многими людьми в первые годы текущего столетия? Киммель погиб во время катастрофы ракетоплана через два месяца после старта «Паллады», он так и не открыл источника своей

9 Ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты.

10 Самая дальняя от Солнца точка орбиты планеты.

версии, смахивающей на выдумку. Впрочем, его все знали как честного и рассудительного журналиста, никогда не отступавшего от фактов. Вряд ли он взял с потолка эту историю.

И наконец, у нас есть записи самого Остина, сделанные им всего за месяц до последней экспедиции. Он признавался, что «потерял контакт с остальными людьми», и что борьба против паразитов «увеличила скорость его эволюции». В контексте этих слов можно ли ожидать более естественного поступка от Остина, чем побег с Земли, чтобы присоединиться к «космической полиции»?

Но самое главное: не слишком ли лаконично он упоминает об этой полиции? Для Остина это довольно подозрительно. По идее, за этим должны последовать долгие многостраничные рассуждения. Что касается причин его молчания — некоторую разгадку дает в своей рукописи Дагоберт Феррис, один из членов той экспедиции, написавший книгу «Навстречу психологии Золотого Века». Феррис тоже исчез на «Палладе», но он оставил запись своей беседы с профессором Райхом, состоявшейся после того, как они узнали о существовании «космической полиции». Вот некоторые фрагменты этой беседы:

«Мы рассуждали о внешнем облике этих существ. Похожи ли они на нас — есть ли у них руки и ноги? А может они похожи на диковинных животных или рыб, или даже на осьминогов? Как они поведут себя — просто отберут власть у земных правителей и восстановят мир или же примут репрессивные меры против людей типа Хэзарда и Гвамбе?»

[Сам по себе этот отрывок достаточно необычен. С какой стати он считает, что «полиция» непременно отберет власть у землян? Остин действительно обсуждал с ними такую возможность? И наконец, кто решил, что Остину и его друзьям под силу остановить кризис, вызванный Гвамбе?]

«При мысли о новом «правительстве Земли» я почувствовал себя счастливым. Ибо со времен XVIII века, когда было провозглашено, что «Бог умер», человек всегда ощущал себя одиноким в пустой Вселенной, когда бесполезно взирать на небеса в поисках чьей-то помощи. Человек — словно дитя, однажды проснувшееся и узнавшее, что отец умер и что ему предстоит стать хозяином дома. Это чувство безотцовщины, безусловно, одна из сильнейших психологических травм, выпадающая на долю человека. Или еще одна аналогия. В школьные годы наше прилежание немедленно вознаграждалось подарками в конце учебной четверти, похвалой классного руководителя, благосклонностью старших наставников. Потом ты выходишь из школы, и «над тобой» нет больше никого — ты теперь сам по себе. (Помнится, я даже пытался пойти сразу после школы в армию, лишь бы снова ощутить себя «частью коллектива».) И тут наваливается странное чувство пустоты, бессмысленности всего, что ты делаешь. Безусловно, именно это ощущение лежит в основе «морального банкротства» двадцатого века.

Теперь все это позади. На свете существуют силы более могущественные, чем человек, — силы, на которые мы можем взирать снизу вверх, чтобы брать с них пример. Жизнь снова наполнится смыслом — пустоты больше не будет... Род человеческий вернется обратно в школу. А почему и нет, если мы и без того состоим в основном из школяров?

Райх со мной не согласился:

— А ты уверен, что все это не является нашей работой?

— Нет, лучше учиться, чем учить, — ответил я.

В этот момент вмешался Остин:

— Я согласен с Райхом. Для людей нет ничего опасней веры в то, что все проблемы решат за них сверхлюди.

Мне кажется, именно по этой причине Остин отказался от помощи «космической полиции». И я уверен, что это также объясняет, почему он решил, что наступило время, когда ему самому следовало исчезнуть — исчезнуть так, чтобы человечество никогда не могло удостовериться в его смерти.

И поскольку мы наверняка больше не получим на этот счет никаких доказательств, мы должны продолжать начатое Остином, чтобы сознание не замыкалось в уютной самоуспокоенности.

Дин Уитлок

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ВОЗДУШНЫХ ЗМЕЕВ

Летнее увлечение змеями в 1991 году заставило писателя Дина Уитлока, нередко печатающегося в F&SF, внимательнее вчитаться в мифы, сложенные вокруг этих воздушных созданий человеческого стремления в небо. Несомненно, страна, где о змеях сложено больше всего сказаний, — это Китай. Читаем у поэта IX века Хань Юя:

«…Связь крепка золотых веревок
и железных жестких шнуров,
Буен пляс треножников древних,
и взлетает, клубясь, дракон…»

© Dean Whitlock. The Man Who Loved Kites.

F&SF December 1991

Перевёл Андрей Гиривенко

Это история Хуана По, поэта, который изобретал воздушных змеев, и Ли Женг, колдуньи, которая умерла, потому что эти змеи были прекрасны. В ней также рассказывается о полководце Лю Хейне, который постиг, что война и красота никогда не смогут ужиться под одной крышей.

Но начнем с начала. Хуан По не задавался целью изобрести воздушных змеев. Он стремился молиться. Но боги никогда не отвечали на его молитвы, и он принялся искать возможность обратить на себя их внимание.

Хуан был добрым человеком. Он был приземист, проворен и достаточно силен для своего телосложения, ибо воспитывался в семье крестьянина. Но однажды в городе Пи Лао, где жил Хуан, появился монах в простом желтом одеянии и проповедовал на улицах, и основал школу. Не прошло и года, как Хуан сам стал монахом. Он научился читать и писать. И проповедовать.

Он ходил по улицам и беседовал с людьми, как делал его учитель, но,

к своему стыду, Хуан обнаружил, что застенчив. Он мог проповедовать истово и часами, стоя в одиночестве в тихом уголке площади, что перед особняком градоначальника, но когда вокруг него начинали собираться люди, остановившиеся послушать, пусть хоть один только ребенок задерживался возле него, у Хуана пересыхало в горле и язык немел, становясь никчемным, как у мертвой вороны.

Так Хуан стал молчальником. Он проводил дни, собирая милостыню для школы и молча воссылая молитвы. Учитель одобрял усердие Хуана, но сердце того грызло сомнение в плодотворности собственных усилий. Да, его дружелюбная улыбка творила настоящие чудеса при сборе милостыни, но вот молитвы его оставались безответными. Учитель, по крайней мере, мог сослаться на нерадивость учеников. Проповедник — своих прихожан. Хуан же искал — и не находил причины.

— Такова уж воля богов, — сказал учитель. Однако в глубине души Хуан скрывал стыд.

Однажды, когда время сбора урожая было на исходе, и ветры дули из пасти западного дракона, Хуан вышел через тяжелые зеленые ворота Пи Лао в поля, раскинувшиеся за высокой стеной, которая окружала город. Он попытался найти утешение в знакомом с детства труде. Крестьяне почти все время смотрят вниз, их пальцы погружены глубоко в жирную коричневую землю. Крестьянин видит плоды своего труда и вспоминает слова молитвы, лишь когда в этом есть нужда. Хуан взял серп в отцовском доме и отправился на жатву.

Увы, солнце и ветер обратили его взор к небу, где жили в заоблачных пределах боги. Он поднял лицо к ним — к солнцу, ветру, облакам — и мысленно прокричал молитву.

Боги не ответили.

Но резкий порыв ветра подхватил его соломенную шляпу и вознес выше самых огромных деревьев. И Хуана осенило. Он вернулся в дом отца, отыскал кисть, немного красной краски и медленно начертал молитву на полях своей шляпы. Плетеная солома — не лучшая поверхность для письма, да и округлая форма совсем не подходит для ровных строчек молитвы, но Хуан был так увлечен своей идеей, что уверовал: боги простят столь незначительные погрешности. Он вновь выбежал в поле, дуя на краску, чтобы поскорее подсохла. Затем остановился и подождал сильного порыва ветра. И когда тот налетел, пригибая верхушки деревьев и взвихряя листья, Хуан изо всей силы бросил шляпу высоко в небо.

Она взмыла ввысь, крутясь и танцуя на ветру. И упала на землю далеко от Хуана. Какое-то мгновение тот ждал, надеясь на скорый ответ богов, но ничего не услышав, кинулся за шляпой. Ветер затеял с ним игру, и шляпу удалось поймать не сразу.

«Просто она взлетела не слишком высоко», — решил он, схватив шляпу в двух шагах от спуска к реке Тенг. Осмотрелся, подыскивая местечко повыше, откуда бы бросить шляпу, но дома и деревья, над которыми неслись тени облаков, казалось, едва возвышались над землей, ну а горы были слишком далеко. Но вот его взор остановился на высокой каменной стене, что окружала город Пи Лао.

Стены были гордостью города, высокие и надежные, воздвигнутые во времена, когда с запада грозили набеги чужеземцев, жадные князья жили на востоке, а к югу и северу от города хозяйничали шайки разбойников. Две сотни лет те стены охраняли купцов и

градоначальников, крестьян и рыбаков, священников и поэтов Пи Лао.

Собственно, пока никто не пытался проломить стены Пи Лао. Аиния горизонта — ни с севера, ни с юга, ни с востока, ни с запада — ни разу не ощетинилась чужими знаменами и кровожадно занесенными мечами. Ворота не запирались с тех пор, как были построены. Босоногие мальчишки запускали с башен голубей, а из бойниц вывешивали просушивать одеяла. Дети играли на внешнем проходе стены. Стражи сонно бродили по каменным плитам, даже не подозревая, что скоро им придется возблагодарить своих искусных в фортификации предков.

Именно оттуда, со стены, Хуан решил послать богам свою молитву, начертанную на шляпе. Он вскарабкался на самый карниз и бросил шляпу со всей силой своей веры вверх, на ветер.

Из этого опыта Хуан постиг две вещи: боги весьма невнимательны, а ему нужно найти способ возвращать назад свою шляпу.

Чего он только не испробовал: ведь шляпа то улетала далеко-далеко, теряясь в закатных тенях, то летела даже к реке Тенг, которая огибала город с двух сторон, го ее подбирал крестьянин на своем поле далеко внизу, — тогда Хуан не мог ее найти, как ни старался.

Он возвратился в свою комнатушку при школе, немного разочарованный, огорченный, но тем не менее уверенный в том, что нашел способ послать свой призыв небесам. Он не спал ночь, мастеря шляпу лучше прежней. Конечно, шляпой ее назвать было трудно. Во-первых, она была квадратная и обтянутая шелком, наилегчайшим из тех шелков, что он мог достать, шелком от подкладки красивого, но поношенного халата, доставшегося от управителя города. Это была любимая одежда учителя, который, как и все южане, любил кутаться от ветра и стужи. Хуан надеялся, что учителя не прохватит скозняком через утончившуюся по его вине полу халата.

Хуан соорудил рамку из легких бамбуковых палочек и прутиков и туго натянул шелк. Затем взял кисти и бутылочки с краской и начал писать молитву: тушь струилась по материи, потеки он превращал в завитки, завитки становились веточками, на веточках вырастали плоды, а над плодами кружились бабочки и птицы. Робкий и неуверенный в себе, Хуан не мог и представить, что так искусно владеет кистью, но когда «шляпа» была готова, душа его наполнилась гордостью и чувством прекрасного.

Он был не очень уверен в своей молитве. Она казалась несколько прямолинейной и самонадеянной, то же ощущение возникало у него и во время проповеди, когда кто-нибудь останавливался послушать. Но все же она была здесь, сохла на шелке. Он лег спать. Следующее утро станет самым важным в его жизни.

Рассвет прочил прекрасный ветреный день, и Хуан был уже на стене незадолго до того, как солнце прорвало восточную завесу. Где-то внизу крестьяне запели песнь урожая. Продавец лапши затянул хвалу своим изделиям на улицах города. Какой-то мальчик бежал по стене, а позади него на веревочке летела свистулька. Тут Хуан забросил в небо свою молитву.

Ветер подхватил «шляпу», точно листок с дерева, и яростно закружил Мгновение она висела, покачиваясь в воздушных струях, затем начала падать в тень городской стены, и надежды Хуана рухнули вместе с ней. Но на сей раз он привязал к «шляпе» тонкую веревку. Веревка натянулась, и воздушный змей — вот что это теперь было такое — воздушный змей лег

на ветер. Податливая рамка немного изогнулась. И вот он поднялся вверх, парящий, петляющий, дергающийся на конце веревки подобно безумцу, танцующему на угольях. Хуан закричал от радости.

Затем ветер улегся. Воздушный змей затих и внезапно начал валиться вправо. Хуан почувствовал, как сердце подпрыгнуло в груди от желания, чтобы подпрыгнул, встрепенулся и воздушный змей. Порыв ветра — и воздушный змей опять вышел из крена и резко взмыл вверх. Веревка едва не выскользнула из пальцев Хуана. Он сжал ее и почувствовал, как ожгло ладони. Воздушный змей закружился и нырнул, подобно своенравному дракону, уже не управляемый Хуаном. Наконец он стал снижаться с подветренной стороны стены. Веревка ослабла, и змей упал, ударившись о камни.

Хуан подобрал его. Руки дрожали от волнения. Сердце учащенно билось. Он взирал на воздушного змея с изумлением, поворачивал его к солнцу — и опять едва не упустил его. Обернулся и увидел нескольких ребятишек, уставившихся на него широко раскрытыми глазами, и среди них того мальчика с флейтой. Он широко улыбнулся, и они заулыбались в ответ.

— Я должен его немного приучить к рукам, — сказал Хуан детям и присел на выступ стены поразмыслить, качая воздушного змея в подоле халата, как в колыбели. И тут его снова осенило. Он развязал кушак. Ловкими пальцами распорол край и оторвал от подкладки длинную тонкую полоску ткани. Привязал полоску к одному краю воздушного змея.

— Это устремит тебя ввысь, — сказал он змею.

Затем вытянул руки перед собой и позволил ветру подхватить воздушного змея. На этот раз он отпускал бечеву осторожно, податливо уступая порыву, немного придерживая, когда ветер ослабевал. Ленточка от кушака развевалась и дразняще трепетала. Воздушный змей устремился в небо, поднимаясь все выше и выше к самым облакам. Дети ликовали.

Хуан безотрывно следил за змеем и всем сердцем был вместе с ним. Будто и забыл, зачем змей оказался в небесах. Он просто был рад, что змей летел.

И тут веревка кончилась. Мгновение — и она скользнула между пальцами. И вот ее увлекает вслед за змеем.

Змей тут же начал кружиться и нырять. Дети и Хуан затаили дыхание. Но веса веревки было достаточно для натяжения ткани, и змей остался на лету. Выше к богам он уже не поднялся, но и к земле не падал. Хуан просто не верил глазам: досада перешла в отчаяние, когда он понял, что прекрасный воздушный змей улетает прочь, теряясь из виду за рекой Тенг.

В тот самый день, однако рвение Хуана в вознесении молитв поуменьшилось, ибо теперь Хуан был воодушевлен собственным успехом. Тушь, что он выбирал, была ярче, птицы и веточки — грациознее, а сама молитва… Да, молитва была действительно короче и, перечитывая ее, пока сохла тушь, Хуан почувствовал, что она проще, чем обычно. «Так что же, — рассудил он, — цель — привлечь их внимание. В следующий раз я скажу больше».

Он привязал не один, а два хвоста, соорудив их из остатков кушака. Потом обшарил всю школу в поисках нужной веревки, пока не нашел большой клубок, и крепко не привязал конец к тяжелой палке.

Воздушный змей летел превосходно.

За следующие несколько недель Хуан обрел множество юных почитателей, пока постигал искусство управления змеями. Он узнал, что длина притороченной хвостовой ленточки была важнее, чем ее вес. Понял, что если немного выгнуть бамбук, можно вовсе обойтись без хвоста, хотя ему нравилось, как ленточки трепещут на ветру, поэтому он делал змеев по-прежнему с хвостами. А если привязать к хвосту воздушную флейту, то она будет издавать прекрасный, таинственный звук.

Он также понял, что городская стена — не самое идеальное место для запуска змея. Преодолевая стену, ветер вихрился и пытался столкнуть воздушный змей вниз, чтобы разбить о камни.

И еще Хуан узнал, что очень немногие оценили его усилия как религиозное рвение. Стражникам порядком мешала его беготня в поисках подходящего ветра. Учитель полагал, что он теряет серьезность, присущую проповеднику. А многие люди просто боялись воздушного змея, принимая его за демона, а самого Хуана — за колдуна. Неважно, что змей так ярко раскрашен, неважно, что он так чудесно парил, — всегда находились те, кто сотворял охранительное знамение и спешил скрыться в домах, едва завидев воздушное создание. Дети тоже перестали приходить, их из страха не пускали родители.

Поэтому Хуан решил запускать змеев за городом, подальше от заслоняющих ветер стен и от кривотолков. И именно поэтому он оказался совсем один, и не мог видеть, как большие зеленые городские ворота вдруг поспешно закрыли — первый раз за две сотни лет.

Полководец Лю Хсин считал себя практичным человеком. «Какое время более всего подходит для войны, — размышлял он, — как не время сбора урожая? Это очень практично». На время всего похода будет достаточно провизии. Каждый склонившийся перед натиском его армии город предоставлял провизии столько, что хватало добраться до другого города. Итак, он двинулся сразу на восток и на юг, уничтожая тех немногих, кто вставал у него на пути, обезглавливая недавних правителей государств и выбирая, каким титулом именоваться: «Полководец», «Завоеватель» или «Император».

«А почему бы не всеми тремя сразу? — холодно размышлял он. — Для моей армии я Полководец, для моих врагов я Завоеватель, а когда я завоюю все города до самого моря, мои подданные смогут именовать меня Императором».

Так он размышлял, когда его армия показалась к западу от Пи Лао и двинулась к его стенам. Лю Хсин уже пригнулся к седлу, готовый к нескольким дням праведного грабежа перед походом на следующий город. Но тяжелые зеленые ворота закрылись перед самым его носом, после чего он оказался в совершенно непрактичной ситуации — требовалась многодневная осада, и это перед наступлением зимы.

Он разослал свои войска по полям вокруг города и вдоль реки Тент, дабы захватить в плен любого, кто еще оставался по эту сторону стены. Затем он приказал плененным крестьянам собрать оставшийся урожай и зарезать всех поросят и коз, на 3 — 2839 6 6 свою беду не успевших укрыться за городскими воротами при виде наступающей армии. Он раскинул лагерь у главных ворот — на расстоянии, недосягаемом для пращей и стрел, и выставил посты на всех дорогах, ведущих в Пи Лао.

Затем послал к воротам глашатая, который нес в руке голову какого-

то бедного крестьянина в качестве символа серьезности намерений Лю Хейна. Ворота оставались запертыми. Тогда Лю Хсин послал на штурм солдат, вооруженных щитами и тяжелым тараном. Град камней и кипящее масло заставили их отступить. После этого выставил отряд лучников, чтобы те горящими стрелами подожгли крыши города. Стрелы эти ударились о высокую стену, а защитники своими стрелами заставили лучников противника отойти. Сидя на коне, Лю Хсин задумался, глядя на стены.

Тем временем Хуан По провел чудный день, запуская воздушного змея. Часами он играл с ветром, пуская змея во всевозможные петли и нырки, поднимая его ввысь подергиванием веревки. Боги, размышлял он, гораздо быстрее заметят движущийся предмет, чем неподвижный. К остову он также добавил костяную трещотку и пару воздушных флейт-свистулек (так предложил один из детей), чтобы летящий предмет легче было заметить по звуку. Воздушный змей ревел, как томящийся от любви молодой бычок, и пощелкивал, как медведица зубами.

На этот раз он позабавился, раскрашивая нового змея (для которого его учитель принес жертву в виде остатков подкладки халата). Памятуя о своих критиках, он нарисовал лицо ужасного демона с длинными желтыми клыками, кроваво-красными глазами и спутанными волосами, которые переплетались со знаками его молитвы. А его молитва… Да, молитва оставалась такой же, как прежде.

Хуан специально отошел на несколько миль от города, чтобы между ним и городскими стенами была рощица и никто не смог увидеть его летающего демона. Он прекрасно осознавал, как будет воспринята его шутка с демоном. Но, пытаясь привлечь внимание богов, он так увлекся, что и не заметил топота наступающей армии, блеяния рожков и скрежета битвы. Не заметил он и небольшого отряда воинов, которые, обнаружив его, теперь со страхом наблюдали, как он заставляет демона танцевать в небе, не спуская с привязи.

И о подосланном воине, который на цыпочках крался к нему с черным мешком в побелевших от напряжения пальцах, не ведал Хуан. Он думал лишь о прекрасном воздушном змее — до самого того мгновения, пока мешок не окутал ему голову. Веревка выскользнула из пальцев, а воины испуганно завопили, когда змей, сделав петлю, нырнул вниз, посвистывая и клокоча, как живое существо. Воин крепко-накрепко затянул мешок на пленнике, изо всей мочи выкрикивая слова молитвы своим богам, успокаивая себя тем, что командир отряда прав и колдун не может проклясть то, чего не видит.

Потом порыв ветра поднял змея-демона вверх и понес через реку Тенг. Только после этого воины набрались смелости оглушить Хуана ударом по голове и связать бесчувственное тело. Они незамедлительно отнесли его к Полководцу Лю Хсину.

Полководец по-прежнему неотрывно смотрел на стену, стараясь придумать, как преодолеть ее, не потеряв при этом большую часть своей армии. Когда он услышал, что его люди поймали колдуна, то возблагодарил богов за найденное решение и поспешил в лагерь, уже предвкушая как колдун разнесет в щепы крепкие зеленые ворота. Но, увидев тщедушное бесчувственное тело Хуана По и услышав историю о демоне, он пришел в ярость.

— Вы позволили демону улизнуть! — прорычал он и приказал, чтобы с командира отряда содрали кожу.

Хуан все это слышал — сквозь черный мешок и сквозь звон в ушах. Его мутило, голова раскалывалась, накатывал страх. Он также немного злился из-за потери воздушного змея, летавшего лучше прежних.

Внезапно чьи-то руки схватили и поставили его на ноги. Мешок грубо сорвали с головы, и он предстал перед ними, жмурясь в свете заходящего солнца, моргая, озираясь вокруг, — такой добродушный молодой человек, в ком колдовства не больше, чем в голубке.

Наблюдая за ним, Лю Хсин уже собирался было отмести прочь всю эту историю, но землистые лица воинов, держащих руки Хуана, остановили его. Они определенно что-то видели, а всем ведомо, как колдуны могут менять обличье. Кто знает, сколь стар и уродлив мог быть этот, которого приволокли ему?

— Ну, колдун, — сказал он, — мои люди говорят, что ты заставлял демона танцевать и прыгать в небе на веревочке. Это правда?

Хуан, который был поражен сверхъестественным сходством между лицом полководца и изображением демона на воздушном змее, и не думал лгать. К тому же он действительно гордился своим изобретением.

— Твои люди ошиблись, — ответил он. — Я запускал шляпу.

Полководец с гневом глянул на воинов, которые испуганно запротестовали.

— Тихо! — приказал он, и те замерли.

— Летающая шляпа? — обратился он к Хуану. — И ты ожидаешь, что я тебе поверю?

— Согласен, видимо, стоило бы подумать о более подходящем названии, — ответил Хуан. — Но, видите ли, все началось как раз со шляпы. Я пытался молиться, и ветер сдул у меня шляпу. Но она поднялась невысоко, поэтому я сделал другую, которая смогла бы взлететь повыше, чтобы ее разглядели боги и... — Тут Хуан смолк в замешательстве: во рту пересохло, язык онемел под взглядами толпы воинов и побагровевшего полководца.

— Этот человек не в себе, — шептали адъютанты.

Полководец Лю Хсин в глубине души был согласен, но он думал о летающих шляпах и неприступных стенах.

— Скажи мне, колдун, как высоко может взлететь твоя «шляпа»?

— О, очень высоко, — ответил Хуан, зажигаясь интересом.

— До верха этой стены? — спросил полководец, указывая в сторону непримиримого лика Пи Лао.

— Даже еще выше, — гордо сказал Хуан. — Насколько хватит веревки.

— Можно на ней поднять какой-нибудь груз? — осведомился полководец.

Хуан задумался.

— Она может поднять очень маленький груз, я полагаю. Однако я уверен, шляпа может нести и больше, если будет достаточно большой, а ветер — сильным.

Лю Хсин усмехнулся.

— Что тебе понадобится, чтобы соорудить такую, что сможет поднять горшочек с углями? — спросил он.

— Несколько бамбуковых тросточек и отрез шелка. Немного тонкой веревки и еще клей. А также краски и кисти.

— Краски и кисти?

— Для молитвы.

— Ну, конечно, — ласково ответил Лю Хсин, будто обращаясь к ребенку. — Для молитвы.

Хуану отвели для отдыха отдельную палатку, и на следующий день генерал прислал кипу шелка, добытого в одном из завоеванных городов, и связку бамбуковых палочек. Его люди принесли мотки веревки и бечевки разной толщины и сварили клей.

— И еще нужны краски, — напомнил им Хуан.

Полководец нахмурился, и они поспешили повиноваться.

Но Хуан уже не был ни тем безумцем, ни тем простаком, каким казался. Он прекрасно разглядел головы на пиках, что частоколом окружали палатку полководца. Он слышал, как стонал бедный командир отряда, истекавший кровью на краю лагеря. Он понимал, для чего Лю Хсину понадобился горшочек с углями — или скорее всего много таких горшков — и знал, чего жителям Пи Лао ждать в награду, когда загорятся их дома и они будут вынуждены открыть ворота враждебной армии. Поэтому Хуан подумывал — не пора ли отправиться к полководцу, чтобы Напрочь отказаться мастерить воздушного змея. Он не боялся умереть.

Но у него не было и желания умирать раньше положенного судьбой срока. Конечно, мысль поговорить с богами лицом к лицу была заманчива, если только так и можно попасть со своими просьбами в их поле зрения. И Хуан не мог устоять перед искушением попробовать обратиться к богам, пока еще пребывал в земном круге бытия. Наконец, ему страсть как хотелось успеть запустить хотя бы одного воздушного змея, прежде чем умереть.

Вот почему он соорудил все-таки воздушного змея для Полководца Лю Хсина. Больше всех его прежних, этот змей мог поднять горшочек. Хуан также понимал, что горшочек должен висеть не на самом змее, а на тесемке, привязанной к хвосту, чтобы не влиять на подъемную силу змея и не поджечь его. Немного поразмыслив, как опорожнить горшочек, Хуан смекнул, что достаточно будет резко направить воздушного змея вниз, чтобы тот разбился о городские крыши. Решение всех этих задач очень увлекло Хуана.

Но он также замыслил свой побег. На широком шелковом крыле он нарисовал город Пи Лао, каким тот виделся бы змею — или богу. На этом рисунке туман поднимался от излучины реки Тент, смягчая контуры стен, обволакивая поля и деревья. На деревьях он изобразил чудные плоды и ярких птиц среди листвы, тронутой красками осени. И в этой листве, где лишь очень зоркий глаз мог выхватить их, хоронились слова молитвы — его простой призыв помочь людям города Пи Лао и — если боги сочтут возможным, — спасти простого монаха по имени Хуан По.

На мгновение он задумался. Разве боги уже не ответили ему, вручив материалы для изготовления самого прекрасного и умного воздушного змея из всех, которых ему довелось смастерить? Но тут он вспомнил отрубленные головы и командира отряда, с которого живьем содрали кожу, и понял, что вряд ли боги стали столь изощряться, передавая свой ответ.

Итак, он взял три больших клубка веревки и связал их концы вместе. Осторожно размотал средний клубок до половины и растрепал веревку, чтобы она порвалась при малейшем рывке, потом смотал клубок снова. После чего объявил Полководцу, что воздушный змей готов для испытания.

Довольно большая группа воинов, возглавляемая Полководцем Лю

Хсином, сопровождала Хуана на прежнее поле за рощицей. Воины — те самые, что схватили его, — не горели желанием выполнить приказ. Когда они достигли края поля, Хуан опустился на колени перед своим змеем и пронзительно завел не то молитву, не то заклинание. Его эскорт отступил на шаг.

Хуан поднялся и поклонился змею, истово благодаря его.

— Что все это значит? — потребовал объяснений Полководец.

— Я молюсь, дабы укрепить дух воздушного змея, чтобы у него достало сил вознести такую тяжелую поклажу, — произнес Хуан, — и чтобы у меня хватило умения управлять им. Тут очень многое зависит от того, как повернется удача, понимаете?

Все отступили еще на шаг.

Так Хуан вышел на середину поля, чтобы подготовить змея, один, весь отряд остался у кромки деревьев. Даже Полководец соблюдал дистанцию.

Хуан что-то весело мурлыкал под нос, привязывая веревку к горшочку с углями. Его вес не превышал фунта, и ветер был свежий. У Хуана не было сомнений, что змей поднимет горшочек. Он обернулся и помахал руками толпившимся воинам завоевателя. Они отодвинулись еще дальше, некоторые совсем укрылись под деревьями.

Затем Хуан поднял змея и позволил ветру подхватить его. Змей нетерпеливо дергался на веревке, но Хуан спускал его медленно, позволяя кружиться и заигрывать с ветром. Он делал вид, что спорит с ним, на ходу выдумывая оскорбления.

— Карабкайся, ты, западный язычник, — приказывал ему Хуан. — Карабкайся, дьявол! — Он ослабил веревку, и змей затрясся, словно взбешенный.

Когда он поднялся футов на пятнадцать, Хуан привязал веревку от горшка к основной, и тут же змей отыгрался. Вес настолько изменил угол наклона веревки, что змей ринулся вниз прямо на Хуана. Тому пришлось кинуться со всех ног через поле, принимая веревку и в то же время жонглируя горячим горшочком. Его зрители затаили дыхание, а ему самому стало смешно до слез. Хуан пожалел, что не воспользовался временем, чтобы привязать к змею свистульки и погремушки.

Он повернулся лицом к своему демону, клича его дьяволом и змеиной наживкой. Схватил змея и начал громко ругать его, исподволь прилаживая перемычку. Затем он приказал змею вновь подняться в воздух. С горшочком еще пришлось повозиться, чтобы он не опрокинулся до времени, но на сей раз груз висел ровно и воздушный змей взмыл вверх. Хуан играл с веревкой, заставляя змея бешено плясать и извиваться.

Полководец Лю Хсин медленно подошел к нему сзади, не спуская глаз с воздушного змея. Теперь было ясно, что Хуан одновременно и сумасшедший и колдун. Но змей был высоко и, кажется, покорялся его воле. Важно и то, что змей нес горшок с углями.

— Насколько высоко он может подняться? — спросил он Хуана.

— Не так высоко, как ему хотелось бы, — ответил Хуан, незаметно дергая за веревку, чтобы змей скакнул вверх. — Не бесись! — крикнул он. — Успокойся, а то я посажу тебя в горшок с углями. — Он ослабил веревку, и змей повиновался. — Однажды попробовав высоту, — заметил он Лю Хейну, — они уже не хотят спускаться.

— Он поднялся достаточно высоко, чтобы осуществить наши цели, —

заметил Полководец с довольным видом.

— Я немного подольше повожу его, — сказал Хуан, — просто для верности. Он выпустил бечевку еще, и змей совсем превратился в лоскуток, едва видный в небесной голубизне. — Видите, как он устремился ввысь, — пробормотал Хуан с грустью.

Он еще немного выпустил бечевку и почувствовал как меж пальцев скользнула растрепанная накануне часть веревки.

— Не пора ли вернуть его назад? — спросил Полководец.

— У меня достаточно бечевки, — продолжал Хуан, указывая носком ноги на третий клубок, лежащий на земле.

— Мне хватит, — сказал Полководец. — Спусти его ниже.

— Как угодно, мой господин, — покорно ответил Хуан. Он потянул на себя бечевку. Змей не уступал, задираясь все выше. Он дернул жестче. Змей завилял, веревка все не рвалась. Хуан забеспокоился.

Он начал накручивать веревку, все время подергивая, будто подсекая рыбу. Он всерьез начал бормотать проклятия чертовой штуковине. Лю Хсин отступил на шаг. Воины недоуменно переводили взгляд с Хуана на трясущегося, напрягающего бечевку змея и нервно переминались. Хуан почувствовал, как перетертая часть вновь прошла через пальцы, его сердце сжалось. Но как раз в этот момент бечевка в вышине щелкнула и оборвалась, Хуан с трудом удержался на ногах. Змей накренился. Горшочек судорожно качнулся под ним. Следующий порыв ветра унес змея с горшочком за реку Тенг.

Хуан облегченно вскрикнул, но затем, вспомнив о своей аудитории, разразился проклятиями.

Полководец обернулся к нему в гневе.

— Ты позволил ему подняться слишком высоко! — задыхался он. — Змей сбежал от нас!

Хуан низко поклонился.

— Мои извинения, господин Полководец! — ответил он. — Мне следовало не уступать ему с самого начала.

Полководец смягчился, успокоенный поведением Хуана и вспоминая, что он имеет дело с колдуном, к тому же полоумным.

— Ну что ж, — молвил он, направляясь к своей свите. — Ты доказал, что его можно создать; что и требовалось. Теперь же сделай тридцать таких. Нет, пятьдесят, да обучи моих людей, как ими управлять.

— Я буду счастлив сделать столько, сколько пожелаете — ответил Хуан, когда они подошли к лесу и сопровождавшим их людям. — Ия обучу любого, кто пожелает научиться.

Воины вдруг потупились, старательно выискивая что-то под ногами.

— Не беспокойся насчет желающих научиться, — сказал Полководец. — Я им прикажу.

Воины затаили дыхание, состроив глуповатые физиономии.

— О, тогда я ни за что не ручаюсь, господин мой, — сказал Хуан. — Следует всецело отдаться этому искусству без насилия, иначе…

— Иначе? — спросил Полководец.

— Я не решусь всего описать. Вы видите, какими своенравными могут быть эти создания. Но, — продолжал говорить Хуан, — я могу всех запустить сам по очереди и затем заставить нырнуть одновременно. Вернее почти одновременно, но это не меняет дела.

— Хорошо, — согласился Лю Хсин, и воины облегченно вздохнули. — Сколько времени тебе понадобится?

Хуан размышлял.

— Неделю, — наконец, сказал он, — может, две.

— Это слишком долго, — заметил ему Полководец.

Хуан пожал плечами.

— Их так много, — сказал он, — мне понадобится укрепить свой дух. Я не хочу, чтобы они вырывались из рук.

— Даю неделю, — отрезал Полководец и вскочил в седло, чтобы ехать назад в лагерь.

Хуан вновь глянул на небо, на ту точку, где исчез змей. «Уж этого-то, — думал он, — боги должны были заметить».

Но они не видели. Или не подавали вида.

Воздушный змей тем временем летел на восток, покоряясь ветру, который в том же направлении унес двух других змеев, пока местность не начала повышаться. Когда бечевка зацепилась за вершину высокой сосны, змей дернулся вниз. Горшочек ударился о скалу и разбился, а угли погасли, не произведя никакого вреда. Напротив, потерявший вес, змей опять рванулся вверх и завис над сосной. Он трепетал и качался на ветру, пока не опустилась ночь и не возник из звезд лунный серп.

Там, незадолго до рассвета, и нашла змея Ли Женг.

Она пролетала в образе гигантской совы, наслаждаясь лунным светом и игрой ветерка. Понимаете, Ли Женг была настоящей колдуньей, оборотнем. Легкая и гибкая, как молодой бамбук, отчего ее и назвали Женг, она из всех подвластных ей форм и красок чаще других выбирала облик птицы. То она оборачивалась журавлем и летала вдоль рек, выглядывая с высоты рыбу. То — соколом, паривши высоко-высоко в воздушных струях, где зарождалась гроза. Ночью она становилась совой, бесшумно скользящей среди деревьев.

Как ей хотелось иногда присоединиться к птичьей стае и на равных вступить в их игры, которым они предавались в конце весны и на исходе лета. Но, хотя многие люди не понимают этого, оборотень не может менять свой вес. Миниатюрная Ли Женг все же казалась среди птиц великаном. Когда она становилась журавлем или ястребом, она была поистине гигантским журавлем и ястребом, ведь только при таких размерах, она могла нести по воздуху вес своего тела. Когда Ли Женг была помладше, она однажды попыталась присоединиться к стае гусей. Они в ужасе загоготали и понеслись прочь.

Такая гигантская сова и заслонила собой воздушного змея, зацепившегося за сосну. Змея она заметила сразу, потому что уже нашла до этого двух других и повесила их к потолку в своем скромном домике. Первый из них она обнаружила совсем рядом с домом, он дальше всех унесся на восток. А несколько недель спустя нашла второй, привлеченная печальными всхлипами ветра в его бамбуковых флейтах. Лицо на трепещущем шелке было ужасным и прекрасным одновременно, и это разожгло ее любопытство.

Так вот, этой ночью она летела на запад, прослеживая путь *двух,* первых змеев, и обнаружила третий, вспорхнувший с соснового дерева.

Он был великолепен. И сообщил ей имя своего создателя: имя было в молитве, искусно вплетенной в прутики каркаса. Она взяла домой третьего змея и повесила рядом с другими. Ли Женг жила уединенно, так как все знали, что она колдунья, и не находилось охотника делить с колдуньей свою жизнь. Никто не верил, что оборотень не в силах наслать порчу.

Теперь от воздушных змеев стало как бы светлее на душе. Даже демон, казалось, скрашивал ее одиночество. Она поняла, что ей обязательно надо встретить этого человека, Хуана По, и попытаться спасти его. Она изучала иероглифы, поражаясь их красоте, всматривалась в пейзаж, изображенный с высоты птичьего полета, стараясь запомнить детали. В следующую ночь она вновь полетела на запад.

Хуан По, не разгибаясь, мастерил змея, когда в палатку, крадучись, вошел стражник.

— Простите, Великий Волшебник, — сказал человек, — но пришла ваша бабушка.

— Моя бабушка? — повторил с удивлением Хуан. Обе его бабушки давным-давно умерли.

— Да, Волшебник, — ответил страж. — Она сказала, что вы послали гонца за ней.

Сердце Хуана учащенно забилось. *Наконец-то! Боги ответили на его молитвы!*

— Конечно же я звал ее, — сказал он стражу. — Как иначе мне обуздать всех этих демонов для вашего генерала? Скорее проведите ее сюда.

Страж выскочил и быстро вернулся обратно, приглашая пройти худенькую старушку, укутанную в темную шаль.

— Привет, внучок, — сказала старуха.

Сердце Хуана упало. И это послание от богов? Эта хрупкая старуха?

— Я видела в небе твое летающее послание, — сказала она, подходя ближе. — Ты мне рад?

— Разумеется, бабушка, — еле выговорил Хуан, — просто я не ждал так скоро.

— Я прилетела на крыльях совы, — молвила она. Затем она обернулась к стражу, глаза которого округлились.

— Благодарю тебя, мой мальчик.

Он что-то пробормотал, поклонился и попятился из палатки прочь.

Хуан упал на колени.

— Богиня, — проговорил он, — благодарю, что ответила на мою молитву.

— Богиня! — повторила она со смешком. — Разве я похожа на богиню?

— Почем мне знать, в каких образах может являться божество?

— Ну, поднимись, — сказала ему Ли Женг. — Я не больше богиня, чем ты бог, а уж как художник ты меня точно превосходишь. Покажи. Покажи мне скорее те прекрасные летающие картины, которые ты создаешь. И не забывай назвать меня «бабушкой».

Она прошла, чтобы посмотреть на трех уже законченных воздушных змеев и на четвертый, недавно раскрашенный.

Хуан поднялся и стряхнул пыль с колен, но не успел вымолвить и слова, как в палатку горделиво вошел Полководец Лю Хсин.

— Кто эта женщина? — грозно спросил он.

— Моя бабушка, — ответил Хуан. — Бабушка, это Полководец Лю Хсин, который чудесным образом придумал сбрасывать горящие угли на город с помощью моих парящих демонов.

Полководец подозрительно уставился на старуху, но вынужден был признать некоторое родственное сходство.

— Это еще одна колдунья? — требовательно спросил он.

— Она столь же искусна, как и я, — ответил Хуан. — Она пришла помочь мне, так как ваши люди не могут управлять за полетом демонов.

Полководец пристально поглядел на Ли Женг. Две гадюки из одного выводка. И правда, чем дольше он смотрел, тем большим находил сходство. Он вдруг почувствовал, как по спине поползли мурашки.

— Хорошо, — молвил он, широко улыбаясь. — Ты разделишь награду, которую я уготовил для твоего внука.

Все мы немножко оборотни. Понимая это, Ли Женг видела, что Полководец лжет. Но она ответила деланной улыбкой, которая обнажила десны с кое-где выпавшими зубами.

— Как приятно служить такому славному завоевателю, — произнесла она старческим надтреснутым голосом. — А теперь, если позволите, мы примемся за работу.

Генералу не понравилось, что его вроде бы выставляют за дверь. Но и общество колдунов ему претило. Он оставил их.

Ли Женг повернулась к воздушным змеям и попросила:

— Расскажи мне о них.

Хуан охотно и с гордостью исполнил просьбу. На двух первых он изобразил лица демонов, полагая, что это соответствует их целям. Но на третьем были сцены поспокойнее. Деревья, птицы, вечерний туман были более ему по сердцу.

— Каким чудом они летают? — спросила она.

— Все чудо в ветре, — ответил он и начал разъяснять, как управлять бечевкой, как обуздать змея, как устроена рамка, где приторочен хвост. Но скоро он уже говорил о том, как заманчиво их мастерить и какое наслаждение их разрисовывать. О том, как красиво они выглядят, когда парят на ветру, и что он чувствует, когда ощущает живое трепетание бечевки.

Ли Женг перевела взгляд с воздушных змеев на его лицо; оно также было прекрасно. Он, столь упорно искавший богов, обрел духовность в самом себе.

— Какой стыд, что эти никогда не будут летать, — сказал он наконец.

— Почему нет? — был вопрос.

— Потому что я уничтожу их, лишь только нам удастся бежать, — отвечал Хуан. — Я бы все равно разрушил их и покончил бы с собой, если бы не ты, ниспосланная мне богами.

— Завоеватель убил бы тебя так или иначе, — внушала она.

— Тогда мне вдвойне мил побег, — сказал Хуан. — Скажи, что ты задумала?

— Пока ничего.

— Но как же, — настаивал Хуан. — Ведь боги решили…

— Я не богиня, — заметила она твердо. — И не посланница богов.

— Тогда почему ты здесь? — вопрошал смущенный Хуан.

— Меня пленила красота твоих созданий, — призналась она.

— Но здесь тебя подстерегает опасность.

— Красота того стоит.

Хуан на мгновение задумался. Он решил, что она, должно быть, уже немощна.

— Кто ты? — наконец спросил он, — и как ты здесь очутилась?

— Меня зовут Ли Женг, и я прилетела по воздуху.

— Прилетела?

— На крыльях совы.

— Тогда ты, должно быть, богиня, — настаивал он. — Или ты…

— Колдунья? — договорила она. — Да, я колдунья.

Первый проблеск страха сменился в душе Хуана восторженностью.

— Тогда спастись будет нетрудно. Ты можешь всех усыпить или сделать безвольными. Не так ли?

Ли Женг покачала головой.

— Мне не подвластны такие чары. Я могу только изменять свой облик.

— И все?! Я хочу сказать, это замечательно, но… и это все?

Она кивнула.

— Да, это все.

— Тогда обернись драконом и распугай их.

Она рассмеялась.

— Хуан, я прилетела сюда в виде совы, но сова по весу такая же, как и я. Это была громадная сова. Если я обернусь драконом, я не увеличу свой вес. Боюсь, что это будет жалкий дракончик.

Хуан размышлял над сказанным. Его представления о колдовстве рушились.

— Может ли твоя огромная сова унести меня отсюда ночью?

Опять она покачала головой и печально сказала:

— Сова такой величины может убить и унести небольшого оленя, — продолжала она, — но человек твоего роста слишком тяжел для меня. Разве мог бы змей нести тебя? Нет, он должен быть огромной величины.

— Да, — сказал он, — понимаю.

И он тяжело опустился на циновку.

Ли Женг вложила в его руку кисточку.

— Закончи эту прекрасную роспись. Я нарежу шелк для следующего «демона». — Она усмехнулась при этом слове. — Мы подумаем, как провести этих глупцов.

Хуан принялся рисовать. Любимое дело и присутствие Ли Женг очень помогали ему. Вскоре он стал что-то напевать, она вторила ему мелодичным юным голосом. Он увидел, как ее проворные руки нарезают шелк. Члены ее были стройными, а стан гибким. И лишь лицо оставалось старым. Он почувствовал, как холодок пробежал по спине; она обернулась, посмотрела на него и подмигнула. Он не мог сдержаться, чтобы не улыбнуться в ответ, и принялся рисовать старуху где-то в глубине композиции.

И вдруг задумался, как же она выглядит на самом деле.

Он закончил раскрашивать шелк и принялся мастерить другого змея, показывая Ли Женг, как скреплять бамбуковые палочки. Когда покончили еще с двумя, решили перекусить, и она спросила:

— Не могли бы мы построить один большой, чтобы перенести тебя через реку и спасти?

— Полководец Лю Хсин часто наведывается посмотреть, сколько уже сделано, — сказал Хуан. — Он сразу заметит.

Будто в подтверждение его слов тут же вошел Полководец. Хуан заметил, как Ли Женг мгновенно изменила свое тело. Это опять была старая бабушка — с головы до пят.

— Добрый день, Великий Полководец, — бодро приветствовала она. — Пришли посмотреть, как продвигается работа? — Она подковыляла к Лю Хсину, взяла его за руку и потянула к воздушным змеям. Его

прислужники были потрясены. Полководец ощерился и отдернул *руку.*

Ли Женг не обратила на это внимания.

— Видите? Мы закончили уже два, стоило мне появиться. Разумеется, — добавила она, криво усмехаясь, — мы их пока еще не заколдовали. Да и нельзя это сделать, пока они не на поводке. Мы ведь не хотим, чтобы они рыскали по всему лагерю, не правда ли? — Она плотоядно улыбнулась, в глазах мелькнул голодный огонек.

Зубы, кажется, стали чуть длиннее и заострились. Даже Хуану сделалось не по себе.

Слуги Лю Хснна дрожали мелкой дрожью, но сам он не желал показать вида, что испуган.

— Долго вы еще будете возиться? — потребовал он ответа.

Хуан было раскрыл рот, но Ли Женг снова подковыляла к Полководцу, тряся головой и бормоча: «Молодость, молодость, молодость… Вечно торопятся». Она опять взяла его руку и по-матерински похлопала, не переставая бормотать. Затем закрыла глаза и начала покачиваться, а ее бормотание переросло в странное чередование слогов, которые Хуан никогда раньше не слышал.

На этот раз Полководец чуть не сбил Ли Женг с ног, отдергивая руку.

— Прекрати! — визгливо приказал он. Затем, уже более спокойно, он спросил: — Ты хоть соображаешь, что творишь?

— Всего лишь пытаюсь внушить вам чуточку терпения, — невозмутимо ответила Ли Женг.

— Побереги свой шаманский пыл для демонов, старая карга, — проворчал Полководец, затем повернулся и пристально посмотрел на Хуана. — Ты сказал, что потребуется неделя.

— Или две, — напомнил Хуан. Присутствие Ли Женг приободрило его. — Дело-то новое.

Лю Хсин смотрел на них в бессильной ярости.

— Две недели! — отрезал он. — И все!

И вихрем вылетел из палатки.

За истекший час Полководец приказал еще раз атаковать тараном городские ворота. Защитники отразили атаку, бросая булыжники и горящие циновки, а Полководец утешил себя тем, что содрал кожу с нескольких пленных.

Хуан и Ли Женг продолжали мастерить воздушных змеев. Она делала рамку и натягивала шелк, он разрисовывал. Они вынашивали идею бегства, но ни один план не сулил определенности. Полководец приходил уже реже, но на Ли Женг не мог смотреть без раздражения, стоило им встретиться глазами. Он недовольно фыркал на медлительность их работы, но неуклонно растущие ряды воздушных змеев свидетельствовали, что завершение трудов уже близко.

Однажды Ли Женг задержалась взглядом на Хуане, который рисовал прекрасного журавля, стоящего в водоеме близ водопада.

— На этих змеях не написано ни одной молитвы, — проговорила она. — Только на первых трех.

Хуан кивнул и продолжал рисовать.

— Ты не надеешься больше, что боги тебя услышат? — спросила она.

— Эти никогда не взлетят, — угрюмо заметил он, склонившись над своей работой.

— Да, конечно, — спокойно заметила Ли Женг и продолжила сгибать

бамбуковые палочки.

Хуан помедлил и пристальнее посмотрел на змея перед собой. Тот казался незавершенным без слов молитвы. Как и все прочие. Но его простые и неуклюжие молитвы пропали втуне. То ли боги не заметили их там в отороченных золотом облаках, то ли просто не захотели заметить. Если все же Ли Женг не была ему ответом.

«Да, — осознал он, — Ли Женг — это мой ответ».

Но если это боги послали ее, они были жестоки, ибо она пришла на свою погибель. Тогда уж лучше считать, что она появилась здесь по своей воле. И в этом случае была по-прежнему обречена, но тем большее уважение вызывала ее храбрость. Час от часу он все сильнее ценил ее общество.

Он наблюдал, как она работает: старое лицо и молодое тело. И его опять заинтересовало, как она выглядит в действительности. Она часто говорила о радости полета, чем-то схожей с тем чувством, которое он испытывает, запуская змеев в небо. Он воображал ее полуженщиной, полуптицей. Под его рукой образ журавля менялся и трансформировался, согласуясь с его представлениями. И когда он окончил, то начертал над рисунком иероглифы:

Ее храброе сердце возносит мою душу
На крыльях дружбы
К солнцу
В заоблачные дали.

Так Хуан стал поэтом. И, перечитав написанное, он скрыл слова за каплями дождя, каплями, падающими из сгустившегося тумана, и бриллиантами, сверкающими на воде вокруг стоящего журавля. Затем он поставил этого змея в ряд с другими, уже заполнившими палатку. Ли Женг пришла посмотреть, и если она заметила поэму, то ничем это не выдала. Но на мгновение ее глаза сверкнули слезами.

В ту ночь Хуан всю ночь не сомкнул глаз, прислушиваясь к игре ветра в листве. Еще день — и они завершат змеев. Самое большое — два дня. А плана спасения так и не было. Видимо, настало время решить, каким образом лучше уничтожить всех воздушных змеев и покончить с собой.

Он поднялся с тюфяка, зажег лампу и при свете мигающего фитилька бросил взгляд на множество змеев, думая о смерти. Ли Женг вздохнула во сне за его спиной. Из скромности они сделали ширму из шелка между двумя тюфяками. Обойдя ширму, Хуан подошел посмотреть на Ли Женг. Просто хотелось побыть подле этой странной подруги, которая пришла, дабы разделить с ним горечь последних дней. Но когда он взглянул на нее, то не встретил изборожденного морщинами лица, столь знакомого ему. На тюфяке спала молодая женщина.

На мгновение Хуан подивился, куда же могла деться Ли Женг и как эта женщина пробралась сюда. Но тут понял. Это и была Ли Женг. И лицо было ее настоящим лицом. Он нагнулся ближе, всматриваясь.

Это было простое открытое лицо, просто молодая версия лица «бабушки» без наведенных черт магического сходства с его собственным лицом, ничего примечательного. Ничего, что выдавало бы в ней колдунью. Просто милое лицо с чарующими чертами, на которое хотелось смотреть, не отрываясь.

Он стал на колени и нежно тронул ее за плечо. Ее глаза открылись,

теперь он вновь видел перед собой старуху.

— Тебе нужно бежать, — проговорил он.

Ли Женг нахмурилась и приподнялась, сбросив одеяло и теплое платье.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она.

— Пора бежать, — повторил он. — Этой же ночью, до того, как мы закончим работу. Превратись в летучую мышь или в сову и улетай отсюда.

— Но как спасти тебя?

— Это невозможно. Но ты- можешь пролететь высоко над воинами. Ночь почти безлунная, и они не смогут подстрелить тебя.

— Есть еще время: день или два, — сказала она.

— Не станем искушать судьбу. Бежать надо теперь же.

Она взяла его за руку.

— Ты так боишься за меня? — спросила она.

Он отвел взгляд: так обычно поступают люди, когда чувствуют, что в их глазах можно прочитать слишком много.

— Да, — признался он.

— Я не оставлю тебя.

Он повернулся, чтобы переубедить, но увидел незнакомку. Ли Женг превратилась в молодую женщину, прелестницу из садов Императора, с крутыми дугами бровей, с кожей, бледней, чем мука, и крошечным розовым ротиком. Еще миг — и она поцелует его.

Хуан быстро поднялся. Он встал посреди палатки, стараясь глядеть лишь на ряды змеев перед собой.

Через минуту она также поднялась и пошла за ним. Он не обернулся.

— Прости, мое перевоплощение тебя испугало?

— Нет, — ответил он. — Ты меня больше… не пугаешь.

— Я тебе противна?

— Отнюдь. Я не думаю, что ты не привлекательна. — Он обернулся и заговорил, глядя ей в глаза. — Когда ты спала, ты была прекрасна. А теперь — слишком прекрасна.

Она смутилась.

— Но это лицо… — начала она, оправдываясь. Потом опустила голову. Когда же подняла, он увидел лицо, которое любил.

Они поцеловались и прильнули друг к другу. Она взяла у него лампу и поставила на землю. Потом за руку повлекла к ложу. Но тут оглянулась. Между воздушными змеями танцевали тени, и она даже представляла их летящий клин. И это родило идею.

Понимая, что возникший вдруг план отвлечет его, Ли Женг крепче обняла Хуана и, когда они легли рядом, поведала о своем видении.

Идея была предельно простой: они выстроят летящих змеев клином. Все пятьдесят вместе смогут удержать Хуана и спасти его. Она бы выпустила весь клин и затем полетела бы следом, обернувшись птицей. Слушая ее пояснения, Хуан почувствовал надежду. Он всецело отдался во власть плана Ли Женг, со страстью азартного игрока, которому нечего терять.

Весь остаток ночи и все утро он делал воздушным змеям хвосты, беспрерывно наставлял Ли Женг, как управлять ими. Ли Женг велела стражам принести веревку попрочней и начала сплетать ее, чтобы та выдержала вес Хуана. Когда Полководец Лю Хсин пришел после завтрака, ленты-хвосты и веревка — все было спрятано между мотками шелка и клубками бечевки, а два начатых змея выложены на циновку.

— Когда? — как всегда потребовал Полководец.

Ли Женг весело прокудахтала:

— Завтра будет пятьдесят.

Лю Хсин потирал руки.

— Конечно, потребуется, по крайней мере, еще один день, чтобы заколдовать их, — прибавила Ли Женг. — И еще один на восстановление сил, чтобы мы могли ими управлять.

— Еще два дня? — прорычал полководец.

— Конечно, если у вас есть несколько кусков золотой ткани, — задумчиво продолжила Ли Женг, — то тогда можно нарядить каждого из вас в золотые одежды, и ничего не будет страшно.

— Да это просто чушь! — отрезал Полководец. После чего поспешил в свою палатку и незамедлительно приказал слуге сшить одежды из злототканного шелка, добытого в предыдущем походе.

А Хуан и Ли Женг вновь принялись плести веревку — потолще.

С наступлением вечера Хуан быстро завершил два новых змея. Их теперь было ровно пятьдесят. К каждому приторочил ленточку-хвостик и тщательно привязал бечевку. Затем распределил длину веревок таким образом, чтобы змеи летели, не задевая друг друга. Наконец сплел пятьдесят петель и присоединил к одной толстой веревке на расстоянии вытянутой руки, в то время как Ли Женг продолжала плетение этой основной несущей веревки.

Солнце село, и ветер стих. Они сидели рядом, тихо плетя веревку и прислушиваясь. Сумерки сгустились, и их работа замедлилась. Ночь была безмолвной и слишком тихой. Они различали, как сменилась стража, как позвякивали оружием и укладывались спать воины. Наконец они закончили свой труд и стали ждать, прихлебывая чай. Потом чай остыл, а ночь все оставалась безветренной. Временами доносилось только все то же позвякивание меча стражника.

И вот первым слабым вздохом, овеявшим палатку, вернулся ветер. Еще одно легкое дуновение, за ним еще, — и теперь зашелестели деревья. Ветер усиливался, его порывы становились резче. Хуан и Ли Женг обнялись. Затем она обернулась придворной прелестницей, какою показалась Хуану, и выскользнула из палатки. Хуан замер у распахнутого входа с чайником в руке.

Он расслышал ее голос и тихий удивленный возглас стражника. Он различил плач девушки и то, как голос стражника смягчился. Хуан быстро шагнул наружу и изо всех сил опустил чайник на голову стражника. Чайник лопнул пополам, как тыква, а стражник рухнул к их ногам.

Вместе они затащили его в палатку и крепко связали шнурами, свитыми из шелка. Затем принялись выносить из палатки змеев.

Теперь ветер стал их врагом; он выхватывал змеев, пытаясь унести их прочь. Наконец Ли Женг спряталась под навес палатки, и Хуан выносил их попарно. Когда все оказались снаружи, он взял первого из змеев и шагнул навстречу ветру.

Через мгновение змей был в воздухе и рвался все выше. Он выпустил всю его бечевку до конца и привязал конец к первой петле на толстой веревке. Та шевельнулась. Ли Женг подала ему следующего змея, потом — третьего, четвертого. Веревка поднялась, взвиваясь все выше и выше, чудесным образом растворяясь в ночном небе.

И с добавлением каждого нового змея веревка тянула все сильнее, он

даже оперся плечом о стенку палатки, чтобы его не подняло раньше времени. Ли Женг все ближе подвигала оставшихся змеев и придерживала их осторожно коленом; одной рукой подавала, а другой придерживала веревку.

И вот остался последний змей, на котором был изображен журавль и начертаны стихи. Хуан накинул веревочную петлю на опору палатки, Ли Женг крепко ухватилась за конец веревки, ногами обвила столбик. Хуан привязал к концу веревки упряжь, пропустив петли между ног и вокруг пояса.

Он взял последнего змея и послал его по ветру. Ветер дул с запада, и змей полетел на восток, по направлению к реке и спасению, к тому краю неба, где занималась заря.

Хуан почувствовал, как натянулась веревка. Она рвалась ввысь. И его сердце рвалось ввысь вместе с ней.

— Отпускай, — прошептал он.

Ли Женг медленно отпускала веревку, хоть та и обжигала ладони. И вот уже Хуана потянуло за ней; сперва шагом, затем на цыпочках, затем длинными медленными прыжками. Но разгорающуюся зарю от него заслоняла огромная нависшая тень.

Это была тень от большой палатки, где спали воины, — она-то и была на пути. Хуан подпрыгнул изо всех сил и оказался в воздухе, медленно взмывая вверх. Он едва не закричал от радости.

Увидев, что Хуан поднимается, Ли Женг отпустила веревки больше, чем нужно. Тень Хуана нырнула к земле, Ли Женг вновь повисла на веревке, и он воспарил навстречу восходящему голицу.

Но тут, взметнув фонтан грязи, опорный столбик палатки выворотился из земли. Веревка вырвалась из рук Ли Женг, и женщину швырнуло наземь. Послышался треск, будто что-то разорвалось у нее над головой, и когда она взглянула вверх, то увидела, как все полотнище палатки взлетело вслед за веревкой.

Полотнище врезалось в большую общую палатку, задело за опорные столбы и обрушило всю массу ткани и веревок на вопящих от страха людей. Воздушные змеи устремились ввысь, их веревка натянулась почти вертикально.

Ли Женг обернулась гигантским соколом. Она подлетела к натянутой, как струне, веревке и принялась клювом рвать ее. Отовсюду, вопя, сбежались солдаты и вдруг замерли от ужаса, увидев как гигантская птица атакует палатку. Никто не заметил бечеву и где-то очень высоко лесенку змеев в лучах восходящего солнца.

Пока не появился Полководец Лю Хсин. Он увидел птицу, увидел веревку и увидел Хуана По, висящего в своей упряжи высоко в небе.

— Стреляйте, — закричал он. — Стреляйте в птицу, не то со всех шкуру сниму!

Его боялись больше, чем демона. Дюжина стрел взвилась из дюжины натянутых луков. Две из них попали в цель.

Ли Женг вскричала от боли и с утроенной силой рванула клювом бечеву. Наконец та поддалась, и воздушные змеи полетели на восток, по направлению к реке. Но они одновременно начали падать, и веревка скользнула вниз к толпе солдат, окруживших упавшую палатку.

— Хватайте ее! — торопил Лю Хсин, и дюжина солдат потянулась, чтобы схватить бешено извивающуюся бечеву.

Ли Женг ринулась на них, она пронзительно кричала и щелкала

клювом. Солдаты в ужасе припали к земле, но еще пара стрел нашла добычу. Ли Женг взвилась вверх, хлопая огромными крыльями из последних сил.

Но воздушные змеи продолжали падать. Хуан По был слишком тяжел для тех из них, что остались парить. Ли Женг пролетела мимо него, погладив кончиком крыла его лицо. Она устремилась к самому верхнему змею и обхватила его когтями. И вот она обернулась гигантским облаком, облаком-змеем.

Вообразите воздушного змея, который весит столько же, сколько взрослая женщина, пусть даже такая маленькая, как Ли Женг. Он, казалось, затмил восходящее солнце. А на шелке проступил свирепый лик гигантского сокола с горящими гневом глазами. Солдаты пали на колени, и даже приказы Полководца Лю Хейна не могли побудить их стрелять из луков. Воздушные змеи воспарили и перенесли висящего в упряжи Хуана По через реку.

Затем земля нагрелась и ветер совсем стих, как это всегда бывает на рубеже между светом и тьмой. Воздушные змеи падали на землю один за другим, таща Хуана По через поле недавно сжатой пшеницы. Он пытался освободиться от пут упряжи и отделаться от острых соломинок, пока не смог наконец встать, ухватиться за веревку, и осторожно опустить гигантского змея на землю.

Он подбежал к нему, попирая останки пятидесяти остальных змеев. Шелк был порван в нескольких местах. Бамбуковые палочки переломаны, из клюва сокола капала кровь.

Но вот он увидел, как проявилось лицо Ли Женг. И понял, что она умирает.

И он вскричал, горестно проклиная Полководца Лю Хейна и его армию, проклиная богов, проклиная своих воздушных змеев и себя самого. Но прозвучал ее голос: «Остановись. Не проклинай свои воздушные картинки. Они слишком прекрасны».

Лицо на гигантском змее улыбнулось. Глаза закрылись. Змей начал перевоплощаться в разбитое тело Ли Женг.

— Нет, Ли Женг! — умолял он. — Пожалуйста. Превратись в меч или в лук, во что-нибудь такое, чем я отомстил бы Лю Хсину за твою смерть.

Глаза опять на мгновение открылись и печально взглянули на него. Но потом она опять улыбнулась и кивнула. И последним усилием угасающего сознания Ли Женг превратилась в кипу легкого светлого шелка, податливые бамбуковые палочки и мотки бечевки. А сверху лежали бамбуковые флейты и дюжина костяных погремушек.

В эту ночь погода изменилась, и с востока подул сильный холодный ветер. После полуночи Полководца Лю Хсина и его армию разбудил дикий, пронзительный вой, несущийся с неба. Он приближался, проносился над головами. В зияющей черной пустоте молодой луны, они, казалось, видели дюжину демонов, реющих над их головами. Отовсюду неслись вопли и лязганье зубов демонов.

Люди, которые поймали Хуана, распознали этот звук. В панике они побежали через лагерь, крича, что демон алчет мщения. Кони метались как ошалелые, вставали на дыбы, срывались с привязи и топтали все без разбора.

Полководец Лю Хсин гордо вышел из своей палатки в новом золотом плаще. Он остолбенел, взирая на прилив истерического ужаса, объявшего воинов, и приказал им вернуться и начать атаку. Но они, охваченные

страхом, сбили его с ног и затоптали насмерть. Слуга забросил его безжизненное тело на лошадь, чьи глаза были закрыты шорами, и ускакал прочь. Солнце всходило над пустым и разоренным лагерем.

Хуан По приземлил своих воздушных змеев и тщательно привязал их к дереву. Затем он поднялся от реки на берег и прошел через лагерь к зеленым воротам города Пи Лао. Стражи с опаской впустили его.

Оставшиеся дни своей жизни он провел, мастеря с городскими мальчишками и их родителями воздушных змеев. Он учил делать змеев круглой формы, овальной и еще квадратных, но больше других ему нравилась форма птицы — ввысь взмывали соколы и совы, гигантские журавли. Он великолепно раскрашивал их. И на каждом были стихи.

А когда кто-либо приходил в город Пи Лао и, видя его небесные рисунки, спрашивал, что они означали, Хуан По отвечал, что имя им — Фенг Женг.

Фенг, конечно же, означает «ветер».

Стив Перри

МАСТЕР ЧЕН-ЧЖЭН

Автор сценариев для телесериала о Бэтмане, Стив Перри, много и всерьез раздумывал над философией восточных единоборств. Пусть предваряющим комментарием к публикуемому рассказу послужит стихотворение китайского поэта XIV века Чжан Юя:

«Взял посох монаший —
судьбой предначертан мой путь.
Родимые горы
из дальней земли не видны.
Я сердцем усвоил
ученье восточной страны.
Постиг Созерцанья
глубокую тайную суть.
Промолвлю заклятье —
и в чаше смиренный дракон.
А сутру читаю —
вмиг волны корабль обойдут.
Но что мне все это —
ведь путь мой уже завершен.
От горькой разлуки
потоками слезы текут».

© Steve Pepy. The Master of Chan Gen.

F&SF. September 1992.

Перевёл Ярослав Кузьмин

1

Вот с чего эта история начиналась:

Мокрой и холодной весной, 301 года Паука, отец взял маленького Ву с собой к храму Мастера Чен-чжэн. Ву было всего четыре зимы от роду (родился он в год Змеи) и поэтому он лишь смутно запомнил грязную тропу, которую непонятно почему назвали Золотой Дорогой. Отец Ву был бочаром, и ему, привыкшему носить тяжелые медные обручи, дорожные трудности были нипочем. Но его сыну, напомним, было только четыре и поэтому большую часть пути он проделал на плече у отца.

Часто, когда на дороге появлялся паланкин знатной дамы, им приходилось сходить прямо в канаву. Отец Ву стоял в коричневой, с желтыми струями воде, порой доходившей ему до пояса, а мимо гордо шествовали носильщики, шлепая босыми ногами по грязи. Отец не роптал, поскольку был бедным бочаром и знал свое место в Великом Колесе.

Маленькому Ву не хватило бы пальцев на руках и йогах, чтобы счесть дни пути, но он хорошо запомнил, как грязь, раскисая под дождем, становилась ярко-желтой, а подсохнув, — снова оранжевой. Дождей было много, и поэтому вся дорога была покрыта червонными разводами.

Прошло несчетное количество дней, и они, наконец, пришли. Храм оказался намного больше, чем их дом в По. Сказать по правде, он был больше десяти таких домов, вместе взятых, но не такой красивый, как дворец Третьего Императора в Ян-цзе или даже замок Владычицы наложниц на склоне горы Лу. Храм окружала деревянная стена в пять человеческих ростов, заостренные на концах бревна которой были обиты медью. Ву были видны лишь драконы на крыше да зелень черепицы. Но

если бы мальчика спросили, он бы с уверенностью заявил — да, это очень большой дом.

Кругом стояли и сидели люди. Много людей. Очень много. Так много, что Ву ошеломленно произнес: «О!» Он не думал, что их на свете столько.

— Они ждут Мастера, — пояснил отец, снимая его с плеча. Ву смотрел по сторонам и хлопал глазами.

Прозрачно-красным полыхала рощица азалий. Стройными ухоженными рядами стояли цветущие яблони и вишни. Жужжали насекомые. Аромат цветов мешался с запахом дыма множества мелких костерков — прибывшие готовили ужин. Дождь наконец прекратился, и земля парила.

В общем, все было просто удивительно.

Отец Ву достал из котомки рис, немного сушеной моркови и умело приготовил еду, заправив кушанье кусочками сушеного мяса.

Пришла ночь, они развернули циновки и устроились поудобнее. Засыпая, Ву подивился количеству звезд в небе. Казалось, что их даже больше, чем спящих кругом людей. Тонкая улыбка молодой Луны сияла им с высоты.

Так прошло два дня.

Как и любой другой малыш его лет, Ву быстро утратил интерес к происходящему.

— Папа, — начал спрашивать он. — А когда мы пойдем домой?

— Скоро, сынок, скоро. Вот выйдет Мастер, и мы сразу пойдем.

— А сюда мы еще придем?

— Может быть, ты придешь сюда со своими детьми. Если же Боги снова благословят твою мать и у тебя появятся новые братья и сестры, я вернусь сюда уже с ними — конечно, если Мастеру все еще будет недоставать учеников до полной Ладони. Мастер может выбрать как девочку, так и мальчика — но, как ты знаешь, у каждого ребенка всего один шанс.

Ву этого не знал. И поскольку все равно ничего не понял, то промолчал.

— Когда первый цветок вишни, сорвавшись, коснется земли, выйдет Мастер и сделает свой выбор, — продолжал отец. — А может, он не станет его делать. Но все равно после этого мы пойдем домой, — видя замешательство сына, пояснил старший Ву.

Тянулись дни, а люди все прибывали. Все — с детьми. Скоро их стало столько, что куда ни глянь — везде люди, люди… Наверное, здесь собрались все-все, со всего света, решил Ву, за исключением тех, кто остался дома в По.

Утром третьего дня поднялся ветер. Он ерошил стриженые черные волосы мальчика и тревожил непривычными ароматами. Ву захотелось чихнуть.

Все кругом принялись смотреть в одну сторону. Мальчик тоже посмотрел туда.

Стоявшее там на небольшом холмике — настолько небольшом, что и холмом-то его трудно было назвать, — вишневое дерево затрепетало.

Странно, подумал Ву, вокруг дерева осталось свободное место, Это при такой-то толпе!

Одинокий цветок сорвался с ветви и мягко опустился на землю. Ропот общего вздоха пробежал по собравшимся и замер. Воцарилась тишина.

Даже не скрипнув, распахнулись массивные врата храма. И там…

Там, сухонький и с виду хрупкий, стоял Мастер Чен-чжэн. И никакой торжественности — ни ударов колокола, ни пения труб — он просто стоял там, один. В простом платье зеленого шелка, присобранном у щиколоток, зеленой же мягкой обуви из кожи нерожденного козленка, чуть потемнее цветом. Стоял, опираясь на простой ясеневый посох, окованный яркой медью. Ветерок слегка трепал шелк его платья, как флажок в праздничный день.

Толпа разом выдохнула. Так громко, что звук этот, наверное, разбудил всех Девятерых богов.

Ву не мог понять, почему.

Дедушка Лон Ву и то выглядит гораздо внушительнее — у него, по крайне мере, волосы на голове остались, пусть и седые. А у этого, если не считать реденькой бороденки, голова гладкая, как попка племянника Чена, В общем, самый обычный старичок — даже в По таких хватает.

Ву поднял взгляд на отца. Тот глядел на Мастера, как на живого Бога.

Мастер окинул собравшихся взглядом сокола, высматривающего добычу. Похоже, нечто за спиной Ву привлекло его внимание, и он направился в их сторону.

Удивительно, что шел он легко, походкой совсем еще не старого человека. Шел, не глядя под ноги, и ни разу не споткнулся.

— Ему больше двухсот зим, — прошептал отец. — Смотри внимательней! Он пройдет совсем рядом — это большая честь. В прошлый раз, когда я был здесь со своим отцом, он прошел вдалеке.

«Ну и что?» — подумал про себя малыш Ву.

— Папа… — начал было он.

— Ш — ш-ш-ш! — прервал его отец. — Молчи!

И Ву послушно замолк.

А Мастер между тем приблизился настолько, что при желании мальчик мог бы потрогать шелк его одеяния. И остановился.

Опершись на посох, он взглянул на Ву.

— Ну, мальчик… — голос его был, пожалуй, сильнее, чем у пастуха Шана — самого горластого человека у них в деревне.

Ву с надеждой глянул на отца, но тот словно в камень обратился.

— Да, г-г-господин? — не забыв хороших манер, выдавил из себя мальчик.

— Скажи мне, мальчик, кто по-твоему я такой?

— Достопочтенный господин, Вы — Мастер, — сказал Ву. — Мастер… Мастер… — И с ужасом понял, что напрочь забыл его титул.

Надо было срочно что-то придумать. Иначе его отцу будет за него стыдно. Ну чего же он Мастер? Как это назвать?

— Вы — Самый Старый Мастер, достопочтенный господин, — неожиданно для самого себя выпалил он.

Слышавшие это разом ужаснулись. Так громко, что, наверное, пробудили всех Девятерых. Ву стало страшно.

Мастер громко расхохотался. Он смеялся долго, и Ву понял, что теперь его точно накажут.

— Устами младенцев глаголет истина, — кончив смеяться, сказал Мастер и кивнул отцу. — Я выбираю его.

Тот расцвел в улыбке:

— Вы делаете нам честь, господин!

— Нет, это честь для меня, — ответил Мастер и перевел взгляд на Ву. — Пойдем, мальчик.

Ву нерешительно моргнул и посмотрел на отца. А тот склонился к нему, обнял и сказал:

— Иди с ним, мой мальчик. Ведь ты — избранник.

И он послушно последовал за Мастером.

Так, в 301 году Паука, Ву, сын Яна Ву, бочара из По, был принят в монастырь Мастера Чен-чжэн.

2

Однажды, когда ему было уже сорок шесть, один из молодых односельчан осмелился спросить его о годах, проведенных в монастыре.

Даже собственные дети Ву не знали, чем он там занимался. Ву рассмеялся. Он вовсе не был обязан отвечать на этот в высшей степени невежливый и даже грубый вопрос. Если бы он просто промолчал или даже отчитал юношу — все бы приняли это как должное.

Но, отсмеявшись, Ву — поскольку время приспело — начал свой рассказ: «Нас было пятеро, и назывались мы как пальцы руки — Большой, Указательный, Средний, Безымянный и Мизинец. Средний и Безымянный оказались девочками — каждая старше меня на две зимы. Имя Указательного носил рыжеволосый мальчик, отец которого, как поговаривали, был пиратом из страны по ту сторону заката. Большой же действительно был большим — старше меня на целых три зимы. Я же, как самый маленький и новичок к тому же, получил имя Мизинца…»

3

Большой палец резко развернулся — «Фламинго грозит крылом Солнцу», — и его рука врезалась Мизинцу в висок.

Мизинец распростерся на утоптанном песке. Но сознания не потерял — удар был выполнен плохо. Богиня Удачи была к нему благосклонна.

Большой, который и весил к тому же в полтора раза больше Мизинца, шагнул вперед, чтобы пнуть поверженного противника в солнечное сплетение и «украсть его дыхание», но Мизинец провел прием, известный как «Богомол хватает муху»: левая нога — к себе, зацепила лодыжку Большого, правая — от себя, зажала бедро той же ноги.

Большой рухнул на спину. Мизинец скатился с него, слегка подпрыгнул и вбил пятку чуть ниже грудины соперника, «украв его ветер».

Пока же тот безуспешно пытался вдохнуть, Мизинец изобразил «Тигра, терпеливо ожидающего Оленя у водопада».

Излишне говорить, что он был доволен собой. Не продолжая боя, Большой сдался. Теперь у Мизинца действительно была причина для радости — Большой был старше на три года и вырвать у него победу было нелегко.

Вдруг он ощутил спиной чей-то взгляд и резко обернулся. На него, не мигая, смотрел Мастер. Затем кивнул и отвернулся.

Мизинец не знал, что значил этот взгляд. То ли Мастер доволен Мизинцем, то ли недоволен Большим пальцем? Большой пробыл в монастыре дольше других и по праву должен быть лучшим бойцом. С другой стороны, Мизинец оказался способным учеником. Он уже освоил пять основных Танцев; Падающего Аиста, Медведя, Двуглавой Змеи, Аиста и Хитрого Богомола. Мог прочесть те письма, что писали ему через

местного писца — единственного грамотного человека в По — родители. Здесь, в монастыре, все знали не только Пляшущие линии, но также Прямые квадраты и Обратные закорючки, хотя смысл последних временами ускользал от понимания Мизинца.

Справедливости ради отметим, что Большой тоже имел неприятности с Закорючками.

Пусть Безымянный и Средний ростом выше Мизинца — зато он быстрее. Быстрота многое значит.

Жизнь в храме была простой и суровой. Но не тяжелее, чем рубка дров или изготовление бочек. К тому же здесь за один день можно было узнать столько, сколько в По не постичь за всю жизнь. О Мастере говорили, что он знает почти все на свете и является самым опасным бойцом в мире. Мизинец в этом не сомневался. Лишь пятерых берет к себе Мастер, и им улыбаются Боги. Зеленые одежды, кроме них, носит лишь горстка монахов и монахинь этого монастыря. Таков императорский указ. Они учили разбираться в травах, магии чисел, карт и звезд, кузнечному делу, строительному искусству, законам и истории Поднебесной. А также многому, многому другому.

Жизнь не могла быть лучше.

4

Как заведено, времена года следовали друг за другом.

Падали листья, шел дождь; валил снег и палило солнце.

К семнадцати годам Мизинец до тонкости освоил все Десять Танцев Без Оружия и овладел пятью из Семи Тайных Орудий. Разбирался в болезнях не хуже любого врачевателя, мог составить план местности не хуже картографа и не терялся, когда ему предлагали изобразить участок звездного неба.

Он мог построить дом, испечь пирог, сделать ведро, способное держать воду, — хотя отец справился бы с последней задачей лучше.

Он мог рассуждать о Богах и Демонах. Мог объяснить, откуда пошел двенадцатилетний цикл и какое отношение имел к этому Фо Пинь. И даже пел под собственный аккомпанемент.

А в росте и силе он давно догнал своего отца.

Под началом Мастера осталось только трое — поскольку Указательный и Средний, зачав ребенка, ушли из Монастыря. Иногда Мизинец спал с Безымянным, иногда — с Большим, и мало что из таинств, включая таинство Дракона и Пещер, еще не были им изучены, ибо в познании физической любви ученикам помогали Императорские наложники и наложницы. Средний и Указательный, по умыслу или недомыслию, пренебрегли соответствующими мерами во время совокупления и, приняв на себя карму новой жизни, вынуждены были оставить Храм.

Одним мокрым весенним утром — Мизинцу пошел девятнадцатый — Мастер призвал его к себе. Скрестив ноги, они сели друг против друга на полу залы для медитаций.

— Ты учился у меня четырнадцать лет, — сказал учитель. — За пределами монастыря едва ли найдется равный тебе воин. Немногие смогут превзойти тебя и ученостью. Ты многое понял в Пути…

Щеки Мизинца полыхнули румянцем. Мастер хвалит так редко

— …но это ничто по сравнению с тем, что тебе предстоит узнать, —

вернул его на землю Мастер. — Победить человека просто. Для достижения подлинного мастерства ты должен сразиться с врагами не тела, но духа. Ты освоил основы медитации и не раз на мгновение достигал измененного состояния ума. Ты должен идти дальше. Твоя задача — постичь пути Мира Духов. Испытание ждет тебя.

Мизинец с трудом сглотнул. Мир Духов, судя по всему, очень неприятное место. Как может он, за все время узнавший столь мало, надеяться на успех?..

— Я научу тебя всему необходимому, — ответил Мастер на незаданный вопрос. — Путь есть Путь.

И поскольку Мастер знал все — ну, почти все, — Мизинец успокоился.

5

К его удивлению, Мир Духов оказался очень похож на их собственный. Земля, Вода, Воздух и Огонь обретались в тех же обличиях. Люди походили на людей, деревья — на деревья… Путь был точно таким же — за исключением пока не появлявшихся Демонов и Духов, все было знакомо. Совсем как дома, в Поднебесной. Крестьяне пахали. Рыбаки ловили рыбу. Женщины давали жизнь. Кузнецы ковали, бочары делали ведра и бочки. Точно так же сменялись времена года и все так же светила Луна.

Разве что жизнь здесь была чуть проще, а лес — гуще.

Кроме того, как сказал Мастер, везде — в лесах и горах, норах и домах — таились сверхъестественные создания: демоны и духи. Среди духов можно встретить и доброго, учил Мастер. Но демоны — демоны все злобны и опасны.

Пришел и день, когда Мизинец встретил своего первого демона. В этот момент он шел бок о бок с учителем. Что удивительно, в этом мире Учитель был молод — ненамного старше Мизинца. Поначалу это сбивало ученика с толку, но раз Мастеру недоступно лишь очень немногое, следовательно, и молодости старца удивляться особо не стоило.

Извилистой тропкой шли они через монастырский сад. Мизинец следил за полетом дрозда и наслаждался теплым летним утром.

Внезапный порыв холодного ветра пронизал его до костей.

— Берегись! — предостерег Мастер, глазами указывая перед собой.

Ломая ветви, на их пути появилось странное существо.

Могло показаться, что это — просто рослый человек в темных одеждах с посохом в руках. Но более внимательный взгляд сразу бы отметил, что посох тот украшен изображением Гохиры, кошачьеглазой богини, которая ест непослушных маленьких детей, — той, у которой пятнистый черный язык и зубы как у тигра. А уж само существо — никак не человек. Вместо волос на голове шевелились черви, а пахло от него давлеными мухоморами.

— Кто смеет здесь ходить? — проскрежетало чудище на весь лес.

— Кто смеет спрашивать? — парировал учитель. Мизинец внезапно ощутил себя маленьким и слабым. Холод проник в его душу.

— Смею я — Лень! — раздалось в ответ.

Мастер даже не шелохнулся.

— Отойди в сторону, дай пройти.

— Не дам. — Чудище угрожающе замахнулось посохом.

Мизинец немного успокоился. Мастер запросто разделается с этим… Нет смысла бояться, когда рядом с тобой — Мастер Чен-Чжэн.

Мастер посмотрел на своего ученика. В первый раз Мизинец осознал, что стал ростом выше учителя. Даже в этом мире. Это открытие его ошеломило.

— Мизинец, — сказал ученику Мастер. — Демон Лень мешает нам пройти. Убери его с дороги.

Страх с новой силой овладел Мизинцем, но он подавил дрожь. Учитель приказал — ученик должен повиноваться. Мизинец шагнул вперед.

— Прочь с дороги! — сказал он. Удача благоволила к нему, и голос не дрогнул. За это, пообещал про себя Мизинец, я поставлю Богине храм — если выживу.

Лень метнулась вперед, целя посохом в лицо. Демон оказался не очень проворным. Мизинец поднырнул под посохом, сблизился с противником и вбил повернутое ребро ладони ему в живот «Поцелуем фламинго». Демон замер. Мизинец решил, что это даже легче, чем бой с Большим, и ударил противника кулаком в висок.

Земля вздрогнула, когда Демон рухнул. И больше не поднялся, хоть Мизинец и желал продолжить бой. Удивительно! Такого крупного демона удалось повергнуть всего лишь двумя, к тому же простыми, ударами! Мизинец посмотрел на Мастера.

— Продолжим прогулку, — сказал тот.

Мизинец гордо глянул на поверженного противника и кивнул. Мастер чему-то рассмеялся.

— Я думаю, — сказал он, отсмеявшись, — что нам предстоит встреча с родичами этого существа. Поэтому будь начеку.

— О, я буду настороже постоянно! — воскликнул ученик.

Мастер, как всегда, оказался прав. Вскоре они встретили другого Демона. На этот раз пришлось попотеть. Лишь ценой больших усилий Мизинцу удалось победить, и еще долго полученные синяки причиняли ему боль. Гордыня опаснее Лени. Намного.

6

Таким образом, Мизинец продолжил свое обучение. Нередко в одиночестве он бродил по Миру Духов, и часто приходилось ему биться с Демонами. Лень тревожила редко — он был трудолюбивый юноша; но почти каждый день встречал он Гордыню и иногда оказывался побежденным сам.

Многие Демоны вызывали его на бой. Похоть, Жадность, Зависть, Ненависть, Злость, Страх. Примерно за год Мизинец научился расправляться со всеми.

Конечно, где-то в глуши таились и другие Демоны, но близко не подходили. Пару раз на его пути вставал мускулистый боец по имени Презрение; да еще однажды, вскоре после того, как Большой покинул монастырь, его атаковал жирный и болтливый Демон Печали. По возвращении Мизинец рассказывал о своих приключениях Мастеру, но тот, кроме улыбки и кивка, ничем не отзывался на услышанное. За последние полгода — Мизинцу шел уже двадцать четвертый — ни один из Демонов не смог победить его. Даже если они нападали все скопом.

На двадцать пятом году жизни Мизинец предпринял длительное

путешествие в Мир Духов. Три дня и три ночи блуждал он по лесам, и никто не вызвал его на бой. Самый смелый из Демонов — синее бородавчатое Беспокойство — подходило не ближе чем на полет стрелы. Поняв, что в этот раз на него не станут нападать, Мизинец вернулся и рассказал все учителю.

— Ты больше не Мизинец, — выслушав, сказал Мастер. — Ты снова стал Ву, сыном Ву.

Мизинец — нет, теперь уже Ву — изумленно мигнул. За время учебы он и забыл, что когда-то носил другое имя Но если этого хочет учитель…

— И ты должен покинуть монастырь, — продолжил Мастер.

— Покинуть монастырь? — снова удивился Ву. — Но куда же я пойду?

— Не имеет значения, — пожал плечами учитель. — Дойди до края земли и загляни за него. Найди лестницу в небо и поднимись по ней к самому Солнцу. Куда угодно — это не важно. Важно то, что здесь тебе делать нечего Я научил тебя всему, чему мог. Остальные уроки ты получишь там.

Мастер неопределенно махнул рукой, встал и удалился.

7

Ву задумался. Возможно, Большому было велено уйти точно также. Наверное, у него теперь совсем другое имя. За прошедшие годы Ву — ему все еще было трудно называть себя этим именем, — постиг, что у всего есть смысл. Он есть, даже если спрятан в толще горы или неподалеку от конца радуги. Его можно обнаружить — даже если придется ворочать камни или научиться летать. Это в полной мере относится и к словам учителя. Если бы их смысл можно было найти без особого труда, то учитель так бы и сказал. Следовательно, он хочет, чтобы Ву приложил собственные усилия. Да будет так. Путь есть Путь.

Без страха и сожаления Ву покинул стены монастыря. Он давно уже победил этих Демонов. Как и подобает ученику Мастера Чен-чжэн, Ву был в зеленых одеждах и нес в руке окованный медью посох. Обувь ему не требовалась. Не обремененный ничем материальным, он двинулся в путь.

На вершине ближайшего холма он ненадолго задержался и посмотрел назад. Просто потому, что светило солнце, и в его лучах зеленые крыши монастыря смотрелись особенно красиво. Полюбовавшись игрой света, он двинулся дальше.

8

На Золотой дороге ему повстречался паланкин. Восемь носильщиков равномерно поднимали ногами пыль. Вспомнив детские дни, Ву шагнул к обочине. Воды в канаве было всего по щиколотку, и это вряд ли бы доставило ему неудобство. Но носильщики резко свернули в сторону канавы и там, в грязи, остановились, склонив головы. Сквозь занавеси было видно, как владетельная дама опустила взор.

Ву был так же скор умом, как и телом, а потому понял, что его зеленые одежды вызывают уважение Прежде это как-то не приходило ему в голову. Он кивнул в ответ, улыбнулся и продолжил путь.

Еще до этого случая он решил, что отправится домой в По. Ведь, как известно, одно место ничуть не лучше другого. Кроме того, у него есть шесть братьев и сестер, которых он никогда не видел; а не навестить отца

с матерью после стольких лет отсутствия было бы попросту невежливо.

9

Его возвращение в По стало праздником для жителей. В честь Ву — хоть он и был местным — была зажарена на угольях целая свинья. Старый Линь Шу смахнул пыль с бочонка своего лучшего пива и наполнял чаши, едва они успевали опустеть. Аромат благовоний разносился по всей деревне.

Дети исполнили для него танец Сороконожки, который последний раз исполнялся три года назад в честь Шестой жены Императора. Все пили, ели и веселились. Женатые и замужние, а также те, кому только предстояло вступить в брак, совокуплялись в кустах. Было так же весело, как на празднике Весны или Урожая.

Отец Ву, в свои шестьдесят не утративший стати, просто сиял от радости за сына.

— Это мой сын! — говорил он каждому, кто появился в По уже после принятия Ву в монастырь, хотя все и так это знали. Любая деревня, сын или дочь которой были удостоены такой чести, приобретала известность. В конце концов, разве не поэтому всего лишь три года назад здесь побывала Шестая жена Императора?!

— Он был настолько неуклюж, — говорил отец, — что я сразу понял — бочара из него не выйдет. Поэтому ему и пришлось стать учеником в храме.

Все рассмеялись. Ву понял, что слава сына падает и на его отца, что радовало, но одновременно печалило. Ведь говорил мудрец, что человек должен быть важен сам по себе? И с этой Печалью ему предстоит встретиться сегодня вечером в Мире Духов.

Мать Ву, теперь уже дважды бабушка благодаря брату Лену, представила его своим подругам. Она была старостой По, проявляя на этой должности изрядную гибкость ума в разрешении разных проблем.

— Нет, вы только посмотрите, какие прекрасные зеленые одежды на нем! — восклицала она. — Вы, наверное, знаете, этот цвет дозволен только монастырю Чен-чжэн.

Это тоже было известно всем, но ей нравилось таким образом обращать на себя внимание. Ву снова вспомнил слова мудреца и решил, что бой с Печалью будет не таким уж легким.

Чуть позже, когда почти все односельчане, чьи желудки наполнились пивом и мясом, разошлись по домам, к нему осторожно приблизился деревенский писец. Это был молодой человек, поскольку старый умер два года назад. Ву узнал это по изменившемуся почерку в письмах.

— Говорят, что Вы понимаете несколько языков, — начал он издалека. — А также можете писать на них.

— Это правда, — ответил Ву. — Я могу говорить на семи языках, хотя читаю лишь на четырех из них.

— Даже, как я слышал, знаете Обратные закорючки?..

— Не смею отрицать.

— Человек Вашей мудрости и учености наверняка многим занят и о многом должен заботиться. Но мне кажется…

Ву чуть приподнял бровь, разрешая задать вопрос.

— …что, если Вам случится ненадолго задержаться в По, то Вы не откажетесь обучить Вашего ничтожного слугу таинствам Обратных

закорючек?

До этого самого момента у Ву не было никаких планов на будущее. Конечно, было бы занятно заглянуть за край земли. Но не станет ли он полезней здесь, в По? Все люди должны где-нибудь жить, и По ничуть не хуже любого другого места.

Конечно, он с легкостью бы мог найти место при Императорском дворе и даже давать советы самому Императору. Но разве Император дышит не тем же воздухом, что и другие? Вряд ли его дерьмо пахнет приятнее, чем любое другое — это так же непреложно, как наступление ночи. Демон Честолюбия никогда не досаждал Ву.

— Почту за честь, — улыбнулся он.

10

Так Ву остался в По. Он построил себе дом, а чуть позже — маленький, но очень красивый храм, посвященный Богине Удачи. Для собственного пропитания он завел сад и огород, жители приносили ему подарки, и он ни в чем не нуждался.

К нему обращались как к старейшине, человеку необычайной мудрости. Ему, едва достигшему двадцати четырех лет, это поначалу было необычно. Хотя Ву знал намного больше любого односельчанина. С легкостью принял он на себя роль учителя.

Писца он учил языкам, детей — счету и истории. Взрослым преподавал медицину и астрономию. А когда — это бывало действительно редко — Ву был не в состоянии ответить на вопрос, он пожимал плечами и говорил:

— Я всего лишь простой ученик. Вот если бы на моем месте был Мастер, он бы ответил.

Никто с ним не спорил.

Несколько раз Ву писал в монастырь, где все еще оставалась сестрица-Безымянный, и она отвечала на его письма. Мастер хранил молчание.

На двадцать шестом году Ву узнал из письма, что Мастер Чен-чжэн покинул свое бренное тело. Согласно книгам, ему к этому времени было двести семьдесят пять лет. Он ненадолго задумался над тем, кто будет преемником, но решил, что, наверное, Безымянный — единственная в храме его ученица. Или еще кто-нибудь.

Больше он туда не писал.

Когда же ему исполнилось двадцать шесть, он встретил девушку. Она была сестрой женщины, вышедшей замуж за жителя По. Ву понравился ее смех. Майли — так ее звали — была умна и умела лечить травами своих односельчан. Ву начал за ней ухаживать. Хоть она никогда не притворялась, что ей совершенно безразлично высокое положение Ву, это не мешало ей трезво оценивать своего поклонника.

Услышав от нее как-то раз, что его дерьмо пахнет ничуть не лучше любого другого, Ву понял, что нашел себе жену.

Осенью года Ящерицы, в благоприятное для браков время, они поженились. Ву построил для невесты дом с комнатами для детей, которых в дальнейшем родилось четверо — двое мальчиков и две девочки. Они росли веселыми и жизнерадостными, похожими на мать.

Ву также обучал кое-кого из интересовавшихся односельчан боевым искусствам. Лучшей его ученицей была шестнадцатилетняя Ро. Она,

казалось, порхала над землей, словно мотылек.

Еще он продолжал свои путешествия в Мир Духов. По большей части Демоны обходили его стороной. Но иногда все-таки появлялись.

Когда его второй сын заболел лихорадкой, Ву целый день пришлось бороться со Страхом.

Когда же он однажды услышал, как его жена смеется вместе с Императорским гонцом, Ву вступил в битву с зеленоглазым Демоном, который не пожелал открыть своего имени, и поверг его.

После похорон отца ему снова пришлось встретиться с Печалью.

Шли годы. В возрасте семидесяти умерла его мать. В этот раз он встретил уже не Печаль. У маленького пруда он увидел Смерть в ее темных одеждах, и та махнула ему рукой.

— Давай поборемся, — предложил ей Ву. — Я знаю, как тебя победить.

— Это так, — признала Смерть. И отвернулась.

В общем, Ву было не на что жаловаться. Жизнь шла своим чередом, а если и встречались ему вопросы, то чаще всего он находил на них ответы.

Жизнь была хороша.

11

Естественно, Ву пытался научить жену и детей путешествовать по Миру Духов. Не вышло. Майли, которая могла найти и приготовить, как нужно, все целебные травы в окрестности, к сожалению, не обладала необходимой для медитации гибкостью мысли.

Возможно, дети бы поддались воздействию лучше, начни он их обучение, пока они были достаточно юными. К сожалению, это пришло ему в голову слишком поздно. Ни один из них не смог постичь красоту Мира Духов.

В этот период ему часто приходилось бороться с Сожалением и в конце концов Ву одержал победу. Ибо Путь есть Путь.

В результате знакомства с Миром Духов ему было дано стареть медленнее, чем обыкновенным людям.

В шестьдесят он выглядел всего лишь на тридцать. В восемьдесят — едва ли на половину этого возраста. Годы не сделали медленнее его движений.

Бывшая лучшая ученица Ро уже начала спотыкаться и кряхтеть, а Ву по-прежнему был гибок и быстр. К тому же, как он заметил однажды по своему отражению в пруду, в Мире Духов он выглядел не старше двадцати пяти.

Годы согнули гордую Майли и покрыли ее лицо морщинами, а Ву был прям, словно дуб.

Прошли еще годы. Все, кто помнил его родителей, умерли, их души покинули этот мир, чтобы присоединиться к богам. Ву стал самым старым в деревне, но здоровья не утратил — лишь волосы тронула седина, да когда он улыбался, на лице появлялись морщинки, но его сила осталась прежней, а зрение и слух — острыми, как в молодости. Односельчане давно решили, что в монастыре его обучили волшебству и ничему не удивлялись.

В возрасте семидесяти восьми лет, окруженная детьми, внуками и правнуками, умерла Майли. А овдовевший муж на похоронах выглядел моложе собственных сыновей.

Ву не удивлялся. В конце концов, Путь — это только Путь, как всегда.

В возрасте восьмидесяти пяти лет скончалась во сне его младшая дочь, и правнуки Ву пришли на погребение. Ву принял и это.

Иногда, во время своих странствий в Мире Духов он видел наблюдающую за ним Смерть. Та все время оставалась в стороне. Один раз Ву вызвал ее на поединок, но Смерть лишь покачала головой и ушла.

Впервые он встретился с Высокомерием, и их бой продолжался полдня.

За пределами По, во всей Поднебесной Империи время приносило изменения. По новым дорогам мчались повозки, движимые силой пара. Ходили слухи, с помощью бочонка с соленой водой и неких металлов можно получить магическую энергию, позволяющую кусочкам металлов сиять ярче солнца. С ее же помощью можно было в мгновение ока передать вести. Также рассказывали, что в портовом городе Зангду сделана пушка, которая может выстрелить пять раз без передышки.

Нынешняя Императрица — правнучка того Императора, что правил в пору юности Ву, — по слухам, приняла веру Гадких Карликов, что живут за проливом Драконья Шея, и в храме Девяти стала почитать своих усопших предков.

Все изменилось. Но Ву продолжал жить как жил и понемногу учить людей мудрости Пути.

Своим чередом сменяли друг друга времена года.

12

В год, когда его восьмидесятилетний, самый младший, правнук отошел в другой мир, Ву минуло сто семьдесят зим, а выглядел он едва ли на шестьдесят. Тогда он впервые задумался над происходящим.

Увидеть его специально приезжал сам Министр медицины из Юнгдоу. Но уехал, убежденный в том, что легенды о досточтимом Ву — всего лишь вздорные слухи. Наука утверждала, что никакие диеты и упражнения не дадут таких результатов — значит, такого не может быть в принципе. Ву честно ответил на все вопросы Министра, но в сердце того не было доверия, и он решил, что Ву просто выжил из ума от старости. Это и к лучшему — Ву совсем не хотелось стать объектом одного из экспериментов в огромном медицинском центре Юнгдоу, а это бы непременно случилось, если бы Министр поверил в его долголетие.

Когда разошлись гости с поминок по правнуку, Ву все стоял над гробом с останками плоти от плоти от его плоти. В жизни все имеет свой срок. Все, кроме него. Он все живет, а люди, вполовину моложе его, умирают. Позже он много думал об этом.

Перемены вокруг него продолжались. Сеть дорог связала города и деревни. Движимые электричеством машины за час проходили столько, сколько пешком не пройдешь за неделю. Люди разговаривали по проводам. Небо бороздили воздушные корабли. Ходили слухи, что вскоре отправят корабль на Луну. Ву был знаком с теорией и знал, что подобное вполне возможно.

Уже никого из тех, кто помнил его возвращение из монастыря, не осталось в живых. Ву, наверное, был самым старым человеком во всем мире, судя по сведениям, доходившим со всех земель, что лежат на всех шести морях. Старейшим во всем обитаемом мире. Он много над этим думал.

Ву похлопал крышку гроба. Винг был хорошим парнем. И добрым отцом, и примерным дедом. И вот он ушел из жизни, а его прадед все живет, и по виду сошел бы за сына Винга.

Зачем все это? Зачем ему дан столь долгий век?

Да, теперь он знал то, что и не снилось старому Мастеру. Пусть Ву редко выходил за пределы деревни — он продолжал учиться. Он читал книги, смотрел картинки в стеклянном ящике с электричеством, следил за новостями и знал о мире ничуть не меньше остальных.

Возможно, он переживет своего учителя. Но зачем? Для че-го? Мир его юности был проще — но и он остался в прошлом. Жизнь становилась сложней день ото дня. Пока что Ву успевал за ней. Но будет ли этому конец? В чем же смысл?

Ву устал. Он чувствовал себя старым и ненужным. Все, что было доступно человеку, он уже сделал. Любил женщин, вырастил детей, воспитал учеников, ел и пил, и испытал все радости жизни. Он победил Демонов души и саму Смерть. Он пережил даже Богов — Девятерых позабыли все, кроме разве что историков, штудирующих старинные документы в пыльных комнатах.

Кроме Ву, никто больше не знал, что такое Золотая дорога, и как следует себя вести в присутствии знатных особ — потому как их уже не осталось в Поднебесной. Сказать по правде, это название также потеряло смысл. Старые ценности померкли, старые пути забылись. Жизнь стала беспокойной и беспорядочной. Люди утратили понятие о том, откуда пришли и куда стремятся, а глубины души, сто лет назад присущие даже простому землепашцу, ныне волновали очень немногих. Нынешние люди учились в громадных университетах — а чему? Ведь Путь по-прежнему Путь, Хотя почти все о нем забыли.

Ву положил руку на гладкую крышку гроба из вишневого дерева. Что же осталось для него в этом мире?

Наверное, пришло время отыскать Смерть и заставить, наконец, ее сразиться с ним.

13

Три дня Ву шел по следу Смерти, а та уходила от него, пока он не загнал ее в ущелье. Меньшие Демоны его не трогали.

Смерть стояла у отвесной стены. У нее был только один путь, а его загородил Ву, здесь оставшийся совсем юным. Он ждал, легко балансируя на одной ноге в позе «Журавля, ловящего рыбу в неглубоком ручье».

Смерть приблизилась на два размаха рук.

— Нет, — сказала она, — не сейчас.

— Выбор за мной, — рассмеялся Ву. — Я за тобой гнался и наконец настиг. Ты не можешь уйти без боя.

— Это так, — признала Смерть. — Но я не стану драться. — Уж не трусишь ли ты?

— Нет. Для Смерти страшна только Вечность.

— Так в чем же дело?

— Ты еще не закончил свои дела в этой жизни.

— Нет, — запротестовал Ву. — Я решил, что с меня достаточно. Для меня не осталось ни места, ни занятия в этом мире, каким он стал.

Воцарилась тишина. Смерть откинула капюшон. Ву удивленно мигнул. Ему знакомо это лицо! Память об этих чертах похоронена под

воспоминаниями многих прошедших лет, но он узнал его.

— Мастер?

Не старик, учивший его когда-то, но нестареющий его спутник в странствиях по Миру Духов. Полтора века они не виделись.

— Да, я была некогда им, — ответила Смерть. — Но Колесо повернулось, и теперь я…

— Но как это может быть?

— Я сменила того, кто был до меня, а он еще раньше — того, кто был прежде. Так кто-нибудь сменит и меня. Позволит уйти. Это — Путь.

Ву расслабился, осторожно опустив на землю поднятую ногу. Возраст принес мудрость и ему, и он подумал, что понял.

— А не знаю ли случайно я того, кто тебя сменит?

— Знаешь, — улыбнулась Смерть.

— И как долго ты пребудешь в таком обличье?

— Если мне повезет, как моему предшественнику, то еще лет двадцать.

— Я понял, — сказал Ву.

— Ничуть в этом не сомневаюсь.

— Значит, мне было позволено поймать тебя здесь?

— Конечно. Человек может победить Смерть. Много раз. — Капюшон снова опустился. — Но Смерть ни от кого не бежит.

Ву кивнул и освободил дорогу.

14

Прежняя Золотая дорога превратилась в современную четырехрядную магистраль. Яблони давно исчезли. Азалии обратились в прах. Стены монастыря Чен-чжэн испятнала гниль. Медь покрылась зеленой патиной, прошедшие десятилетия выбелили черепицу. И дракон на крыше облупился от непогоды. Сюда забредали разве что историки да влюбленные.

Но недавно кто-то посадил на пригорке вишневое дерево. Цветы его весело трепетали на ветру.

И хотя мало кто помнил о прежних временах — так, бабушкины сказки! — сюда стеклись люди. Кто-то пришел пешком, многие приехали на машине. Самые богатые прилетели. Правда, их летающим машинам пришлось сесть вдалеке от храма — слишком много уже собралось народу. Конечно, далеко не все люди мира были здесь, но много тысяч собрались вокруг храма, куда ни глянь.

И вот весенним утром, 315 года Паука, ветерок задул чуть сильнее. С вишни сорвался цветок.

— А-а-ах! — вздохнули родители и дети.

Бесшумно распахнулись древние деревянные врата, и вышел Мастер Чен-чжэн. Не звонили колокола и не звучали трубы. Был только Он. Может быть, чуть моложе, чем в прошлый раз. Но старше всех собравшихся. Старше всех на свете.

Люди затаили дыхание…

Но история на этом не кончается.

Наоборот, с этого она только началась.

Ведь Путь — как всегда — это Путь.

Джозеф М. Ши

ИСТОРИЯ О ЖАДЕИТОВЫХ ДРАКОНАХ

Американец восточного происхождения, Джозеф М. Ши (р. 1943) окончил Американский университет в Вашингтоне со *степенью бакалавра по истории. Он прошел войну во Вьетнаме и стал убежденным пацифистом, что заметно по публикациям «Мир — наша профессия: стихотворения и эпизоды протеста против войны» и «Демилитаризованные зоны: ветераны Вьетнама свидетельствуют». В 1976 женился на выпускнице Государственной школы медсестер в Гонконге. В 1989 году сценарий Дж. Ши «Вьетнам был девочкой» удостоен премии Неделимой Любительско-журнальной Организации в США.*

В его романтической «Истории о жадеитовых драконах» будущие супруги встречаются подобно героям одного из *китайских «Девятнадцати древних стихотворений » начала первого тысячеления н. э.*

«Как траве повилике
вырастать указано время,
Так обоим супругам
повстречаться час предназначен...»

© Joseph Shea.

Публикуется с письменного согласия автора.

Перевел Игорь Смирнов

Чайная «Тридцать три удовольствия» стала привычным местом встреч для нескольких удалившихся от дел мужчин, живших неподалеку. Может, и вы там бывали. Это совсем рядом с Хеннесси Роуд; в 1984-м заведение снесли — там проложили ветку подземки Ванчай.

Однажды народу было особенно много, и подошедший официант спросил, не будет ли возражать наша компания, если к облюбованному ею столу подойдет еще один пожилой господин. Мы с готовностью согласились, и официант привел незнакомца.

Тот поблагодарил нас и сказал: «Мы с женой пошли по магазинам, и она отослала меня сюда, чтоб я не путался под ногами — ну, вы знаете, как это бывает». Все улыбнулись и понимающе кивнули.

Официант вернулся с чашечкой чая на блюдце для нового посетителя. Потом подцепил дымящуюся корзинку мясных клецок с тележки, курсировавшей между столиками, и выставил перед ним, после чего мы продолжили беседу.

Предметом разговора, как часто бывает со стариками, стали дни нашей юности. В промежутках между превосходным салатом из креветок и освежающим рулетом мы прихлебывали чай По Ли и говорили о времени печали Китая, в который раз рассказывая друг другу знакомые истории о жестоких полководцах и ужасах гражданской войны. Мы

поговорили о безжалостных солдатах страны Восходящего Солнца, опустошивших когда-то величавую Поднебесную Империю. Как подходило нам древнее проклятие: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!»

Затем наступила тишина, и все повернулись ко вновь прибывшему в надежде, что у него найдется какая-нибудь занимательная история, которую мы не знали раньше; свои ведь уже слыхали сотню, а то и больше раз. Предчувствуя наше желание, он сказал:

— Досточтимые господа, ваши истории всколыхнули во мне одно воспоминание — и ужасное и чудесное.

— Ужасное? — переспросил один из завсегдатаев.

— Однажды я убил человека, — объяснил незнакомец.

— А, — отозвались мы.

— Чудесное? — переспросил другой.

— Ну, — ответил вновь прибывший, — там была замешана одна девушка, знаете ли. Такая красота вдохновляла Сучоу. Умная и храбрая юная госпожа.

— А… — вздохнули мы.

— Я был очень молод тогда, и пытался добраться раздираемой войной стране до сравнительно безопасного Гонконга, где жил мой дядя. Я дошел-таки до берега Южно-Китайского моря и в ту самую ночь собирался засесть в старой заброшенной прибрежной беседке. Вы знаете эти беседки, которые строят прямо посреди воды, так что их пол лишь на несколько футов возвышается над морем; те самые, что соединяет с берегом вымощенная камнем дорожка, где осенними ночами обычно собирались поэты, чтобы восхвалять отраженную морем красоту прелестной Богини Луны, Шьюн Са. Там, в уединенной беседке, я собирался примкнуть к другим беженцам, надеявшимся, что туда же пристанет какая-нибудь лодка, которая отважится на рискованное путешествие к острову Гонконг.

Я провел день, прячась в низком кустарнике на краю какого-то поля. Примерно через час после заката я осторожно пробрался сквозь скалистое ущелье; только через это ущелье и можно было дойти до каменной дорожки, которая вела к беседке. Перед тем как двигаться дальше, я приостановился и, напрягая зрение, попытался разглядеть, не таится ли впереди опасность. Силуэт беседки замер над стелившейся по воде дымкой, вызванной прикосновением прохладного ночного воздуха ко все еще теплому морю. Выглядела эта картина вполне мирно. И я зашагал снова — ничего другого не оставалось.

Войдя в беседку, я обнаружил там двоих людей, мужчину и женщину, сидевших у дальней стены. Они встревоженно глянули на меня и хватились за холщовые узлы, похожие на мой собственный узел с пожитками.

Я приблизился к ним. Последовала неловкая тишина: мы оценивающе смотрели друг на друга. Одежда незнакомцев — юнца вроде меня и почти девочки — хоть и трепанная в скитаниях, выглядела добротно. Их манеры и видимая беззащитность выдавали людей, знававших лучшие времена. Впрочем, можно ли было не сказать так о каждом в те тревожные дни?

Я разглядел поистине редкостную красоту девушки. Облегающее ее платье выгодно подчеркивало ладную фигурку. На ней не было украшений, кроме пары изысканных древних жадеитовых висячих серег в

виде драконов. Я немного удивился, что она открыто носит драгоценности в такие времена.

Намерения наши были вполне очевидны: всех троих привела сюда надежда встретить какую-нибудь лодку, чтобы попасть в Гонконг. Потом мы обменялись легкомысленными шутками. Я узнал, что его звали Мин, а ее — Вин Юн. Будучи столь молодым, я пришел в беспричинный восторг, уяснив, что Вин Юн приходится Мину сестрой и пока не замужем. Необычайные обстоятельства придали храбрости, и я отважился высказать совет: ее явно дорогие серьги надо было бы спрятать, чтобы не искушать чрезмерно людской слабости, которой тогда имелось множество свидетельств. Благоразумно отрицая сколько-нибудь значительную ценность сережек, Мин сказал, что это Вин Юи настояла на своем и надела их.

— Этих жадеитовых драконов дала мне бабушка, — объяснила Вин Юн. — Драконы — могущественный талисман. Бабушка сказала, что, пока я их ношу, с нами ничего не случится.

— Глупая девчонка, — отозвался Мин.

— А разве эти драконы-близнецы не берегли нас по пути сюда? — надув губы, с вызовом ответила Вин Юн, чем тотчас завоевала мое сердце.

Мы снова погрузились в молчание; Вин Юн не сняла своих сережек, но я с удовольствием отметил, что она распустила прекрасные длинные волосы, и украшения совершенно скрылись из виду. Тьма убегала час за часом, и все росло наше волнение: продолжится ли наш путь? Мы понимали, что должны бы найтись и еще беженцы, но больше никто не прибыл. А еще важнее — не появлялась лодка, которая доставила бы нас в безопасное место. Едва мы задумались, не благоразумней ли вернуться в место поукромней, чтобы дождаться следующей ночи, как глухой удар привлек наше внимание к правой стороне беседки. Чья — то рука появилась из окружавшей беседку темноты и схватилась за перила. Прибыло наше средство передвижения.

Здоровенный лодочник, которого я окрестил Буйволом, перемахнул через перила и схватил конец веревки, брошенной снизу, из лодки, его товарищем. Закрепив суденышко, к нам в беседку влез второй лодочник. Одежда висела на нем, словно на вешалке, так что я, естественно, мысленно назвал его Пугалом.

— Вас что, всего трое? — задал вопрос Буйвол. — А где остальные?

— Наверно, с ними приключилась какая-то беда, — ответил я.

— Черт бы побрал их беды! — разразился он проклятьем. — А я? Только трое седоков, только трое заплатят! Я мог потерять и лодку и жизнь. Ради чего я рисковал?

— Ночь еще не прошла, — умолял Мин, — может, седоки еще подойдут.

Буйвол недовольно заворчал, но в конце концов сказал:

— Подожду полчаса, не больше.

Лодочники уселись на перила и принялись придирчиво нас разглядывать. Глаза у всех привыкли к темноте, да еще взошла, отражаясь в чистой воде, яркая полная луна, так что мы неплохо друг друга видели.

Кровь моя вскипела от негодования, когда я заметил, как долго эти грубые парни разглядывали девушку. Немного погодя лодочники о чем-то зашептались друг с другом. Нам осталось лишь ждать дальнейших событий.

Беженцы так больше и не появились, и, наконец, лодочники, поднявшись со своего насеста, объявили:

— Пора.

Мину и мне следовало бы оставаться начеку, но, охваченные волнением от близкого окончания нашего путешествия, оба не смогли проявить той осторожности, которая помогала нам прежде. Мы схватились за наши узлы, и через мгновение Буйвол оказался у меня за спиной, приставив мне к горлу лезвие ножа. В тот же миг Мин ощутил спиной укол кончика обоюдоострого ножа Пугала.

Все застыли в недвижном безмолвии, пока Буйвол не рассмеялся и не сказал:

— Ах да, мы забыли вам объяснить. Мы решили, что у вас найдется плата лишь за одно место, — и он рявкнул, обращаясь к Вин Юн. — Шевелись, принцесса! Полезай ко мне в лодку!

— Я не двинусь с места, пока вы не бросите свои ножи! — гневно отпарировала она.

Не успели слова слететь с ее губ, как разум начал проникаться безрадостностью нашего будущего. Она быстро поняла: чтобы Мин и я вырвались, лодочников надо отвлечь. Ее вера в силу жадеитовых драконов — защитников, подаренных бабушкой, — оказалась столь велика, что она точно знала, как поступить.

Она встала, горделиво выпрямившись, вызывающе улыбнулась, подняла левую руку и откинула за плечо прядь длинных волос — и взгляду Буйвола во всей красе открылась изумительной резьбы жадеитовая серьга, свисавшая с мочки ее левого уха. Он тяжело задышал, оценив украшение, и крикнул товарищу.

— Разрази меня гром, это удача висит у нее в ухе!

Затем Вин Юн повторила свой жест правой рукой, открыв Пугалу жадеитового дракона, качавшегося у ее правой щеки.

Может быть, явная ценность украшений приковала взоры грубых лодочников к жадеитовым драконам Вин Юн. Возможно, лишь игра лунного света на множестве граней замысловато вырезанных драконов создала впечатление, что эти древние фантастические существа ожили. Возможно, то был лишь обман зрения, и просто показалось, что драконы скорчились, выгнули спины и рассерженно глянули на Буйвола и Пугало. Возможно, на самом деле крошечные драконьи лапы не потянулись к лодочникам, вырастая все больше и выставляя огромные крючковатые ногти…

Взявший меня в плен, охваченный жадностью или завороженный ужасом, позволил лезвию ножа отодвинуться от моего горла. Ненамного, но достаточно, чтобы дать мне возможность, которой я дожидался. Я схватил его руку, державшую нож, и дернул вниз. Одновременно, припоминая уроки кун фу, резко ударил Буйвола затылком по лицу. Вопя от боли, он выронил нож и повалился на спину, схватившись за лицо руками.

Тут пришел в движение и Мин. Кончик ножа упирался ему в спину, поэтому он оторвался от противника, бросившись вперед, и в то же самое время, точно мул, внезапно сокрушительно лягнул Пугало в пах. Пугало сразу согнулся пополам и упал. Полностью выбыв из борьбы, он, хныча, лежал на полу беседки.

Буйвол, однако, быстро оправился от потрясения, вызванного моей первой атакой, и встал в низкую стойку, готовый к защите или

нападению. Видя, что я пытаюсь ощупью найти оброненный нож, он решил прыгнуть на меня, надеясь сбить с ног, пользуясь преимуществом в силе. Заметив его бросок, я дернулся навстречу, под его падающее тело. Когда он оказался прямо надо мной, я изо всех сил прыгнул вверх. Буйвола отбросило. Он перевернулся в воздухе и рухнул поясницей на перила с таким тошнотворно громким хрустом, что даже погруженный в себя Пугало поднял глаза. Казалось, Буйвол вечность балансировал на перилах, а потом медленно, ногами вперед, соскользнул в воду по стене беседки — словно совершилась непотребная пародия на морские похороны. Пугало, подтащившись к краю беседки, закричал в истерике:

— Он пропал! Пропал! Камнем пошел ко дну!

Мин ответил:

— Так случится и с тобой, если ты не уберешь с моих глаз свои отвратительные мощи.

Потом он схватил Пугало за воротник, рывком заставил его встать на ноги и дал такого тычка, что лодочник побежал, спотыкаясь, но не оборачиваясь, туда, в хаос тогдашнего Китая.

К счастью, Мин кое-что понимал в лодках, а дорога была мне немного знакома по предыдущим поездкам в Гонконг. Вот так, с моей и Мина помощью (не имевшей большого значения, как нехотя допустила Вин Юн), жадеитовые драконы благополучно переправили нас к месту назначения. А там началось такое приключение, которое навсегда изменило бы…

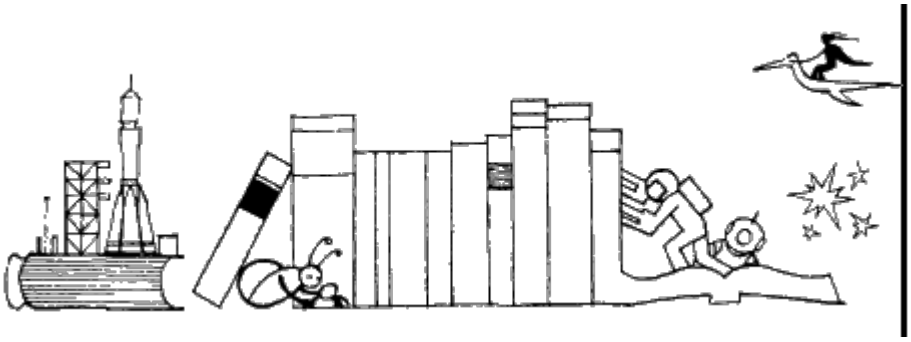
И в эту минуту занимательное повествование гостя нашего стола прервало приближение женщины, чьи сумки отягощали покупки. Хотя волосы у нее были совершенно седые, шла она твердо. Ее глаза, казалось, излучали неиссякаемую уверенность, искрились чем-то таким, что я могу описать лишь как некое забавное озорство.

С явной гордостью и довольством наш застольный гость-рассказчик сказал:

— Моя жена, господа.

Когда она кланялась, отвечая на наши почтительные приветствия, у мочек ее ушей закачались жадеитовые драконы-близнецы. Туда-сюда. Ритм жизни. Ужасное и чудесное.

БИБЛИОГРАФИЯ



В духе китайской традиции предварим и наблюдения китайских

исследователей стихотворением поэта IX века Бо Цзюй-и «Читая Лао-цзы».

«Кто *говорит — ничего не знает,*
знающий — тот молчит».
Эти слова, известные людям,
Лао принадлежат.
Но если так, и почтенный Лао
именно тот, кто знал, —
Как получилось, что он оставил
книгу в пять тысяч слов?»

Ву Ян
Пекинский Нормальный Университет
Ю Юнксионг
Детское книжное издательство

ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ И РАСЦВЕТ ФАНТАСТИКИ

(сопоставление научной фантастики Китая и США)

Перевела Лариса Михайлова

Публикуется с согласия авторов, приславших тезисы доклада на конференцию «Пересмотр и реконструкция литературной истории США: канон, феминизм, этнос». — М.: факультет журналистики МГУ, 1993.

Научная фантастика выделяется в особую ветвь литературы как в Китае, так и в Соединенных Штатах. На первый взгляд, темы произведений сходны. Писатели обеих стран изображают развитие или открытие нового мира. Большинство персонажей — ученые. Но существует глубинное отличие, не позволяющее рассматривать фантастику в Китае и в США как явления одного порядка.

Во-первых, в американской научной фантастике поле научных исследований бесконечно расширяется. Авторы могут предпринять любое исследование. И стремятся проникнуть в наиновейший мир, попробовать самое неизведанное. Но у китайской НФ есть некие невидимые встроенные ограничения. Будущее, к примеру, может быть только ясным и многообещающим. Моменты, которые мы упомянем ниже, не менее важны, их также надо принять во внимание.

Во-вторых, в американской научной фантастике ученый — это просто исследователь. Но в китайской — это некто, почти равный богу! В Китае ученых издревле почитают.

И в-третьих, новые технологии и научные достижения в США — это что-то родное, полученное дома, а в китайской фантастике — нечто привнесенное извне, импортированное.

В чем причина такой разницы? Она коренится в традициях той и другой страны. Китай — типичная восточная страна с четырьмя почти тысячелетиями литературной истории. Это заставляет китайцев с уважением относиться к тому, что обладает глубокой философской подоплекой. Другими словами, они стремятся обнаружить связь между древними теориями и новыми идеями. Даже открытие должно укладываться в рамки прежних теорий. Само слово «наука» в китайской литературе возникло не так давно — лишь в XVII–XVIII веках, кода Китай стал открыт для иностранцев. И по сей день, хотя в Китае немало собственных ученых, для большинства китайцев наука и техника — нечто «западное».

История США, напротив, не насчитывает и трехсот лет. Люди съехались туда со всего света. Соединение разных культурных традиций порождает смешанную культуру. Множество сосуществующих способов осмысления мира в Америке потому есть не некое умозрение, а повседневная реальность. И имение, из этой реальности научная фантастика как особая литературная ветвь и черпает свою энергию.

Татьяна Лаврова

КИТАЙСКАЯ ФАНТАСТИКА:
Краткий библиографический справочник

История и культура Китая исчисляется более чем тремя тысячами лет и, несомненно, постоянно взаимодействует с историей и культурой многих стран, мира и прежде всего — со странами Азии и Востока.

Китайская фантастика делится на три ветви: 1) традиционная фантастика, уходящая вглубь веков и явившаяся нам в виде мифов; 2) фантастика средневековая (ярким примером может служить роман У Чэнъэня «Путешествие на Запад»); 3) НФ, которая до сих пор остается редким литературным жанром в Китае.

Историю китайской НФ можно считать почти неисследованной, хотя появляются отдельные небольшие работы, в которых делается попытка проследить ее развитие.

Ростки НФ коренятся в китайских мифах многовековой давности. В одном из них храбрый стрелок Хоу-и сражался с десятью солнцами, одновременно вспыхнувшими над Землей и грозившими погубить все живое на ней, луком и стрелами — высшим достижением тогдашней техники. С тех пор для всех землян светит одно Солнце.

Другой миф, который иногда воспринимают как продолжение истории лучника Хоу-и, еще ближе подступает к границам НФ, так как в нем преобладают два мотива: найти напиток бессмертия и перенестись на Луну. Последний из них можно считать едва ли не самым древним свидетельством в мировой культуре о мечте человека оторваться от Земли и свободно парить в небесных просторах.

Развиваясь, классическая китайская литература принесла множество разнообразных произведений на фантастическую тематику, некоторые из них можно отнести к НФ: нахождение эликсира вечной молодости, путешествие в глубь Земли, полете в космос, к звездам, перевоплощение человека в животное или растение, вызов духов, производство необыкновенных веществ в алхимических печах.

В XVI веке появилось одно из самых выдающихся фантастических китайских произведений — роман У Чэнъэня «Путешествие на Запад», где с его героем Сунь Укуном — Царем обезьян — происходят невероятные вещи: он тает во мгле, передвигается в воздухе на тучах, одним прыжком одолевает тысячи миль, вырывает у себя клок шерсти и, дунувши на него, превращается в тысячи обезьян. Сунь Укун владел семидесятый двумя способами перевоплощения, все они красочно описываются в романе.

К фантастическому жанру можно отнести вторую часть романа-путешествия Ли Жучжэня «Цветы в зеркале». Первая его часть — сатира на тогдашнее китайское общество. Автор, не решившись откровенно высмеять чиновничество, перенес действие в сказочную страну, где господствуют женщины… Вторая часть романа посвящена морским путешествиям. Главный герой после неудачи на государственных экзаменах отправляется в далекое плавание на корабле свекра. Корабль, гонимый злыми ветрами, пристает к берегам чудесных стран, где всё, даже внешний вид жителей, прямо противоположно тому, что окружает героя. В этой фантастической части произведения сатира возведена в высшую степень.

Из произведений фантастического жанра XVII в. следует отметить «Легенды о начале мира» Чжоу Юя и «Рассказы о чудесах из кабинета Ляо Чжая» Пу Сунлина.

Особое место занимает сборник «Удивительные истории нашего времени и древности: Избр. рассказы из сб. XVII в.» — «Цзинь гу цигуань». Хотя составитель неизвестен, но по сумме различных свидетельств можно с большей или меньшей степенью точности утверждать, что им был широко известный писатель Фэн Мэн-лун, собиратель народных повестей и драм. Темы и сюжеты для историй черпались из народных преданий, рассказов об удивительных событиях и т. д. Тематика повестей самая разнообразная: семейно-бытовые сцены, необыкновенные любовные истории, воинские подвиги, сказочные приключения в потустороннем мире, похождения даосских святых в борьбе с нечистой силой и оборотнями.

Повести, включенные в сборник, написаны в большинстве своем профессиональными писателями, использовавшими жанровую форму, выработанную народными рассказчиками. Здесь мы встречаем множество народных поговорок, афоризмов. Здесь часто рассказывается о благородной дружбе, о бескорыстной любви, о справедливых судьях и чиновниках, которые воздают должное корыстолюбивым и хитрым богачам. Надо отметить, что часто главным героем историй являются женщины из разных сословий. Тема, пронизывающая большинство рассказов, — социальное обличение. Обращает на себя внимание точка зрения польского китаиста Т. Жбиковского, который считает, что классическая фантастическая проза и мифология повлияли не только на развитие современной китайской научной фантастики, но и западно-европейской.

Почти до середины XIX века Китай проводил политику «закрытых дверей», поэтому переводы научно-фантастических произведений зарубежной литературы появились в Китае относительно поздно. Так, роман Ж. Верна «Вокруг света за 80 дней» (первый западный научно-фантастический роман) появился только в 1900 году. В 1903 году в переводе Лян Цичао издан «Пятнадцатилетний капитан» того же писателя. В том же 1903 году увидели свет еще два романа Ж. Верна

«Вокруг Луны», «Путешествие к центру Земли» в переводе известного китайского современного писателя Лу Синя с японского языка. Интересно отметить, что в предисловии к первому роману Лу Синь высоко оценил значение НФ для приобретения новых знаний, считая их мощным толчком в интеллектуальном развитии китайского общества. После окончания гражданской войны, уже в 50-е годы в Китае систематически переводятся и издаются другие произведения Ж. Верна: «Дети капитана Гранта», «20 000 лье под водой», «Пять недель на воздушном шаре», «Путешествие к центру Земли», «С Земли на Луну» общим тиражом свыше 5,5 млн. экземпляров. С 1979 года началась существенная переработка многих переводов Ж. Верна. Этот писатель стал одним из самых популярных зарубежных фантастов в Китае.

Второй по числу изданий европейский фантаст — Г. Уэллс. Еще в 1917 году его роман «Остров доктора Моро» был переведен известным китайским прозаиком Мао Дунем. В 50-е годы издан роман «Человек-невидимка», переизданный в 1980 году тиражом 330.000 экземпляров. Появились другие произведения Г. Уэллса: «Машина времени», «Война миров», «Первые люди на Луне», «Люди как боги», «Пища богов».

В 50-е годы стали издаваться произведения советских фантастов: А. Р. Беляева, И. А. Ефремова, А. К. Толстого и др. В 1980 году вышел сборник «В мертвом пространстве», куда вошли 19 повестей советских фантастов.

В 70-е годы, когда нормализовались китайско-американские отношения, стали появляться произведения американских фантастов. В 1980 году тиражом 400 000 издана антология научно-фантастических повестей «Дьявольский треугольник и НЛО», включающая произведения Р. Силверберга, К. Саймака, Р. Бредбери, К. Маклин, Дж. Блиша, Фр. Пола, а также известных фантастов из Англии, Франции, Испании и Канады. Книга разошлась менее чем за месяц. В том же году появились два переводных произведения А. Кларка «Космическая Одиссея 2001 года» и «Встреча в Малами». Готовятся к изданию переводы произведений японских фантастов.

Убедительным свидетельством все возрастающей популярности НФ в Китае является тот факт, что в Шанхайском институте иностранных языков с 1980 года курс лекций по НФ читает проф. Ф. Смит, специально приглашенный из Питтсбургского университета.

Несомненно, под влиянием романов Ж. Верна и Г. Уэллса в 30-е годы появились первые современные китайские научно-фантастические произведения. Самым значительным из них является роман Лао Шэ «Записки о кошачьем городе». Действие романа происходит на Марсе, где разбился китайский космический корабль. Уцелевший в катастрофе китаец оказывается среди котолюдей, жителей этой планеты: он перенимает их привычки и вскоре погибает вместе с ними.

В Китае роман приняли сдержанно, усмотрев в нем сатиру на некоторые национальные черты. На самом деле произведение глубоко гуманистично, имеет все основания рассматриваться как панорама нравов любого человеческого общества.

В то же время появилась повесть известного прозаика Чжан Тяньи «Записки из мира духов», в которой изображены определенные негативные черты китайцев, обусловленные прежде всего излишней церемониальностью и бюрократизмом. В 1940 году известный популяризатор науки Жу Юньшэнь издал сборник китайских научно-

фантастических рассказов «Сновидения о мире», где говорится о возможностях и практическом применении различных технических открытий. Развитие китайской НФ последних тридцати лет можно разделить на 3 периода. Первый приходится на 1955 — 57 годы, когда в Китае проходила кампания либерализации в культурной сфере. Потом наступил период «большого скачка» и борьбы с правым уклоном, поэтому появление новых работ по НФ, очень популярных в Китае, было отодвинуто до 1962 года. Затем наступила «культурная революция», которая фактически более чем на два десятилетия наложила табу на НФ. В 1976 году стали активно переводиться на китайский язык произведения западных фантастов, что подстегнуло развитие современной китайской фантастики.

Возвращаясь к 50-м годам, надо отметить сборник молодежной прозы, изданный в 1954 — 55 годах, где помещен фантастический рассказ «С Земли на Марс» популярного в Китае писателя Чжэна Вэньгуана. В эту книгу включены два поэтических произведения — научно-фантастические поэмы, автором которых является Гао Шици. Одна из них «Дядечка Хронос» — раздумья о категории времени и разных его измерениях. Вторая — «Работа Солнца» — рассказ в стихах о свойствах солнечного света и его влиянии на земные явления.

Рассказ Е Чжышаня (писал под псевдонимом Юй Чжи) «Погибший старший брат» и «Путешествие на Луну» можно считать началом китайской детской фантастики. К заметным произведениям НФ относятся рассказы Чи Шучана «Слон с оторванным ухом», «Секрет пловца-чемпиона под номером 3».

После 1962 года появилось около десятка произведений НФ, среди которых можно выделить повесть Сяо Цзяньхэна «Необыкновенные приключения Пука». Пук — кличка пса, которого переехал самосвал. Чтобы сберечь неповторимые его черты, ученые привили его мозг другому псу, в результате чего возникли смешные ситуации, которые хорошо воспринимались молодыми читателями.

В 1966-67 годах образовалась ощутимая пауза в китайской научной фантастике и публикациях на эту тематику. Исключением стал рассказ Е Юнлэ «Необыкновенный торт» об открытии искусственной пищи путем выделения белка из нефти.

В 1976 году начался новый этап китайской НФ появилось много разнообразных по форме и содержанию произведений. Среди них особенно выделяются «Полет к созвездию Пегаса» уже упоминавшегося Чжэн Вэкьгуана, «Отблески смерти на атоле» Туна Эньчжэна, «Путешествие *в* будущее малого Лин Туна» Е Юнлэ.

Чжэн Вэньгуан родился в 1929 году в провинции Гуаньдунь, изучал астрономию в Кантонском университете, работал в Гонконге в молодежном журнале. По приезде в Китай работал в ежемесячнике «Наука для масс». В настоящее время является научным сотрудником астрономической обсерватории при Пекинском филиале АН Китая, советником Института футурологических исследований и главным редактором журнала «Древо мудрости». Дебютировал он в НФ рассказом «С Земли на Марс» (1954). Потом появились рассказы «Запись наблюдений за Солнцем», «Черный скарб», повесть «Отлетаем от Земли». После «культурной революции» выходит его роман «Полет к созвездию Пегаса» (1979), рассказы «Люди Океании», «Божественный журавль и человек». Затем появляются романы «Удивительный человек из древнего

храма», «В океанских глубинах», «Великий сход в ночь рокового освещения» и много других произведений.

Тун Эньчжэн родился в 1935 году в провинции Хунань. Окончил исторический факультет Сичуанского университета. В настоящее время *является* там научным сотрудником по археологии Юго-Западного Китая и китайской палеографии. Первые его произведения НФ появились в конце 50-х годов: «Пришельцы из пятисотлетней древности», «Загубленный робот», «Утраченная память».

В 1960 году Шанхайское молодежное издательство выпустило роман Тун Эньчжэна «Таинственная мгла в старинном ущелье». После «культурной революции» написал еще несколько научно-фантастических романов. Наибольшую известность получили: «Дьявольская свирель со снежных гор», «По следам динозавров», «Возвращение космонавта», «Отблески смерти на атоле».

Тун Эньчжэн, как и Чжэн Вэньгуан — член Международного сообщества НФ («World Science Fiction»), многих других обществ.

Е Юнлэ родился в 1940 году в провинции Чжицзян. Учился на химическом факультете Пекинского университета. В настоящее время работает на Шанхайской студии научно-популярных фильмов. В 1961 году написал роман «Удивительные приключения маленького Лин Туна» (переизданный в 1978 году под названием «Путешествие в будущее маленького Лин Туна») и научно-фантастические рассказы «Удивительные следы на самой высокой вершине мира», «Вторая пара ног».

В конце 70-х и в 80-е годы появились его рассказы и романы: «После потери носа», «Люди на пути к звезде Короля Ада», «Удивительный недуг», «От смерти не отмахнуться», «Сверхблагодарность», «Битва в темноте», «Тайная бригада» и др.

Е Юнлэ занимается также теорией литературной НФ. В 1980 году появилось его исследование «О литературе и искусстве, которые стали достоянием науки». Он автор нескольких обзоров по китайской НФ.

Из современных произведений НФ следует назвать роман Янь Цзяци «Путешествие сквозь века» (1978), роман «Ошибка профессора Шалома» Сяо Цзяньхэна, «Колумб из Америки» Лю Синши, «Акты дела Х-3» Е Юнлэ, «Тайная волна» Вэн Сяода, «Люди и бесы» Цзинь Тао, сборник произведений Цзя Пиньао (1986) и др.

Исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что китайская фантастика, включая НФ, имеет свою долгую историю, свои традиции и заслуживает глубокого изучения.

Настоящий обзор НФ в Китае сделан на основании сокращенного перевода статьи: Жбжовський Т. Нотатки з історіі китайськоі наукової фантастики //Всесвіт = Весь мир. — К. 1990. — № 8. — С. 146–149 /Пер. с пол. Назаренко Вл.; Пер. с укр. Лавровой Т. С. ©

Принятые сокращения:

ВГБИЛ — Всероссийская (бывш. Всесоюзная) государственная библиотека иностранной литературы.

ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук.

РГБ — Российская Государственная библиотека (бывш. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

В китайских именах по новым правилам транскрипции второй и третий слоги имени пишутся слитно (Глаголева И. К. От составителя // Китайская классическая литература: Библиогр. указ. рус. пер. и крит. лит. на рус. яз. — М., 1986. — С. 6.).

РГБ, ИНИОН, ВГБИЛ

Справочники

Лю Дэчжуи. Чжунго вэньсюе бяньнянь лу. — Шанхай: Чжиши чубаньшэ, 1989. — 6, 304 с. — Библиогр.: с. 277. — Указ.: с. 278–302. — Кит.

История китайской литературы с 21-го века до н. э. до 1986 года. Хронологический справочник.

ИНИОН

Literary migrations: Trad. Chin, fiction in Asia: 17th-20th centuries / Ed. by Salmon C. — Beijing, 1987. — 662 p. — Bibliogr.: p. 641–655.

Литературная миграция: Традиционная китайская фантастика в Азии. 17–20 вв. Справочник.

ВГБИЛ

Указатели литературы по китайской фантастике

Гу Сю. Хуйкэ шуму. — Чанчжоу: Умэнюань чжэныни чункань, 1875. — Кит. Кн. 1. — 76 л. Кн. 2. — 80 л. Кн. 3. — 82 л. Кн. 4. — 82 л. Кн. 5 — 90 л. Кн. 6. — 74 л. Кн. 7. — 76 л. Кн. 8. — 80 л. Кн. 9. — 78 л. Кн. 10. — 206 л. Кн. 11. — 90 л. Кн. 12. —136 л.

Каталог древних и фантастических китайских книг. Кн. 1-12. РГБ

Жбжовський Т. Нотатки з історіі китайськоі наукової фантастики //Всесвіт = Весь мир. — К. 1990. — № 8. — С. 146–149.

Заметки по истории китайской НФ. Перевод из польского журнала «Fantastyka» (1989, № 1). Назаренко Вл. Тадеуш Жбиковский — китаист, профессор Варшавского университета, автор многочисленных трудов, переводов с китайского, включая фантастический роман У Чэнъэня «Путешествие на Запад».

РГБ, ИНИОН

China //Science fiction and fantasy: Ref. ind. 1878–1985. — N.Y., 1987. Vol. 1. —P. 579–582. Vol. 2. — P. 720–721.

Китайская НФ. Библиография.

ИНИОН

Guo Jianzhong. Brief history of Chinese SF //Rev. of fantasy a. SF. — 1984. —7(3). — Apr. — P. 11–12.

Краткая история китайской НФ. Обзор.

Tan Yunji. SF in China: A brief hist. rev. //Foundation. — 1982. — Oct. 26. —P. 72–78.

НФ в Китае: краткий исторический обзор.

Ye Yonglie. Chinese SF //Anatomy of wonder. — 2 ed. — N.Y.: Bowker, 1981. —P. 497–506.

Обзор китайской НФ.

Ye Yonglie. SF magazines in China //Locus. — 1983. — 16. May. — P. 13.
Научно-фантастические журналы в Китае. Обзор.

Locus: Amer. fanzine. — N.Y., 1968. —
«Локус» — американский журнал по фантастике, издается с 1968 года (сначала Чарли и Машей Браун в Нью-Йорке, затем Чарли и Деной Браун в Сан-Франциско). Журнал содержит полную информацию о публикациях, фильмах, радиопередачах и других источниках НФ, а также солидные библиографические обзоры по НФ. Благодаря относительно большому тиражу и регулярному выходу в свет «Локус» зарекомендовал себя в качестве основного источника новостей в области НФ. В частности, в журнале часто печатаются обзоры состояния НФ в разных странах, в том числе и в Китае.
К сожалению, в крупнейших библиотеках России (РГБ, ИНИОН, ВГБИЛ) он отсутствует.

ФАНТАСТИКА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Общие работы
Генкель Г. Г. Грезы и думы Востока. — Л.: Изд-во Сойкина, 1926. — 80 с.
О Китае: С. 5–51.
РГБ; ВГБИЛ

Георгиевский С. М. Мифические воззрения и мифы китайцев. — Спб., 1892. — XIV, 118, XVI с.
РГБ; ВГБИЛ

Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. — М.: Наука, 1979. — 266 с.
Рец: Боронина И. Литературная мысль Древнего Китая
//Вопр. лит. — 1980. — № 2. — С. 281–287; Кроль Ю. Л. //Народы Азии и Африки. — 1980. — № 5. —С. 228–235.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Меринов С. В. Об утопических мотивах в китайской поэзии // Литература двух континентов. — М., 1979. — С. 7—16.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Федоренко Н. Т. Древние памятники китайской литературы. — М.: Наука, 1978. — 320 с.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Zbikowski T. Legendy i pradzieje Kraju Srodka. — W-wa: Iskry, 1978. — 458 s., il. — Bibliogr.: s. 440–457.
Отражение истории и культуры Китая в китайских мифах и легендах.
ИНИОН; ВГБИЛ

Литературные памятники

Волшебное зеркало. Дотанские новеллы /Сост. Тишкова А. — М.: Гослитиздат, 1963. — 136 с.

Истории о чудесах.

Рец.; Эйдлин Л. Зеркало поэзии //Иностр. лит. — 1964.— № 10. — С. 260–261.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Дважды умершая. Старые кит. повести /Пер., коммент. Воскресенского Д. Н.; Пер. стихов Черкасского Л. — М.: Худож. лит., 1978. — 406 с.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Пурпурная яшма: Кит. повеет, проза I–VI вв. /Сост., ред. пер., коммент. Рифтин Б. — М.: Худож. лит., 1980. — 366 с., ил.

Рец.: Евсюков В. В. //Народы Азии и Африки. — 1983. — № 6. — С. 200–202.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Рассказы о необычайном: Сб. дотанских новелл / Сост Тиш-ков А.А. — М.: Наука, 1977. — 112 с., ил.

Рец.: Зайцев В. Реализм фантазии //Иностр. лит. — 1979. — № 3. — С. 257–258.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Персоналии

Сыма Сянжу

179–118 до н. э.

Сыма Сянжу — крупнейший одический поэт китайской древности. Из почти трех десятков знаменитых од Сыма Сянжу сохранились только шесть. По сути дела именно он создал этот жанр, отличавшийся эпической широтой в сочетании с поэтичностью, гибкостью и изысканностью формы. В оды «Цзы Сюй», «Императорские леса» поэт впервые открыто вводит вымышленные персонажи — хотя и много веков спустя китайская литература всегда старалась придать вымышленным героям видимость реальных личностей.

Сыма Сянжу //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. стран зарубеж. Востока: Лит. — библиогр. справ. — М., 1975. — С. 283–284.

Сыма Сянжу. Поэма об охоте. — Ода об ошибках императора Эр Ши-хуана. — Ода о великом человеке /Пер. Адалис А. //Китайская литература: Хрестоматия. — Т. 1. — М.,

1959. — С. 183–194.

РГБ; ВГБИЛ

Сыма Сянжу. Там, где длинны ворота: Поэма /Пер. Алексеева В. М. // Китайская классическая проза. — М., 1958. —

С. 71–76.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Сыма Цянь. Жизнеописание Сыма Сянжу //Сыма Цянь. Избранное. — М., 1956. — С. 283–325.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Цао Чжи
192–232

Цао Чжи. Цикл стихов «о путешествии к небожителям». В стихах поражает буйная фантазия автора: он в платье из перьев птиц мчится на могучих драконах, погоняя плетью-молнией летящего единорога. В этом отрешении от всего земного, в стремлении уйти за пределы «девяти областей» сказался протест Цао Чжи против зла и жестокости, царивших в реальном мире.

Цао Чжи //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. — библиогр. справ. — М., 1975. — С. 285–286.

Цао Чжи. Семь печалей: Стихи /Пер., примеч. Черкасского Л. Е. — М.: Гослитиздат, 1962. — 142 с.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Тао Юаньмин
365–427

Тао Юаньмин — известный поэт. До нас дошли 160 его стихотворений и несколько прозо-поэтических сочинений. Поэзия Тао Юаньмина посвящена воспеванию независимой жизни человека, освободившегося от служебных тягот, пронизана нравственными проблемами. В его произведениях нашло свое выражение все лучшее, все самое нравственное, что было накоплено китайской мыслью за века до него. Одно из ярких следствий этого — фантазия «Персиковый источник» — о счастливой крестьянской стране, где все равны и «государевых нет налогов».

Тао Юаньмин //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. стран зарубеж. Востока: Лит. — библиогр. справ. — М., 1975. — С. 286–287.

Тао Юаньмин. Персиковый источник. — Домой к себе. — Жизнь ученого «пяти ив». — Запрет на любовь /Пер. Алексеева В. М. //Китайская классическая проза. — М., 1958. — С. 172–187.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КИТАЙСКАЯ ФАНТАСТИКА

Общие работы

Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая: Истоки сюжетов и их эволюция, VIII–XIV вв. — М.: Наука, 1980. — 326 с.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Голыгина К. И. Китайская проза на пороге средневековья. — М.:

Наука, 1983. — 240 с.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Литературные памятники

Гуляка и волшебник: Танские новеллы, VII–IX вв. /Сост. Эйдлин Л.; Пер. Соколовой И., Фишман О.; Коммент. Соколовой И.; Стихи в пер. Марковой В.; Подстрочи, пер. стихов Таскина В. — М.: Худож. лит., 1970. — 382 с., ил.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Разоблачение божества. Средневек. кит. повести /Пер., коммент. Вельгуса В. А., Циперович И. Э.; Сост. Вельгус В. А. — М.: Наука, 1977. — 520 с., ил.

Персоналии

Ли Бо (Ли Тайбо)
701–762

Ли Бо — мятежному гению, «небожителю, спустившемуся с небес», все творчество которого — непрерывный поиск, необузданный взлет фантазии, неуемный оптимизм и свободолюбие, романтическая взволнованность и глубина мысли, принадлежит особое место в китайской поэзии. В его стихах луна светит постоянно, ибо она символизирует дружбу и верность, родину и близких. Элементы даосской философии также находят место в его поэзии. Ли Бо стремится в фантастический мир бессмертных, где царит правда и справедливость. В этих стихах поэт особенно часто прибегает к излюбленным своим приемам — гиперболизованным образам, мифологическим сюжетам.

Ли Бо //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. стран зарубеж. Востока: Лит-библиогр. справ. — М., 1975. — С. 288–289.

Ли Бо. Избранная лирика /Пер. Гитовича А.; Примеч. Монзе-лера Г.О. — М.: Гослитиздат, 1957. — 174 с.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Ши Найань
1296–1370

Ши Найань — выдающийся китайский прозаик, автор романа «Речные заводи», созданного на основе народных преданий. Воспев в этом огромном романе повстанцев, писатель сумел еще смелее и глубже, чем авторы других китайских эпопей, выразить свою мечту о героях, способных избавить родину от гнета. «Речные заводи» положили начало китайской «многоглавной прозе», которая развивалась вплоть до 20 в. и обладала специфической композицией: стихотворные вкрапления, интригующие концовки глав, передача действия от одного персонажа к другому.

Героями «Речных заводей» являются участники народного восстания XII в.: вождь Сун Цзян — «Справедливый» (единственный реальный персонаж, имя которого заимствовано из хроник), Лу Да — «Татуированный монах», Линь Чун — «Барсоголовый» и др.

В 70-й главе мы видим уже не богатырскую вольницу или стан

мятежников, как вначале, а идеальное государство со своей экономической системой и политическими учреждениями.

Роман «Речные заводи», занимающий совершенно исключительное место в китайской литературе, перекликается с' литературой европейской, например с английскими балладами о Робине Гуде или немецкой народной книгой о Тиле Уленшпигеле.

Ши Найань //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. стран зарубеж. Востока. Лит. — библиогр. справ. — М., — 1975. — С. 300–301.

Ши Найань. Речные заводи /Пер. Рогачева А. П.; Под ред. Колоколова В. С. — М.: Гослитиздат, 1955. — Т. 1–2.

РГБ; ВГБИЛ; ИНИОН

Ло Гуанъчжун
Ок. 1330–1400

Родоначальник исторического романа в Китае. «Троецарствие», «Повествование о династиях Суй и Тан», «Повествование о гибели династии Тан и периоде Пяти династий» и фантастический роман «Усмирение оборотня» («Три Суя усмиряют оборотня»). Ло Гуаньчжуну в некоторых источниках приписывается и авторство (иногда редактура) романа «Речные заводи», автором которого принято считать Ши Найаня.

Ло Гуаньчжун //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. стран зарубеж. Востока: Лит. — библиогр. справ. — М.: Книга, 1975. — С. 301.

Ло Гуаньчжун. Сань суй пинъяо чжуань /Чжан Жунци чжэн-ли. — Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 1983. — 4, XVIII, 192 с., ил. — Кит.

Повествование о том, как три тезки усмирили бунт волшебника в правление Северных Сунов. Историко-фантастический роман с комментариями.

ВГБИЛ

Ло Гуаньчжун. Троецарствие: Роман /Пер. с кит., коммент. Панасюка В. А.; Под ред. Колоколова В. С. — М.: Гослитиздат, 1954.

Т. 1. — 786 с., ил. Т. 2. — 790 с., ил.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Ло Гуаньчжун. Троецарствие. Роман /Пер. с кит. Панасюка В. А. — М.: Худож. лит., 1984. — 790 с., ил.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Шэнь Боцзюнь, Тань Лян су. Саньго янъи цыдянь. — Чэнду: Башу шушэ, 1991. — 70, 942 с., ил. — Указ.: с. 747–915: — Кит

Словарь по роману «Троецарствие».

ИНИОН

Алексеев В. М. Новые издания знаменитых китайских романов //Восток. — 1925. — № 5. — С. 236.

«Троецарствие», «Сон в Красном тереме», «Путешествие на Запад».

РГБ, ИНИОН

Рифтин Б. Л. Литература по теме «Троецарствие» //Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. — М., 1970. — С. 442–472.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

КИТАЙСКАЯ ФАНТАСТИКА 16—17 ВВ

Общие работы

Боревская Н. Е. Мореплаватели в мире духов. Кит. загроб. мир и его худож. осмысление в романе XVI в. //Изучение китайской литературы в СССР. — М., 1975. — С. 121–141.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Воскресенский Д. Н. Даосские мотивы в художественной прозе Китая. Тема жизни-сна в лит. XVII в. //Народы Азии и Африки. — 1975. — № 4. — С. 100–111.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Воскресенский Д. Н. Понятие художественного вымысла и его место в ранних теориях «низкой прозы». Из истории эстет. мысли Китая XVI–XVII вв. //Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. — Вып. 1. — М., 1978. — С. 40–46.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Воскресенский Д. Н. Утопические мотивы в китайской прозе XVII века: Тема поисков «счастливого края» //Народы Азии и Африки. — 1971. — № 2. — С. 102–110. — Рез. англ.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Литературные памятники

Возвращенная драгоценность: Кит. повести XVII в. /Сост., пер., коммент. Воскресенский Д. Н. — М. Наука, 1982. — 302 с.
Рец. Бежин Л. Рассказы совершенно удивительные //Лит. обозрение. — 1983. — № 6. — С. 70–72.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Заклятие Даоса. Кит. повести XVII в. /Сост., пер., коммент. Воскресенский Д. Н. — М.: Наука, 1982. — 334 с.
Рец. Бежин Л. Рассказы совершенно удивительные //Лит. обозрение. — 1983 — № 6. — С. 70–72.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Проделки Праздного Дракона. Двадцать пять повестей XVI–XVII вв. /В пер. с кит. Воскресенского Д. Н.; Стихи в пер. Смирнова И., Черкасского Л; Худож. Копылов Ю. — М.: Худож. лит., 1989. — 718 с., ил.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Удивительные истории нашего времени и древности /Пер., примеч. Вельгуса В. А., Циперович И. Э. — 2 изд. — М.: Изд-во воет, лит., 1962. Т. 1. — 454 с. Т. 2. — 454 С.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Эта книга — знаменитый сборник китайских средневековых повестей, составленный в середине XVII века. Сюжеты повестей часто заимствовались из популярных народных преданий, рассказов об удивительных происшествиях, записей в старинных книгах или даже из официальных летописей.

Тематика повестей самая разнообразная: семейно-бытовые сцены, необыкновенные любовные истории, воинские подвиги, сказочные приключения в потустороннем мире, похождения даосских святых в борьбе с нечистой силой и оборотнями.

Сюжет строится интересно и остро, невероятное вторгается в повседневное, язык «Удивительных историй...» прост и понятен.

Персоналии

У *Чэнъэнь*
Ок. 1500–1582

У Чэнъэнь — знаменитый китайский романист. Писатель создал блистательный фантастическо-приключен веский роман «Путешествие на Запад», переполненный всевозможными чудесами и неслыханными подвигами, порожденными богатейшей народной фантазией. Вместе с тем книга содержит множество реалистических описаний различных сторон китайской жизни и быта, нередко поданных в сатирическом преломлении, и может служить подлинной энциклопедией жизни и верований средневекового Китая.

У Чэнъэнь //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. стран зарубеж. Востока. Лит. — библиогр. справ. — М., 1975. — С. 302–303.

У Чэнъэнь. Сиюцзи. — Пекин: Цзоцзя чубаныиэ, 1954. — 8, 1132 с., ил, — Кит.

Роман «Путешествие на Запад». Записки о путешествии на Запад в великую Танскую эпоху за буддийскими книгами.

ВГБИЛ

У Чэнъэнь. Путешествие на Запад: Роман. — М.: Гослитиздат, 1959.
Т. 1. /Пер., примеч. Рогачева А. П. — 456 с., ил.
Т. 2. /Пер., примеч. Рогачева А. П. — 448 с., ил.
Т. 3. /Пер., примеч. Колоколова В. С. — 488 с., ил.
Т. 4. /Пер., примеч. Колоколова В. С. — 584 с., ил.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Рогачев А. П. У Чэнъэнь и его роман «Путешествие на Запад»:
Очерк. — М.: Наука, 1984. — 118 с.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

«Путешествие на Запад» («Сиюцзи», XVI в.) У Чэнъэня китайские историки литературы относят к «четырем жемчужинам» повествовательной прозы, помещая его в один ряд с такими

прославленными произведениями, как «Троецарствие» («Саньгочжи», XIV в.) Ло Гуаньчжуна, «Речные заводи» («Шуйхучжуань», XIV — нач. XV в.) Ши Найаня и «Цзинь, Пин, Мэй» (аноним XVI в.).

Вот уже свыше трехсот лет роман этот пользуется в Китае необыкновенной популярностью. Роман неоднократно инсценировали. Постоянно обращаются к различным эпизодам романа народные сказители. Некоторые персонажи включены даже в число божеств и их изображения — рисованные или скульптурные — можно встретить в монастырях и храмах Китая.

Сюжетную линию образовало реальное историческое событие — паломничество буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными книгами, совершенное в годы правления династии Тан (618–907), когда особенно усилился интерес к буддизму, пришедшему в Китай из Индии еще во II в. н. э. Уже в Танскую эпоху имя Сюань-цзана стало популярным в Китае и не только благодаря тому, что из Индии он привез более 600 коробов сутр. Сюань-цзан написал книгу о своей поездке — «Записки о Западном крае во времена Великой Тан» («Да Тан Си юй цзи», VII в.), значение которой «простирается далеко за пределы эпохи Сюань-цзана, она намного шире рамок обычного информационного описания» (Шефер Э. Золотые персики Самарканда. — М., 1981. — С. 359).

Широкой известностью «Путешествие на Запад» пользуется на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Из советских исследователей-синологов самое пристальное внимание проблематике романа уделила О. Л. Фишман, исследовавшая мировоззрение У Чэнъэня. (Фишман О. Л. Китайский сатирический роман: Эпоха Просвещения. — М., 1966).

Важным событием следует считать появление в 1959 г. полного перевода «Путешествия на Запад» на русский язык, снабженного предисловием и комментариями.

На Западе утвердилась традиция сокращенного перевода романа. У ее истоков стоит крупнейший английский синолог и переводчик Артур Уэйли, издавший в 1943 г. в Лондоне роман не только в сокращенном виде, но и под другим названием — «Обезьяна», а через год в варианте для детей — «Приключения обезьяны»; с перевода А. Уэйли сделан и первый немецкий перевод (Цюрих, 1946).

Один из последних переводов по времени появился в 1964 г. в Чехословакии — английская версия Георга Тайнера, озаглавленная «Царь обезьян»; тогда же в Чехословакии был издан и перевод романа на немецкий язык.

Рогачев А. П. Предисловие //Рогачев А. П. У. Чэнъэнь и его роман «Путешествие на Запад». — М., 1984. — С. 4—10.

Никольская С. В. Фантастика и реальность в китайском романе XVI века: По роману У Чэнъэня «Путешествие на Запад». Автореф. дис... канд. филол. наук /МГУ. — М., 1983. — 20 с.

Первая монография на русском языке, посвященная специально этому роману.

РГБ; ИНИОН

Никольская С. В. Эволюция сюжета «Царство женщин» и модификация его стиля //Сб. ст. по языкознанию. — М., 1979. — № 12. —

С. 188–198.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Рифтин Б. Л. От мифа к роману: Эволюция изобр. персонажа в кит. лит. — М.: Наука, 1979. — 360 с., ил. — Библиогр.: с. 311–323. — Указ. с. 324–351.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Пу Сунлин
1640–1715

Пу Сунлин при жизни не получил признания. Первое издание его новелл появилось лишь спустя пятьдесят лет после смерти писателя. Литературное наследие Пу Сунлина обширно и многообразно. Основу его составляют новеллы, известные под названием «Рассказы о чудесах из кабинета Ляо Чжая» (в русском переводе и в некоторых литературоведческих работах встречаются также названия: «Рассказы о чудесах из кабинета Ляо», «Записки о странном из кабинета Разговорчивого» и т. д.). Они представляют собой собрание, включающее около 450 новелл, которые в течение нескольких десятилетий при жизни писателя и после его смерти распространялись лишь в списках. Первое издание их появилось в 1766 году, в урезанном цензурой виде.

Новеллы Пу Сунлина продолжают художественную традицию короткого рассказа (на древнем китайском литературном языке вэньяне), восходящего к «волшебной» прозе IV–VI вв. В то же время они самым тесным образом связаны с народным сказочным творчеством. В них много чудесного и сверхъестественного — добрые и злые духи, небожители и демоны. С людьми тоже постоянно происходят невероятные превращения и таинственные приключения. Иносказательная форма позволяет писателю свободнее и ярче выразить свои мысли. С помощью своих героев — людей и духов — он осуждает и высмеивает зло, воспевает добро. Он порицает жадность, глупость, подлость, лень, но с восхищением говорит о человеческой доброте, искренности, бескорыстии. Иносказание Пу Сунлина часто исполнено большой социальной силы.

Пу Сунлин //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. стран зарубеж. Востока. Лит. — библиогр. справ. — М., — 1975. — С. 304–305.

Первый перевод «Рассказов Ляо Чжая о чудесах» Пу Сунлина на русский язык сделан и опубликован в 1910 году Алексеевым В. М., а потом, на протяжении четверти века, им выпущено четыре сборника этих новелл.

Пу Сунлин. Вызов пляской духа; Сверчок; Проснувшийся дракон; Явления дракона; Придворный врач; Проделка лисицы; Коралл; Почтительный сын /Пер. Баранова И. //Вести.
Азии. — 1915. — Кн. 2, № 34. — С. 30~31, 36–39, 51–53, 60–61.
РГБ, ВГБИЛ

Пу Сунлин. Странные истории / Пер., примеч. Алексеева В. М. — Л.: Мысль, 1928. — 256 с.
РГБ; ВГБИЛ

Пу Сунлин. Рассказы о людях необычайных: Из серии новелл Ляо Чжай чжи и /Пер., коммент. Алексеева В. М. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 494 с.

Рец.: Гриц Т. Новеллы Ляо Чжая //Книга и пролет, революция. — 1938. — № 3. — С. 133–134.

РГБ; ВГБИЛ

Фишман О. Л. Гротеск и фантастика в «Странных историях Ляо Чжая»: На материале повести «Морской торг ракшей» //Теоретические проблемы изучения литературы Дальнего Востока. — М., 1976. — С. 93–96.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Соколова Т. В. Эстетика удивительного в новеллах Пу Сунлина //Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. — М., 1974. — С. 78–80.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Эйдлин Л. З. Василий Михайлович Алексеев и его Ляо Чжай // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. — М., 1973. — С.

3-9.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

КИТАЙСКАЯ ФАНТАСТИКА 18 В

Общие работы

Семанов В. И. Эволюция китайского романа: Кон. XVIII — нам. XX в. — М.: Наука, 1970. — 344 с.

Персоналии

Цао Сюэцинъ

1724–1764

Цао Сюэцинь (настоящее имя Цао Чжань) — автор широко известного романа «Сон в красном тереме» (другое название «История камня»). Он успел завершить лишь 80 глав «Сна...», которые вскоре вызвали множество продолжений. Одно их них, принадлежащее Гао Э (40 глав), наиболее точно соответствует замыслу Цао Сюэциня и считается теперь частью романа.

Книга рассказывает о жизни трех знатных феодальных домов старого Китая (Цзя, Ши и Сюэ), связанных родственными узами.

Традиционный для китайского романа элемент фантастики не нарушает реалистичности повествования, а усиливает его философский, поэтический смысл.

Цао Сюэцинь //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. стран зарубеж. Востока: Лит. — библиогр. справ. — М., 1975. — С. 306–307.

Цао Сюэцинь. Сон в Красном тереме /Пер. Панасюка В. А. — М.:

Гослитиздат, 1958.

КИТАЙСКАЯ ФАНТАСТИКА
19 В

Персоналии

Ли Жучжэнь
1763–1830

Ли Жучжэнь (Ли Сунши) — известный китайский прозаик. В 1810–1825 годах он создал свое лучшее произведение — сатирико-фантастический роман «Цветы в зеркале», впервые изданный в 1828 году. Роман делится на две части, по 50 глав в каждой. В первой из них описываются путешествия чиновника Тан Ао, купца Линь Чжияна и простолюдина До Цзюгуна по разным волшебным странам. У европейского читателя эти главы романа вызовут ассоциации с «Гаргантюа и Пантагрюэлем» Рабле или «Путешествиями Гулливера» Свифта, хотя в условиях почти полной изоляции цинского Китая от всего остального мира Ли Жучжэнь вряд ли мог быть знаком с этими произведениями. Во второй части автор с большим сатирическим мастерством изображает совершенно невероятную для феодального Китая ситуацию: женщины держат экзамены, дающие право занимать чиновничьи должности.

Читатель «Цветов в зеркале» попадает в государство Чернозубых, где жители уродливы внешне, а в душе благородны, а потом в царство Благородных, где покупатель стремится… повысить цену, а продавец — понизить.

Действие романа отнесено к периоду правления танской императрицы У-хоу (VII век). В целом эта книга — крупное явление китайской литературы, наиболее заметное связующее звено между сатирическим романом XVIII в. и обличительным романом начала XX в.

Ли Жучжэнь //Литература Китая //Основные произведения иностранной художественной литературы: Лит. стран зарубеж. Востока. Лит. — библиогр. справ. — М., 1975. — С. 308–309.

Ли Жучжэнь. Цветы в зеркале. /Пер. с кит. Вельгуса В. А., Монзелера Г. О., Фишман О. Л., Циперович И. Э.; Отв. ред. Колоколов В. С. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 786 с., ил.

РГБ; ВГБИЛ; ИНИОН

Рец. Вахтин Б. Китайские литературные памятники //Вопр. лит. — 1960. — № 6. — С. 223–228.

КИТАЙСКАЯ ФАНТАСТИКА
20 В

Семанов В. И. Эволюция китайского романа: Кон. XVIII — нач. XX в. — М.: Наука, 1970. — 344 с.

НФ В КИТАЕ

Aldiss B. W. Chinese perspective //Locus. — 1979. — 12 (11). — Dec. — P. 1, 12.
Английский писатель о перспективах развития НФ в Китае.

Parks M. China: Boom for science fiction //Los Angeles Times. — 1982. — Febr. 19. —P. 15–17.
Бум научной фантастики в Китае.
РГБ

Wu Dingbo. Chinese SF in trouble //Locus. — 1984. — 17.
March. — P. 17.
Трудности развития китайской НФ.

Wu Dingbo. SF report from China: Pt. 2: Chin. SF //Locus. — 1981. — 14 (10). — Nov. — P. 18–20.
Доклад о НФ в Китае. Ч. 2. Китайская НФ.

Wu Dingbo. SF report from China //Locus. — 1983. —Febr. 16. Доклад о Нф в Китае.
Wu W. F. Producing the model «A»: SF in China //Amazing. — 1984. — Vol. 58, № 3. — Sept. — P. 50–53.
Создание модели «А»: НФ в Китае.

Wu W. F. Yellow peril: Chin. Americans in fiction: 1850~1940. — Handem: Shoe String, 1982. — 242 p.
Китайские американцы в фантастике. 1850–1940 гг.

Ye Yonglie. Development of SF in China //Foundation. — 1985. — Vol. 34. — Autumn. — P. 57–69.
Развитие НФ в Китае.

Ye Yonglie. SF in China //Locus. — 1981. — 16. Nov. — P. 1, 15, 18.
НФ в Китае.

Ye Yonglie. Shanghai meeting //Locus. — 1983. — 16. Oct. — P. 23.
НФ в Китае. Шанхайская встреча.

Персоналии

Чи Шучан
Чи Шучан дэн. Саньхао ююн сюаньшоуды бими. Кэсюе хуань-сян сяошо. — Пекин: Цзоцзя чубаньшэ, 1958. — 40 с. — Кит.
Секрет пловца — чемпиона под номером 3. Научно-фантастические рассказы Чи Шучана и других авторов.
ВГБИЛ

***Лао Ш* э**
1899–1966

Глаголева И. К. Лао Шэ: Биобиблиогр. указ. /Отв. ред. Сорокин В. Ф. — М.: Книга, 1983. — 120 с. — Указ.: с. 112–119.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Лао Шэ. Лао Шэ вэнь цзи. — Пекин: Жэньминь вэньсюе чубаньшэ, 1980–1986. — Кит.
Собрание сочинений.
ВГБИЛ

Лао Шэ. Избранные произведения: Пер. с кит. — М.: Худож лит., 1991. — 702 с., ил.

Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе: Роман и рассказы: Пер. /Сост. Семанов В. И. — М.: Наука, 1969. — 200 с.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе: Роман и рассказы Пер. /Сост. Семанов В. И.; Отв. ред. Шнейдер М. Е. — М.: Наука, 1977. — 262 с.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе /Пер. Семанова В. И. //Нов. мир. — 1969. — № 6. — С. 83–153.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Лао Шэ. Рикша. Роман; Записки о Кошачьем городе: Роман; Под пурпурными стягами- Роман; Рассказы; Старый вол, разбитая повозка: Эссе: Пер. с кит. /Худож. Клавсуц В. А. — М.: Прогресс, 1981. — 512 с., ил.
РГБ; ВГБИЛ

Лао Шэ. Рикша: Роман; Записки о Кошачьем городе: Роман; Под пурпурными стягами: Роман; Рассказы; Старый вол, разбитая повозка: Эссе: Пер. с кит. /Худож. Клавсуц В. А. — М.: Радуга, 1982. — 512 с., ил.
РГБ; ВГБИЛ

Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе: Роман и повести /Пер. с рус. Аветисян Ж. — Е. Сов. грох, 1979. — 304 с. — Арм.
РГБ

Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе- Пер. — А. — А.: Жазушы, 1972. — 148 с. — Каз.
РГБ

Шинбатыров А. Кошачий город, что это? //Жулдыз. — А. — А., 1973. — № 8. — С. 218–219. — Каз.
РГБ

Лао Ше. Записки про Котяче мюто /Пер. Чирка І. — К., 1974. — Укр.
Записки о Кошачьем городе.
РГБ

Lao Sheh.
Лао Шэ. Cat country a satirical novel of China in the 1930’s /Transl. by

Lye 11 W.A. — Columbus: OUP, 1970. — 296 p.
Записки о Кошачьем городе.
ВГБИЛ

Лао Шэ яньцзю луньвэнь цзи. — Цзинань, 1983. — 2, 388 с., ил. — Библиогр.: С. 376–387. — Кит.
Творчество писателя Лао Шэ (1899–1966). Сборник статей китайских авторов.
ВГБИЛ

Чжан Тяньи
1906–1980
Чжан Тяньи. Чжан Тяньи вэньцзи. — Шанхай: Шанхай вэньи чубанынэ, 1985. — Кит.
Т. 1. — 2,562 с., ил. Т. 2. — 4,490 с., ил.
Собрание сочинений.
ВГБИЛ

Чжан Тяньи. Избранное: Пер. е кит. — М.: Гослитиздат, 1957. — 372 с.

Чжан Тяньи. Записки из мира духов. Повесть; Рассказы /Пер. с кит. Черкасского Л. — М.: Худож. лит., 1972. — 286 с.
РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Чжан Тяньи вэньсюе пинлунь цзи. — Пекин: Жэньминь вэнсюе чубанынэ, 1984. — 714 с., ил. — Кит.
О творчестве современного китайского писателя Чжан Тяньи (1906–1980). Сборник статей.
ВГБИЛ

Чжэн Вэньгуан
(род. 1929)
Чжэн Вэньгуан. Фэй сян жэнь ма цзо. — Пекин: Жэнь минь вэньсюе, 1979. — 2,284 с., ил. — Кит.
Сборник научно-фантастических рассказов.
РГБ

Вэй Сыли
Вэй Сыли. Ми цзан. — Пекин: Чжунго вэньи чубаньшэ, 1988. — 248 с. — Кит.
Сборник научно-фантастических рассказов китайского писателя, проживающего в Гонконге. 80-е гг. XX в.
РГБ

Цзя Пинъао
Цзя Пиньао. Цзя Пиньао цзи. — Фучжоу: Хайся вэньи чубаньшэ, 1986. — 8,400 с., ил. — Кит.
Сборник произведений современного китайского писателя. ВГБИЛ

Цзя Пиньао. Шанчжоу. — Пекин: Бэйцзин шиюе вэньи чу-баныиэ,

1987. — 238 с. — Кит.
Роман.
ВГБИЛ

Fan Xing. Ja Pingwa and contemporary mystery fiction //Вэньсюе пинлунь — Lit. rev. — Пекин, 1992. — № 5. — P. 76–83.
Мистика и фантастика в рассказах Цзя Пиньао.
ИНИОН

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ НФ В КИТАЕ

Указатели литературы

Бобров С. П. Переводы с китайского, подражания и фантазии //Искры пламени: Воет, альманах. — М., 1975. — Вып. 3. — С. 554–560.
РГБ; ВГБИЛ

Произведения китайской художественной литературы в переводах на русский и другие языки народов СССР: Библиогр. спис. машинопис. — № 82 /ВГБИЛ. ЦСА.
ВГБИЛ

Ye Yonglie. Chinese SF translations // Locus. — 1982. — 15. Aug. — P 15, 19.
Переводы китайской НФ. Обзор.

Ye Yonglie. 1982: Foreign SF in Chinese //Locus. — 1983. — 16. July. — P. 15.
Зарубежная НФ в Китае в 1982 году. Обзор.

Персоналии

Адамов Г. Цюймо цзи /Ичжэ Чэнь Фуань, Лу Линь. — Шан-хай. Чаофэн чубаныиэ, 1955. — Кит.
Ч. 1. — 312 с., ил. Ч. 2. — 314 с., ил.
Адамов Г. Изгнание владыки.
ВГБИЛ

Белицкий М. Ганьцзюнь минциба. — Шанхай. Синьвэньи чубаньшэ, 1954. — II, 202 с. — Кит.
Белицкий М. Бацилла № 0,78. Пер. на кит. Су шэн. Научно-фантастический роман.
РГБ

Беляев А. «Канъайци» син /Ичжэ Тэнбао, Чэнь Вэйи. — Шанхай: Чаофэн чубаньшэ, 1955. — 226 с., ил. — Кит. Звезда Кэц.
ВГБИЛ

Брянцев Г. Сюеди чжуйцзун /Ичжэ Сюй Тема. — Пекин: Шидай чубаньшэ, 1954. — 132 с. — Кит.
Брянцев Г. Следы на снегу. Приключенческая повесть.
ВГБИЛ

Ефремов И. Синцюшанлайды жэнь /Ичжэ Лоуму. — Шанхай: Чаофэн чубаньшэ, 1955. — 314 с., ил. — Кит.

Ефремов И. Звездные корабли.

ВГБИЛ

Taylor A. Chinese parallels in Le Guin’s work //Arena. — 1979. — № 9. — Aug. —P. 17.

Китайские параллели в произведениях американского фантаста У. Ле Гуин.

Ye Yonqlie. Robert A. Heinlein in Shanghai //Locus. — 1983. — 16. Jan. — P. 1, 19.

Произведения американского фантаста Роберта Ансона Хайнлайна в Шанхае.

Верн Ж. Баши тянь хуанью дицю //Ичжэ Шади. — Пекин: Чжунго циннянь чубаныиэ, 1958. — 280 с., ил. — Кит.

В 80 дней вокруг Земли.

ВГБИЛ

Лян Цичао — писатель, переводчик произведений Ж. Верна на китайский язык.

1873–1929

Лян Цичао. Инь бин ши хэцзи. — Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1936. — Кит.

Т. 1-16.

Собрание сочинений.

ВГБИЛ

Лу Синь — наиболее употребительный из сотни псевдонимов писателя Чжоу Шужэня (1881–1936). Переводчик произведений Ж. Верна на китайский язык.

Лу Синь чжу и синянь мулу. — Шанхай: Шанхай вэньи чу-баньшэ, 1981. —560 с. — Указ.: с. 311–560. — Кит.

Произведения Лу Синя и произведения иностранных писателей в переводах на китайский язык Лу Синя. Библиографический указатель.

ВГБИЛ

Лу Синь цюаньцзи. — Пекин: Женьминь вэньсюе чубаньшэ, 1973. — Кит.

Т. 11. Юецзе люйсин. — Диди люйсин. — Юйвай сяошо цзи. — Сяньдай сяошо цзи. — Сяньдай жибэнь сяошо цзи. — Гун-жэнь Суйхуэйлофу. — 748 с., ил. — Кит.

Полное собрание сочинений. Т. 11. Жюль Верн. Из пушки на Луну. — Путешествие к центру Земли. — Рассказы иностранных писателей /Пер. Лу Синя.

ВГБИЛ

Лу Синь. Собрание сочинений /Пер. с кит.; Под общ. ред.

Колоколова В. С., Симонова К. М., Федоренко Н. Т.; Сост. Позднеева Л. Д.; Ред. пер. Колоколов В. С., Рогов В. Н. — М.: Гослитиздат, 1954–1956.

Т. 1. — 1954. — 458 с., ил. Т. 2. — 1955. — 422 с., ил. Т. 3. — 1955. — 318 с., ил. Т. 4. — 1956. — 262 с., ил.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Позднеева Л. Д. Лу Синь: Жизнь и творчество: (1881–1936). — М.: Изд-во МГУ, 1959. — 572 с.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Мао Дунь — писатель, переводчик произведений английского писателя Г. Уэллса на китайский язык (1896–1981).

Кунин В. В. Мао Дунь: Биобиблиогр. указ. /ВГБИЛ. — М.: Всесоюз. кн. палата, 1958. — 46 с., ил. — Библиогр. с. 41–45.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Мао Дунь. Цюаньцзи. — Пекин: Жэньминь вэньсуе чубаныиэ, 1984–1987. — Кит.

Т. 1-15.

Полное собрание сочинений Мао Дуня.

ВГБИЛ

Алексис де Токвиль
(1805 — 1859)

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Перевёл Виталий Олейник

Публикуется по изданию:

Алексис де Токвиль. Демократия в Америке.

М., Прогресс, 1992.

Продолжаем публикацию глав пророческой книги А. *де Токвиля.*

Предыдущие главы:

Предисловие к журнальной публикации. Введение. Гл. I. Внешние очертания Северной Америки. — № 4, 1994; Гл. II. Происхождение

англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. — № 5, *1994; Гл. III. Общественный строй англоамериканцев. Гл. IV. О принципе народовластия в Америке. — № 6, 1994; Гл. V (нач.). Необходимость изучить происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем Союзом. — № 1, 1995.*

Глава V
(окончание)

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ

Отличия систем управления в *штатах, входящих* в *состав Союза. — Чем дальше к югу, тем общинная жизнь становится менее активной и менее полной. — Возрастание роли чиновника, сужение власти избирателей. — Административные функции переходят от общины к округу. — Штаты Нью-Йорк, Огайо и Пенсильвания. — Принципы административного устройства, свойственные всему Союзу в целом. — Выборы государственных чиновников и их несменяемость в должности. — Отсутствие иерархии. — Введение институтов судебного воздействия в систему управления.*

Выше я уже обещал, что, рассмотрев подробно устройство общины и округа в Новой Англии, я сделаю общий обзор того, что происходит в остальной части Союза.

По мере продвижения к югу общинная жизнь становится заметно менее активной; в общине меньше должностных лиц, и у них меньше прав и обязанностей; жители уже не могут непосредственно влиять на дела общины; общинные собрания, или ассамблеи, проводятся значительно реже, и круг обсуждаемых на них вопросов заметно сужается. Как следствие, власть выборных чиновников существенно возрастает, тогда как власть самих избирателей уменьшается; общинный дух здесь менее очевиден и менее силен[11].

Эти различия становятся заметными в штате Нью-Йорк и уже совсем резко проявляются в штате Пенсильвания; однако при продвижении к северо-западу они вновь делаются менее ощутимыми. Большинство эмигрантов, основавших штаты Северо-Запада, были выходцами из Новой Англии; они перенесли в свое новое отечество привычную им систему управления. Община в штате Огайо во многом напоминает общину штата Массачусетс.

Мы уже видели, что в Массачусетсе община — это основа основ управления обществом. Она является тем центром, где сосредоточены как все интересы, так и все чувства людей. Однако положение существенно меняется, когда попадаешь в штаты, где люди менее образованны, и, следовательно, община в целом менее способна к разумным действиям и у нее меньше возможностей обеспечить надлежащее управление. Итак, по мере удаления от штатов Новой Англии та роль, которую играла община, до некоторой степени переходит к округу. Округ превращается в крупную административную единицу, власти которой становятся промежуточным

11 О

звеном между правительством штата и простыми гражданами.

Я уже говорил о том, что в Массачусетсе дела округа ведутся сессионным судом. Сессионный суд состоит из определенного числа должностных лиц, назначаемых губернатором и состоящим при нем советом. Округ не имеет представительных органов, а его бюджет утверждается законодательным собранием штата.

В таком большом штате, как Нью-Йорк, а также в штатах Огайо и Пенсильвания, наоборот, жители каждого округа выбирают определенное количество депутатов, из которых формируется представительный орган — совет округа[12].

Совет округа располагает, в известных пределах, правом облагать налогами своих жителей — в этом случае он выступает как настоящий законодательный орган. Одновременно совет округа является и исполнительным органом, нередко участвует в управлении общинами, заметно ограничивая их полномочия, так что, по сравнению с Массачусетсом, местные общины пользуются значительно меньше властью.

Таковы главные отличительные черты, характерные для устройства общины и округа в различных штатах федерации.

Если бы в мои намерения входило описать более детально различные формы отправления власти, то мне пришлось бы указать на еще большее число расхождений. Однако в мои задачи не входит составление курса американского государственного права. Я полагаю, что уже сказал достаточно для того, чтобы стало понятным, на каких общих принципах строится управление обществом в Соединенных Штатах. Эти принципы претворяются в жизнь по-разному и в различных частях страны приводят к более или менее разным результатам, хотя по существу они повсюду одни и те же. Законы отличаются по форме, но их питает общий дух.

Несмотря на то что общины и округа устроены не везде одинаково, можно утверждать, что повсюду в Соединенных Штатах в основе их организации лежит одна и та же идея: каждый человек есть лучший судья тому, что касается лишь его самого и поэтому он лучше, чем кто-либо другой, способен позаботиться об удовлетворении своих потребностей. Следовательно, в обязанности и общины и округа входит обеспечение своих собственных интересов. Штат правит, но не управляет. Встречаются, конечно, исключения из этого правила, но противоречий этому правилу вы не найдете нигде.

Первым следствием данного подхода было то, что жители стали самостоятельно избирать всех представителей исполнительной власти и в общине, и в округе или, по крайней мере, отбирать этих должностных лиц исключительно из своей среды.

А поскольку должностные лица повсюду являются выборными или как минимум несменяемыми, в Соединенных Штатах нигде не могла возникнуть иерархическая структура власти. В этой стране существует

12 См.: Поправки к законам штата Нью-Йорк, ч. I, гл. XI, т. I, с. 340; там же, гл. XII; там же, с. 366; там же, «Акты штата Огайо». Закон от 25 февраля 1824 года касательно окружных уполномоченных (county commissioners), с. 263.

См. в «Дайджесте законов Пенсильвании» статьи: «Нормативы окружного представительства» (County-Rates), «Квоты» (Levies), с. 170.

В штате Нью-Йорк каждая община избирает депутата, который одновременно принимает участие как в управлении округом, так и в управлении общиной.

почти столько же независимых чиновников, сколько и должностей. Исполнительная власть оказалась рассредоточена среди множества людей.

Так как в стране полностью отсутствует административная иерархия и должностные лица являются выборными и несменяемыми вплоть до окончания срока действия их полномочий, появляется необходимость в большей или меньшей степени приобщать судебную власть к сфере управления. Отсюда в свою очередь возникает система наложения штрафов, с помощью которых нижестоящие образования и их представители понуждаются к исполнению законов. Эта система применяется во всех штатах Союза без исключения.

Впрочем, право пресечения должностных правонарушений или право выступать, в случае необходимости, в роли исполнительной власти принадлежит в различных штатах различным категориям судей.

Англоамериканцы взяли институт мировых судей из общего источника; мировые судья существуют повсюду в Соединенных Штатах. Однако их роль не везде одинакова.

Мировые судьи повсеместно оказывают содействие в управлении общинами и округами, либо непосредственно участвуя в процессе управления, либо подвергая преследованию тех, кто совершил те или иные должностные проступки и нарушения[13]; вместе с тем в большинстве штатов наиболее серьезные из этих проступков и нарушений все же передаются на рассмотрение обычных судов. Таким образом, избрание должностных лиц или их несменяемость, отсутствие административной иерархии, введение судебного контроля над нижестоящими образованиями в системе управления государством — таковы основные признаки, отличающие американскую систему исполнительной власти на всей территории государства от штата Мэн до штата Флорида.

В отдельных штатах можно наблюдать зарождающиеся элементы централизации исполнительной власти. В этом направлении наиболее далеко продвинулся штат Нью-Йорк.

В штате Нью-Йорк чиновники центрального государственного аппарата в некоторых случаях осуществляют надзор и контроль за функционированием нижестоящих эшелонов власти[14].

13 На Юге есть даже отдельные штаты, где на судебных чиновников округа (county-courts) возложены все, даже самые мелкие обязанности. См.: Законы и постановления штата Теннеси, статьи: «Судебные органы», «Налоги»…

14 Например, управление общественным образованием сосредоточено в руках правительства. Законодательное собрание назначает администрацию университета, так называемых регентов. Губернатор и вице-губернатор штата непременно входят в их число (Поправки к законам; т. I, с. 456). Регент университета ежегодно посещают колледжи и академии, представляя затем законодательному собранию отчет о состоянии дел; подобный надзор не является формальным по следующим, весьма специфическим причинам: колледжам, с целью получения статуса юридического лица (корпорация), обладающего правом продавать, покупать и владеть собственностью, требуется хартия, которая дается лишь по представлению регентов. Кроме того, ежегодно штат распределяет между колледжами и академиями определенные суммы денег из специального фонда, созданного для поощрения образования. Распределяют эти суммы опять-таки регенты. См. главу XV «Народное образование». — Поправки к законам, т. I, с. 455.

Комиссионеры по делам общественных школ также обязаны один раз в год представлять отчет о состоянии дел смотрителю школ республики. Там же, с. 488.

Кроме того, аналогичный доклад подается ежегодно и о численности и положении

В других случаях они формируют нечто вроде апелляционного суда для решения конкретных дел[15]. В штате Нью-Йорк судебные санкции используются в качестве административных мер меньше, чем где-либо в других местах. Право преследования за должностные правонарушения предоставлено меньшему числу лиц[16].

В незначительной степени аналогичная тенденция наблюдается и в ряде других штатов[17]. Однако в целом можно утверждать, что отличительной чертой исполнительной власти в Соединенных Штатах является ее крайняя децентрализация.

О ШТАТЕ

Я уже писал об общинах и их управлении, теперь мне остается описать лишь штат и его правительство.

На данной теме я могу остановиться лишь вкратце, не опасаясь оказаться непонятым то, что я намерен рассказать, изложено во всех писаных конституциях, которые всякий может без труда найти[18]. Концептуальная основа этих конституций весьма проста и рациональна.

Большинство содержащихся в них положений принято всеми нациями, имеющими конституции, а потому они нам в достаточной степени знакомы

Таким образом, я ограничусь здесь лишь самым кратким изложением. Впоследствии я постараюсь дать оценку тому, о чем сейчас намерен сказать.

беднейших слоев населения. Там же, с. 631.

15 Если кто-то считает себя пострадавшим в результате тех или иных действий комиссионеров по делам школ (которые принадлежат к числу общинных должностных лиц), он может обратиться с жалобой на них к смотрителю школ, чье решение является окончательным. — Поправки к законам, т. 1. с. 487.

В законах штата Нью-Йорк время от времени встречаются положения, аналогичные тем, которые только что приведены мною в качестве примеров. Однако в целом подобные попытки централизации власти редки и малоэффективны. Возлагая на высших должностных лиц штата право надзора и руководства низшим звеном должностных лиц, штат не дает им в то же время права вознаграждать или наказывать последних. Практически никогда не бывает так, чтобы один и тот же человек обладал правом давать приказ и одновременно правом наказывать за неповиновение; в результате, располагая правом приказывать, он не может заставить человека подчиниться своему приказу.

В 1830 году смотритель школ в своем ежегодном докладе законодательному собранию пожаловался на то, что многие комиссионеры по делам школ не передали ему, несмотря на его настойчивые требования, отчетов, которые они были обязаны ему представить. «Если подобное упущение повторится вновь, — добавил он, — я буду вынужден, согласно закону, подать на них жалобу в соответствующий суд».

16 Так, например, в каждом округе на атторнея (district-attorney) возложена обязанность производить взыскание всех штрафов, сумма которых превышает пятьдесят долларов, в том случае, если данное право не было прямо возложено законом на другое должностное лицо. — Поправки к законам, ч I, гл. X, т.1, с. 383.

17 В Массачусетсе мы находим немало признаков централизации исполнительной власти. Например, школьные комитеты в общинах обязаны ежегодно составлять отчет о своей деятельности и передавать его секретарю штата. — Законы Массачусетса, т. I, с. 367.

18 См текст конституции штата Нью-Йорк.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ШТАТА

Разделение законодательного корпуса на две палаты. — Сенат. — Палата представителей. — Различные функции палат.

Законодательная власть штата вверена двум палатам; первая из них называется сенатом.

Сенат — это прежде всего законодательный орган, хотя изредка он выполняет функции исполнительной или судебной власти.

В соответствии с конституциями различных штатов[19] сенат осуществляет административные функции разными способами, однако чаще всего он внедряется в сферу исполнительной власти путем участия в назначении должностных лиц.

Он принимает на себя часть обязанностей судебной власти, вынося постановления по ряду правонарушений политического характера, а также иногда разрешая некоторые гражданские дела[20].

Число его членов всегда невелико.

Палата представителей — вторая составная часть законодательного собрания — никакой исполнительной деятельностью не занимается, а в правосудии принимает участие лишь обвиняя перед сенатом государственных чиновников.

Условия выборов членов обеих палат практически повсюду одинаковые. И те и другие избираются на основе единой процедуры, одними и теми же гражданами.

Единственное различие между ними заключается в том, что сенаторы обыкновенно выбираются на более длительный срок, нежели члены палаты представителей. Последние редко остаются на своем посту больше одного года, тогда как сенаторы чаще всего избираются на два или три года.

Предоставляя сенаторам привилегию быть избранными на многолетний период и частично обновляя их состав, закон позаботился о том, чтобы сохранить в среде законодателей ядро, состоящее из людей, уже опытных в делах и способных оказывать полезное влияние на вновь избранных.

Разделив законодательный корпус на две палаты, американцы не ставили перед собой задачи превратить одну в наследственное, а другую — в выборное учреждение; они также не намеревались сделать одну палату аристократической, а другую — демократической. Не задавались они и целью найти в первой опору для правительства, а второй оставить защиту интересов и чаяний народа.

Единственными положительными результатами создания в современных Соединенных Штатах двухпалатной структуры явились разделение законодательной власти с тем, чтобы сдерживать деятельность политических органов, и учреждение апелляционного суда для проверки законов.

Время и опыт доказали американцам, что, помимо вышеназванных преимуществ, разделение законодательной власти есть первейшая

19 В Массачусетсе сенат не имеет никаких административных функций.

20 Как в штате Нью-Йорк.

необходимость для общества. Пенсильвания, единственная из всех объединенных в Союз республик, предприняла вначале попытку создать однопалатный орган. Сам Франклин, находившийся во власти логических построений, вытекающих из концепции о народовластии, способствовал осуществлению этого намерения. Однако вскоре потребовалось изменить закон и создать две палаты. Принцип разделения законодательной власти получил, таким образом, последнее признание; отныне можно считать, что разделение законодательной деятельности между несколькими органами является доказанной необходимостью. Данная теория, практически неизвестная античным республикам, возникла в мире чуть ли не случайно, как, впрочем, открылось и большинство других великих истин. В наше время она наконец принята в качестве аксиомы политическими науками.

ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ШТАТА

Что такое губернатор штата. — Каково положение, занимаемое им по отношению к законодательному корпусу. — Каковы его права и обязанности. — Его зависимость от народа.

Губернатор является представителем исполнительной власти штата.

Я не случайно употребил здесь слово «представитель». Губернатор штата в действительности представляет исполнительную власть, но вместе с тем круг его прав в сфере исполнения ограничен определенными рамками.

Губернатор как высшее должностное лицо поставлен рядом с законодательным собранием для того, чтобы сдерживать законодательную власть и выступать в роли советчика. Он обладает правом «отлагательного вето», которое позволяет ему по своему усмотрению останавливать или, по крайней мере, тормозить те или иные действия законодательного корпуса. Он докладывает законодательному собранию о нуждах штата и предлагает те средства, которые он считает необходимыми для их удовлетворения. И естественно, он является единственным исполнителем решений законодательных органов касательно всех тех начинаний, которые затрагивают интересы всего штата в целом[21]. В отсутствие законодательного собрания он должен предпринимать все возможные меры с тем, чтобы оградить штат от любых насильственных потрясений и непредвиденных опасностей.

Губернатор сосредоточивает в своих руках всю военную мощь штата. Он является командующим милицией штата и главой вооруженных сил.

В том случае, когда нарушается общественная воля, воплощенная со всеобщего согласия в законах, губернатор сам лично возглавляет все вооруженные подразделения штата с тем, чтобы подавить сопротивление закону и восстановить должный порядок.

Губернатор не принимает никакого участия в управлении общинами и округами, или, вернее, имеет к этому лишь косвенное отношение, назначая мировых судей, которых сам же потом не имеет права

21 На практике не всегда только лишь губернатор осуществляет решения законодательного собрания. Нередко случается так, что, принимая какое-либо постановление, законодатели одновременно назначают специальных чиновников для наблюдения за его выполнением.

отзывать[22].

Губернатор — выборное должностное лицо. Обычно он избирается на один или два года и таким образом остается в постоянной и прочной зависимости от избравшего его большинства.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Различие, которое необходимо проводить между правительственной и административной централизацией. — Отсутствие в Соединенных Штатах административной централизации наряду с сильной *централизацией правительственной власти. — Некоторые негативные последствия, вытекающие из крайней административной децентрализации в Соединенных Штатах. — Преимущества подобного порядка вещей с административной точки* зрения. *— По сравнению с Европой власть, управляющая американским обществом, менее упорядочена, менее осведомлена и менее вооружена знаниями, но значительно более могущественна. — Политические преимущества такого положения дел. — В Соединенных Штатах понятие отечества очень близко всем. — Растущая необходимость в местных институтах власти по мере демократизации общественного строя. — Причины этого.*

В наши дни постоянно говорят о централизации, однако никто не старается вникнуть в смысл этого понятия.

Между тем существует два совершенно различных типа централизации, которые не следует путать.

Есть определенные интересы, общие для всех слоев общества, такие, как, например, установление общих законов и взаимоотношения с иностранцами.

Есть также интересы, присущие каким-то отдельным слоям общества, как, например, те или иные действия и начинания общины.

Правительственная централизация, по моему мнению, — это сосредоточение власти в едином центре или в одних руках для защиты первой группы интересов.

Под административной централизацией я подразумеваю подобную же концентрацию власти с целью защиты второй группы интересов.

Есть ряд признаков, по которым эти два вида централизации совпадают. Однако, рассматривая в комплексе те вопросы, которые находятся в компетенции каждой из них в отдельности, можно без труда различить их между собой.

Правительственная централизация, и это понятно, приобретает небывалую силу в соединении с административной централизацией. В этом случае она приучает людей полностью и постоянно отказываться от проявления собственной воли, приучает подчиняться, причем не единожды и не по одному конкретному поводу, но во всем и всегда. Она не просто подчиняет людей себе, укрощая их с помощью силы, — она использует также их приверженность собственным привычкам; вначале она действует изолированно, на каждого в отдельности, а затем и на массу в целом.

22 Во многих штатах мировые судьи назначаются не губернатором.

Эти два вида централизации связаны между собой и содействуют друг другу, вместе с тем я не могу сказать, что они неразделимы.

При Людовике XIV Франция оказалась свидетельницей величайшей централизации правительственной власти, которую только можно себе представить, ибо один и тот же человек издавал общие законы и одновременно обладал правом их толковать; представлял Францию за рубежом и действовал внутри страны от ее же имени. «Государство — это я», — говорил он и был совершенно прав.

Однако при Людовике XIV административная централизация была значительно слабее, нежели в наши дни.

Сегодня мы видим, что в такой стране, как Англия, где централизация правительственной власти доведена до чрезвычайно высокой степени, государство действует словно один человек; по своей воле приводит в движение колоссальные массы людей, везде и всюду, где только пожелает, собирает силы и использует все свое могущество.

Между тем в Англии, свершившей за последние пятьдесят лет столь великие деяния, полностью отсутствует централизация административной власти.

Со своей стороны я не могу даже представить, чтобы нация смогла существовать и в особенности достигнуть процветания без сильной централизации правительственной власти.

Вместе с тем я считаю, что централизация административной власти способна лишь раздражать людей, которые этой власти подчиняются, потому что она постоянно стремится ослабить у них общинный дух. Централизация административной власти действительно может способствовать объединению на определенном этапе и в определенном месте всех сил нации, однако она оказывает негативное воздействие на обновление этих сил. Таким образом, она превосходно может обеспечить какому-то человеку мимолетное величие, но вовсе не прочное благосостояние целого народа.

Следует с большой осторожностью внимать тем, кто утверждает, что государство не способно функционировать без централизации, — в этом случае, сами того не осознавая, люди обычно ведут речь о централизации правительственной власти. Германская империя — непрерывно повторяют они — так никогда и не смогла воспользоваться всеми своими возможностями. Но в чем причины этого? А в том, что силы нации никогда не были централизованы; в том, что государство так и не смогло заставить своих граждан повиноваться основным законам; в том, что разрозненные части этого великого целого всегда обладали либо правом, либо возможностью отказывать в своем содействии представителям общенациональной власти даже в тех делах, которые представляли интерес для всех жителей, — другими словами, в том, что не существовало централизации правительственной власти. Аналогичное замечание может быть отнесено и к средневековью: причиной всех несчастий и бед феодального общества явилось то, что власть не только не могла управлять, но и править, была, распылена среди множества людей и осуществлялась множеством самых разнообразных способов. Отсутствие какой-либо централизации правительственной власти мешало народам Европы того периода решительно продвинуться к той или иной цели.

Мы видели, что в Соединенных Штатах совершенно не существовало централизации административной власти, да и признаки иерархии

властей были лишь слабо заметны. Децентрализация достигла здесь такого уровня, что, будь это в Европе, ни одна нация не миновала бы при этом огромных трудностей, и даже в Америке подобная децентрализация в отдельных случаях причиняет весьма ощутимое зло. Вместе с тем централизация правительственной власти в Соединенных Штатах чрезвычайно высока. И легко доказать, что силы нации здесь более сплочены, чем в любой из старых европейских монархий. Дело не в том, что в каждом штате есть единственный орган, издающий законы, и не в том, что существует лишь один мощный источник политической активности общества, а в том, что в целом здесь избежали объединения многочисленных ассамблей округов из опасения, что эти ассамблеи могут попытаться выйти за пределы своей компетенции и тем самым нарушат надлежащее функционирование правительства. В Америке нет власти, способной противодействовать законодательному собранию штата. Ничто не может помешать его действиям' ни привилегии, ни неприкосновенность местных властей, ни личные влияния, ни даже авторитет разума, потому что оно является представителем большинства, претендующего на то, что только оно является единственным носителем этого разума. Таким образом, действия законодательного собрания ничем на ограничены, и оно руководствуется лишь своей волей. Рядом с ним и под его рукой всегда находится представитель исполнительной власти, который с помощью вполне реальных сил должен принуждать к повиновению недовольных.

В деятельности правительства слабых звеньев очень мало.

Американские республики не имеют постоянных вооруженных сил, чтобы усмирять недовольные меньшинства, но, поскольку эти меньшинства до сих пор еще ни разу не вступали в открытую борьбу, необходимость в постоянной армии пока и не ощущалась. Для воздействия на своих граждан штат чаще всего использует чиновников округа или общины. Так, например, в Новой Англии именно общинный податной чиновник облагает налогами, общинный сборщик налогов взимает их, общинный казначей передает эти деньги в государственную казну, а возникающие по ходу дела претензии передаются в суды общей юрисдикции. Данный способ собирать налоги медлен и неудобен; он постоянно затрудняет нормальную деятельность правительства, нуждающегося в больших денежных поступлениях. В общем, было бы естественным стремиться к тому, чтобы правительство во всех тех областях, которые необходимы для его жизнедеятельности, располагало бы собственными чиновниками, отобранными им самим, сменяемыми только по его решению, а также способными к быстрым действиям.

Однако при той организации центральной власти, которая существует в Америке, всегда можно, в случае необходимости, без промедления применить более решительные и более эффективные методы.

Следовательно, вовсе не по причине полного отсутствия централизации в Соединенных Штатах, как это нередко утверждается, могут погибнуть республики Нового Света. Правительства американских штатов не только нельзя назвать слабо централизованными — напротив, они излишне централизованы, и я впоследствии докажу правомерность подобного утверждения. Законодательные собрания ежедневно присваивают себе какие-то отдельные элементы правительственной власти; они стремятся поглотить их, как это в свое время сделал французский Конвент. И государственная власть, централизуемая

подобным образом, постоянно переходит из рук в руки, потому что она подчиняется воле народа. Нередко ей недостает мудрости и предусмотрительности потому, что она в состоянии делать все, что ей заблагорассудится. В этом-то и заключается наибольшая для нее опасность. Таким образом, именно благодаря своей силе, а вовсе не из-за собственной слабости государство подвергается опасности когда-нибудь погибнуть.

Децентрализация административной власти имеет в Америке ряд самых различных последствий.

Мы уже видели, что американцы практически полностью изолировали местные власти от правительства, перейдя, как мне кажется, всякие границы здравого смысла, ибо порядок, пусть даже и во второстепенных по значимости вещах, тем не менее отвечает интересам всей нации[23].

Вследствие того, что штат не имеет собственных административных чиновников, занимающих конкретные должности в тех или иных населенных пунктах, которых он может заставить проводить на местах общую политику, он редко делает попытку установить единые для всей территории правила функционирования полиции. Между тем потребность в такого рода правилах ощущается достаточно сильно, и европеец весьма часто отмечает их отсутствие. Этот бросающийся в глаза поверхностный беспорядок убеждает его с первого взгляда в том, что в этом обществе царит полная анархия, и, лишь внимательно всмотревшись в то, что происходит, он начинает понимать, что его первое впечатление было совершенно ложным.

Некоторые начинания, представляющие интерес для всего штата, тем не менее не удается реализовать потому, что не существует общенациональной администрации, которая была бы в состоянии этим заняться. Предоставленные заботам общин, округов и их выборных и временных представителей, эти начинания остаются либо совсем безрезультатными, либо результат оказывается недолговременным.

Сторонники централизации в Европе утверждают, что правительство способно лучше управлять общинами, нежели они могли бы делать это сами; это, может быть, и верно, когда представители центральной власти являются людьми просвещенными, а жители общин — необразованны; когда центральная власть деятельна, а граждане — инертны; когда правительство привыкло повелевать, а народ — повиноваться. Разумеется, что с ростом централизации усиливаются и эти два процесса, то есть все большая активность с одной стороны, и полная неспособность действовать — с другой, становятся очевидными.

Но в том случае, когда народ образован, хорошо знает, чего он хочет, и привык заботиться о своих интересах, как это происходит в Америке, ничего подобного, я считаю, быть не должно.

23 Власти штата, хотя и не занимаются сами по себе управлением, все же не должны, на мой взгляд, отказываться от права контроля над местными властями. Например, я думаю, что представитель правительства, занимающий определенную должность в каждом округе, мог бы сообщать суду обо всех правонарушениях, которые совершаются в общинах и округах; разве это не привело бы к установлению единого порядка, при том что местная независимость от этого нисколько бы не пострадала? Между тем в Америке ничего похожего не существует. Над окружными судами нет выше стоящего органа, а сведения о правонарушениях административного характера, которые им положено пресекать, попадают сюда в достаточной степени случайно.

Напротив, я совершенно убежден, что объединенная сила граждан всегда окажется более способной обеспечить общественное благосостояние народа, нежели правительственная власть.

Признаюсь, однако, что весьма трудно точно указать тот способ, с помощью которого можно пробудить спящий народ, вызвать у него те или иные желания и дать ему знания, которых он был лишен; убедить людей в том, что они сами должны заниматься собственными делами, — это, не стану скрывать, задача архисложная. Нередко людей значительно проще заинтересовать мелочами придворного этикета, нежели ремонтом их собственного дома.

Одновременно я считаю, что в тех случаях, когда центральная власть утверждает, что она может полностью заменить собой свободное участие непосредственно заинтересованных в том или ином начинании людей, она либо ошибается сама, либо желает ввести в заблуждение вас.

Центральная власть, какой бы просвещенной и искушенной она ни представлялась, не в состоянии одна охватить все частности жизни великого народа. Она не может этого сделать потому, что подобная задача превосходит все пределы человеческих возможностей. Когда такая власть стремится только лишь своими силами создать и привести в действие бесчисленное множество различных общественных механизмов, она должна либо довольствоваться весьма неполными результатами, либо ее усилия будут просто тщетны.

Действительно, в условиях централизации легко удастся достигнуть некоего единообразия внешних проявлений человеческой активности, что приводит людей к удовлетворению этим единообразием как таковым, вне зависимости от того, чего оно касается. Это напоминает богомольцев, которые поклоняются изображению Божьему, забывая о Нем самом. Централизация без труда придает видимость упорядоченности в повседневных делах, при ней можно умело и обстоятельно руководить деятельностью полиции, охраняющей общество, пресекать небольшие беспорядки и незначительные правонарушения, поддерживать общество в некоем статус-кво, что, в сущности, не является ни упадком, ни прогрессом, поддерживать в общественном организме своего рода административную дремоту, которую правители обычно любят называть «надлежащим порядком» и «общественным спокойствием»[24]. Одним словом, централизация является превосходным тормозом в любых начинаниях, а не стимулом для их осуществления. Когда же возникает необходимость привести в движение глубинные силы общества или же резко ускорить его развитие, централизованная власть незамедлительно теряет всякую силу. Как только ей для проведения каких-либо мер становится необходимо поддержка граждан, все, к своему удивлению, обнаруживают слабость этого гигантского механизма, который разом оказывается совершенно бессильным.

24 Как мне кажется, Китай представляет нам наиболее яркий образец того общественного благосостояния, которое может дать своему народу лишь чрезвычайно централизованная власть. Путешественники утверждают, что китайцам присуще спокойствие, лишенное счастья; у них есть промышленность, однако она стоит на месте; общество стабильно, но бессильно; порядок в нем существует, но отсутствуют нравственные принципы. В Китае дела всегда идут достаточно хорошо, но никогда — очень хорошо. Я полагаю. что, когда Китай окажется открытым для европейцев, они встретят здесь самую совершенную модель централизации исполнительной власти, которая только существует в мире.

Иногда случается, что централизованная власть, не находя другого выхода, делает отчаянные попытки призвать граждан себе на помощь, вместе с тем говоря им: вы будете действовать так, как я хочу; столько, сколько мне потребуется, и именно в том направлении, которое я изберу сама. Вы будете заниматься исполнением отдельных дел, не стремясь к управлению целым; вы будете работать, находясь в неведении, и лишь впоследствии вы сможете судить о моей деятельности по ее результатам.

Однако на таких условиях добровольное содействие человека получить невозможно. Человеку необходима свобода действий, сознание ответственности за свои дела. Человек так уж устроен, что предпочитает оставаться в бездействии, нежели двигаться не по своей воле к неизвестной ему цели.

Я не стану отрицать, что в Соединенных Штатах часто сожалеют об отсутствии единообразных правил, с которыми каждый из нас как бы сверяет свои поступки.

В этой стране время от времени можно столкнуться с яркими примерами беззаботности и социальной апатии. Изредка выявляются постыдные изъяны, которые вступают в кричащее противоречие с окружающей их цивилизацией.

Нередко полезные начинания, требующие для их успешного завершения постоянного внимания и особой точности исполнения, в конце концов прерываются на полпути, так как в Америке, как и в других странах, люди нередко действуют под влиянием момента и подчиняясь внезапным порывам.

Европеец, привыкший всегда чувствовать рядом с собой чиновника, готового вмешаться во все что угодно, довольно трудно привыкает к сложному механизму общинной власти. В целом можно утверждать, что в Америке на детали деятельности государственной полиции, делающей жизнь приятной и удобной, никто не обращает абсолютно никакого внимания. Вместе с тем основные гарантии прав человека в обществе существуют здесь так же, как и во всех других государствах. В Америке власть, управляющая штатом, менее упорядочена, менее осведомлена, менее вооружена знаниями, однако она в сто раз могущественнее, чем в Европе. Не существует другой такой страны в мире, где бы люди предпринимали в конечном итоге столько усилий, чтобы достичь общественного благосостояния. Я не знаю другого такого народа, который бы создал такое великое множество школ, дающих столь высокие результаты; храмов, так соответствующих религиозным потребностям верующих; общинных дорог, находящихся в столь великолепном состоянии. Так что в Соединенных Штатах не следует искать единообразия и постоянства взглядов, мелочной заботы о частностях жизни, совершенства административной процедуры;[25] что в этой стране

25 Один талантливый писатель, сравнивая финансовую систему Соединенных Штатов и Франции, показал, что ум не всегда может заменить собой знание фактов, и справедливо обвинил американцев в том, что бюджеты их общин достаточно беспорядочны. Приводя в качестве примера бюджет одного из департаментов Франции, он добавляет: «Благодаря централизации, этому достойному удивления творению великого человека, муниципальные бюджеты как больших городов, так и самых скромных, расположенных как на одном конце королевства, так и на другом, составлены на основе единой методики и по единой схеме». Конечно, я восхищаюсь подобным результатом централизации, но в то же время вижу, что большинство французских коммун, чья бухгалтерская отчетность столь совершенна, абсолютно не знают своих истинных интересов и находятся во власти столь глубокой апатии, что общество здесь скорее прозябает, нежели живет. С другой

действительно можно найти — так это образец власти, правда несколько дикой, но исполненной могущества и жизни, подверженной всяким случайностям и вместе с тем действенной и мобильной.

Впрочем, я признаю, если угодно, что общины и округа в Соединенных Штатах управлялись бы с большей пользой центральной властью, расположенной вдали от них и остающейся для них чужеродной, нежели чиновниками, избранными из их собственной среды. Если потребуется, я даже могу признать тот факт, что в Америке жизнь была бы более спокойной и безопасной, если бы в этой стране общественные ресурсы использовались благоразумнее и рассудительнее, если бы управление всем государством было сосредоточено в одних руках. И все же политические преимущества, получаемые американцами от существующей у них системы децентрализации власти, заставляют меня предпочесть подобное устройство любому другому отличающемуся от него.

И наконец, что мне до того, что где-то существует власть, всегда деятельная, заботящаяся о том, чтобы я спокойно жил в свое удовольствие, власть, которая опережает каждый мой шаг, чтобы отвратить от меня все опасности раньше, чем у меня возникнет необходимость даже задуматься о них, если эта власть, избавляя меня от малейших затруднений, одновременно становится полноправной властительницей моей свободы и моей жизни, если она настолько подчиняет себе любое движение в обществе и даже само его существование, что все вокруг нее чахнет, когда хиреет она сама; что все спит, когда засыпает она; что все гибнет, едва смерть настигнет ее?

В Европе встречаются страны, жители которых, считающие себя чем-то вроде поселенцев, равнодушны к судьбам той земли, на которой они живут. Любые, даже самые крупные перемены происходят в их стране без их содействия; они зачастую даже не знают определенно, что произошло; они лишь догадываются, ибо случайно где-то слышали разговор о каком-то событии в стране. Более того, благосостояние их деревни, полиция на улице, участь их церкви и их прихода совершенно не волнуют людей; они полагают, что все это принадлежит некоему могущественному чужеземцу, который зовется Правительством. Они пользуются этими благами как чужим имуществом; у них нет понимания того, что все это принадлежит им самим, как нет и желания что-либо улучшить. Это безучастие к своей судьбе заходит настолько далеко, что, даже если их собственная безопасность или безопасность их детей подвергается угрозе, вместо того чтобы отвратить эту угрозу, они складывают руки и ждут, когда же вся страна целиком придет к ним на помощь. Впрочем, эти люди, хотя и полностью пожертвовавшие своей свободной волей, все же

стороны, я наблюдаю, что в аналогичных американских общинах, бюджет которых составлен без всякой методики и, тем более, не по единому образцу, население образованно, деятельно и предприимчиво; я вижу, как общество непрестанно трудится. Это явление не перестает поражать меня: на мой взгляд, основная цель хорошего правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей. Итак, я спрашиваю себя, нельзя ли приписать одной и той же причине процветание американской общины в сочетании с видимым беспорядком в ее финансах и бедственное положение коммуны во Франции при совершенстве ее бюджета. Во всяком случае, я с подозрительностью отношусь к проявлению добра, сопровождаемого стольким злом, и легко мирюсь со злом, которое окупается стольким добром.

любят повиноваться не более других. Правда, они готовы подчиняться указаниям чиновника, но как только сила удаляется от них на некоторое расстояние, они начинают вызывающе игнорировать закон, словно побежденного ими врага. Таким образом, они постоянно колеблются между раболепием и бурным своеволием.

Когда нации доходят до такого положения, они должны пересмотреть свои законы и свои обычаи, иначе они обречены на гибель, так как источник общественных добродетелей здесь, по всей видимости, иссяк: и хотя в этих странах еще есть подданные, граждан вы уже не встретите.

Я бы даже сказал, что народы, находящиеся в таком состоянии, могут легко стать жертвой завоевателя. Если они и не исчезнут с лица земли, то лишь потому, что оказались в окружении себе подобных или даже еще более слабых, нежели они сами, наций; или потому что у них еще сохранился некий необъяснимый инстинкт любви к отечеству, некая бессознательная гордость за свою страну, за ее имя, некое смутное воспоминание о ее прошлой славе. И хотя они не испытывают привязанности к чему-то определенному, этих ощущений бывает достаточно, чтобы в случае необходимости пробудить в них порыв к самосохранению.

Было бы ошибочным успокаивать себя на том основании, что некоторые народы проявляли чудеса героизма, защищая свое отечество, в котором они жили словно чужеземцы. Присмотревшись внимательнее, мы увидим, что главной побудительной силой в подобных ситуациях почти всегда оказывалась религия.

Долговечность, слава и процветание нации сделались для них священными догматами и, защищая свою родину, они защищали тот священный город, гражданами которого они все являлись.

Население Турции никогда не принимало никакого участия в управлении общественными делами. Между тем турки совершали великие дела, поскольку в завоеваниях султанов они усматривали торжество магометанства. Сегодня влияние религии постепенно ослабевает, остается один лишь деспотизм — и нация в результате гибнет.

Монтескье, признавая за деспотизмом особую, лишь ему присущую силу, оказывал ему, как мне думается, незаслуженную честь. Деспотизм сам по себе не может быть прочной основой общества. Всмотревшись повнимательнее, начинаешь понимать, что абсолютические правительства процветали столь продолжительное время благодаря религии, а не страху.

Как бы мы ни старались, мы никогда не найдем по-настоящему сильного общества, не опирающегося на свободное волеизъявление людей. В мире не существует ничего иного, кроме патриотизма или религии, что могло бы заставить самых различных граждан в течение долгого времени сообща стремиться к общей цели. Законы не в состоянии оживить угасающие верования, однако именно они могут вызвать интерес граждан к судьбе своей страны. Именно законы способны пробудить и направить в нужное русло этот неосознанный инстинкт любви к отечеству, который фактически никогда не покидает человеческое сердце и, соединив этот инстинкт с определенными взглядами, чаяниями и укоренившимися привычками, превратить его в осознанное и прочное чувство. И пусть не говорят, что уже поздно даже пытаться это сделать: нации стареют совершенно иначе, чем люди. Каждое новое родившееся поколение есть как бы новый народ, попадающий в руки законодателя.

В Америке я восторгаюсь более всего не административными, а политическими последствиями децентрализации. В Соединенных Штатах чувство родины ощущается повсеместно. Родина — это предмет заботы для всех, начиная с общины и кончая Союзом в целом. Человек живет интересами своей страны как своими собственными. Он гордится славой своей нации, достигнутыми ею успехами, в которых он видит частичку и своего труда, и это его возвышает; он радуется всеобщему процветанию, которое распространяется и на него самого. Он испытывает к своей родине такое же чувство, как к собственной семье. И вместе с тем он интересуется делами государства, движимый определенными эгоистическими побуждениями.

Зачастую европеец видит в государственном чиновнике лишь силу; американец же видит в нем право. Таким образом, можно утверждать, что в Америке человек никогда не подчиняется другому человеку, а повинуется лишь правосудию или закону.

И хотя он нередко о себе слишком высокого мнения, это всегда сказывается на нем благотворно. Он бесстрашно полагается на свои собственные силы, которых, как ему кажется, хватит на все. Например, у некоего частного лица созрела мысль о реализации какого-то начинания, которое, скажем, имеет прямое отношение к общественному благосостоянию, — однако ему даже в голову не приходит идея обратиться к государственным властям за содействием. Он объясняет свой план, берется сам его осуществить, зовет себе на помощь других людей и борется один на один со всеми препятствиями. Безусловно, нередко случается так, что он добивается меньших успехов, чем это получилось бы, будь на его месте государство. Однако в конце концов общий итог всех частных начинаний во многом превосходит то, что могло бы сделать государство.

Так как местная власть находится в непосредственной близости от тех, кем она управляет, и так как она некоторым образом представляет их самих, то ни ревности, ни ненависти она ни у кого не вызывает. А вследствие того, что ее средства ограничены, всякий чувствует, что он не может полагаться исключительно на нее.

Когда же эта власть действует в пределах своей компетенции, она никогда не остается в одиночестве, как это нередко случается в Европе. Никто не думает, что раз в дело вмешался представитель государства, то полномочия частных лиц кончились. Напротив, всякий направляет свои действия этого должностного лица и содействует ему всеми силами.

Когда индивидуальные силы объединяются с общественными, зачастую удается добиться того, чего самая сконцентрированная и самая деятельная власть была бы не в состоянии сделать[26].

Я мог бы привести большое количество фактов, подтверждающих сказанное мною, однако я предпочитаю ограничиться единственным

26 В Соединенных Штатах имеется система протекционистских тарифов. Малочисленность таможенных служб и огромная протяженность береговых линий крайне облегчают ввоз в страну контрабандных товаров; однако контрабандная торговля ведется здесь не столь активно, как в любом другом государстве, поскольку каждый американец старается ее подавить.

Поскольку в Соединенных Штатах нет профилактической пожарной службы, пожары здесь случаются чаще, чем в Европе, однако в целом они тушатся быстрее, так как население округа всегда готово при необходимости быстро собраться в опасном месте.

примером, выбрав тот, который мне лучше всего знаком.

В Америке в распоряжении властей находится весьма мало средств для раскрытия преступлений и поимки преступников.

Административной полиции здесь не существует, о паспортах никто понятия не имеет. Криминальную полицию в Соединенных Штатах нельзя даже сравнивать с нашей представители атторнейской службы весьма немногочисленны, причем они далеко не всегда имеют право возбуждать дело; расследование обычно ведется недолго и устно. Однако я сомневаюсь, что в какой-либо другой стране преступление столь же редко остается безнаказанным.

Причина такого положения заключается в том, что в этой стране все люди заинтересованны в представлении доказательств правонарушения и в поимке преступника.

За время моего пребывания в Соединенных Штатах я был свидетелем того, как жители округа, где было совершено серьезное преступление, стихийно образовали несколько комитетов с целью поймать виновного и отдать его под суд.

В Европе на преступника смотрят как на несчастного человека, делающего все возможное, чтобы спасти себя от представителей власти, причем население в некотором смысле присутствует при этом поединке. В Америке же он считается врагом рода человеческого, и против него восстает все население.

Я полагаю, что местные институты власти приносят пользу всем народам, однако никто не испытывает в них большей нужды, чем народ, живущий при демократическом общественном строе.

В аристократическом государстве всегда можно с уверенностью рассчитывать на сохранение известного порядка в условиях свободы.

Если правители рискуют потерять слишком многое, то порядок приобретает для них огромное значение.

Можно также утверждать, что при аристократическом правлении народ защищен от крайних проявлений деспотизма, потому что всегда находится некая организованная сила, способная оказать сопротивление деспоту.

Демократическое же государство, не имеющее местных институтов власти, совершенно не гарантированно от подобного зла.

Как же можно научить массу людей пользоваться свободой в больших делах, когда они не привыкли к ней в малых?

Как противиться тирании в стране, где каждый слаб, а люди в целом не объединены никакими общими интересами?

И те, кто опасаются своеволия, и те, кто боятся абсолютистской власти, должны, таким образом, сообща стремиться к постепенному развитию свободы на местах.

Впрочем, я совершенно убежден, что именно те страны, в которых сформировался демократический общественный строй, более, чем другие, рискуют попасть в оковы централизации исполнительной власти.

Для этого существует целый ряд причин, и в числе прочих следующие.

У этих стран появляется постоянная тенденция сосредоточивать всю правительственную мощь в руках единой власти, непосредственно представляющей народ, потому что без такого понятия, как народ, остаются лишь отдельные, равные между собой граждане, сливающиеся в общую массу.

Между тем, когда у этой власти уже есть все атрибуты правительственного органа, ей становится весьма сложно противиться желанию проникнуть в самые мелочи управления, и поэтому она обязательно рано или поздно находит для этого повод. Мы были свидетелями подобного развития событий в своих собственных странах.

Во времена Французской революции существовали два противоположных по своему направлению движения, которые не следует смешивать: одно из них создавало благоприятные предпосылки для развития свободы, а другое — для деспотизма.

В старой монархии все законы издавал исключительно сам король. На более низком уровне власти сохранились какие-то остатки провинциальных институтов управления, уже наполовину уничтоженных. Эти провинциальные институты были слабо связаны между собой, плохо руководимы и нередко просто абсурдны. В руках аристократии они иногда даже превращались в орудие угнетения.

Революция выступила как против королевской власти, так и против провинциальных органов управления. Она одинаково возненавидела все, что ей предшествовало, — и абсолютистскую власть, и то, что могло смягчить ее жестокость. Результатом Революции было одновременно и создание республики, и централизация власти.

Этот двойственный характер Французской революции был ловко использован сторонниками абсолютистской власти. Когда вы видите, сколь рьяно они защищают централизацию административной власти, вы думаете, что они трудятся на пользу деспотизму? Ничуть, они защищают одно из величайших завоеваний Революции[27]. Так они могут оставаться

27 Утверждение, будто централизация была вызвана Французской революцией, не является истинным. Французская революция усовершенствовала централизованную систему, но не породила ее. Вкус к централизации и мания к циркулярам во Франции восходят к тем древним временам, когда в правительство вошли легисты. Это возвращает нас в эпоху царствования Филиппа Красивого. С тех пор оба этих явления беспрестанно усиливались. Именно об этом господин де Малерб от имени Судебно-финансовой палаты говорил в 1775 году королю Людовику XVI: «Любая группа и любое сообщество граждан имеют право вести свои собственные дела, право, которое мы не считаем одним из старейших в королевстве потому лишь, что оно значительно старше самого королевства: это — естественное право, обусловленное природой человека как разумного существа. Тем не менее, сир, Ваши подданные были лишены этого права, и мы не побоимся сказать, что власти в данном отношении впали в крайность, которую можно определить как ребячество.

С тех самых пор, как могущественные министры возвели в политический принцип обыкновение не созывать национальное собрание, прецедент за прецедентом привел к тому, что с суждениями горожан вообще перестали считаться, если только они не получили одобрения главы городской администрации. В результате, пожелай члены этого городского сообщества распорядиться собственными финансовыми средствами, им необходимо будет склонить на свою сторону заместителя интенданта и соответственно руководствоваться утвержденным им планом, нанимать тех исполнителей, которым он покровительствует, и оплачивать их труд в соответствии с его указаниями. Если коммуне необходимо обратиться в судебные инстанции, ее прошение также должно быть заверено интендантом. Следовательно, дело должно быть рассмотрено в этой предварительной инстанции прежде, чем оно попадет в судебные органы. И если интендант не согласен с мнением своих горожан или же в том случае, если ответчик имеет некоторое влияние на аппарат городского управления, жители города оказываются лишенными возможности защищать свои права. Сир, таковы средства, с помощью которых во Франции стремились задушить самое память о муниципальной независимости, уничтожив, насколько это возможно, даже чувство свободолюбия у горожан. Таким образом, можно сказать, что вся нация была признана недееспособной и посему препоручена покровительству опекунов».

популярными среди народа и вместе с тем быть противниками предоставления прав этому народу, скрытыми прислужниками тирании и громогласными сторонниками свободы.

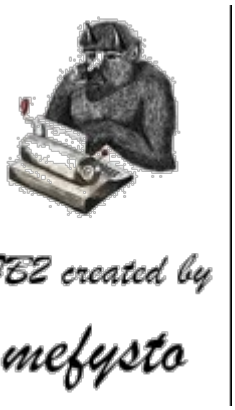
Я побывал в двух странах, где система местных свобод применяется очень широко, и я слышал мнения различных сторон по этому поводу. В Америке я столкнулся с людьми, которые тайно стремились к уничтожению демократических институтов в своей стране. В Англии я встретился с теми, кто резко нападал на власть аристократии. Однако ни в одной из этих стран я не нашел человека, который отрицал бы, что местные свободы являются великим благом для общества.

И в той и в другой стране я слышал о множестве различных причин, которыми объяснялись те или иные пороки государства, однако среди них никто и никогда не упоминал местных свобод.

Я слышал, как многие граждане, говоря о величии и процветании своей родины, приводили немало доводов в пользу этого; тем не менее все они ставили на первое место, выделяя в качестве основного преимущества их страны, существование местных свобод.

Можно ли после всего этого предположить, что факты, единодушно признаваемые столь несхожими между собой людьми, имеющими различные религиозные убеждения и политические принципы, факты, о которых они лучше всего могут судить, ибо постоянно и ежедневно сталкиваются с ними в жизни, оказались ложными?

Только те народы, у которых местные институты управления либо слабо развиты, либо вовсе отсутствуют, отрицают их пользу; это означает, что их хулят лишь те, кто совершенно незнаком с ними.



Что еще можно добавить к этому ныне, когда Французская революция уже совершила свои так называемые завоевания в области централизации?

В 1789 году Джефферсон писал из Парижа одному своему другу: «На свете не было страны, где бы страсть управлять всем и вся пустила столь глубокие корни, как во Франции, принося с собой так много зла» (Письмо Мэдисону от 28 августа 1789 года).

Истина заключается в том, что во Франции в течение уже нескольких веков центральная власть делала все, что хотела, с целью усиления административной централизации, и ничто не могло ее в этом ограничивать, кроме того, что ее силы также были не беспредельны.

Центральная власть, созданная Французской революцией, пошла в данном отношении дальше всех своих предшественниц потому, что она была сильнее и грамотнее каждой из них: Людовик XIV подчинил все стороны жизни городской общины произволу интенданта, а Наполеон — воле министра. Принцип всегда остается одинаковым, меняются лишь мера и полнота его реализации.